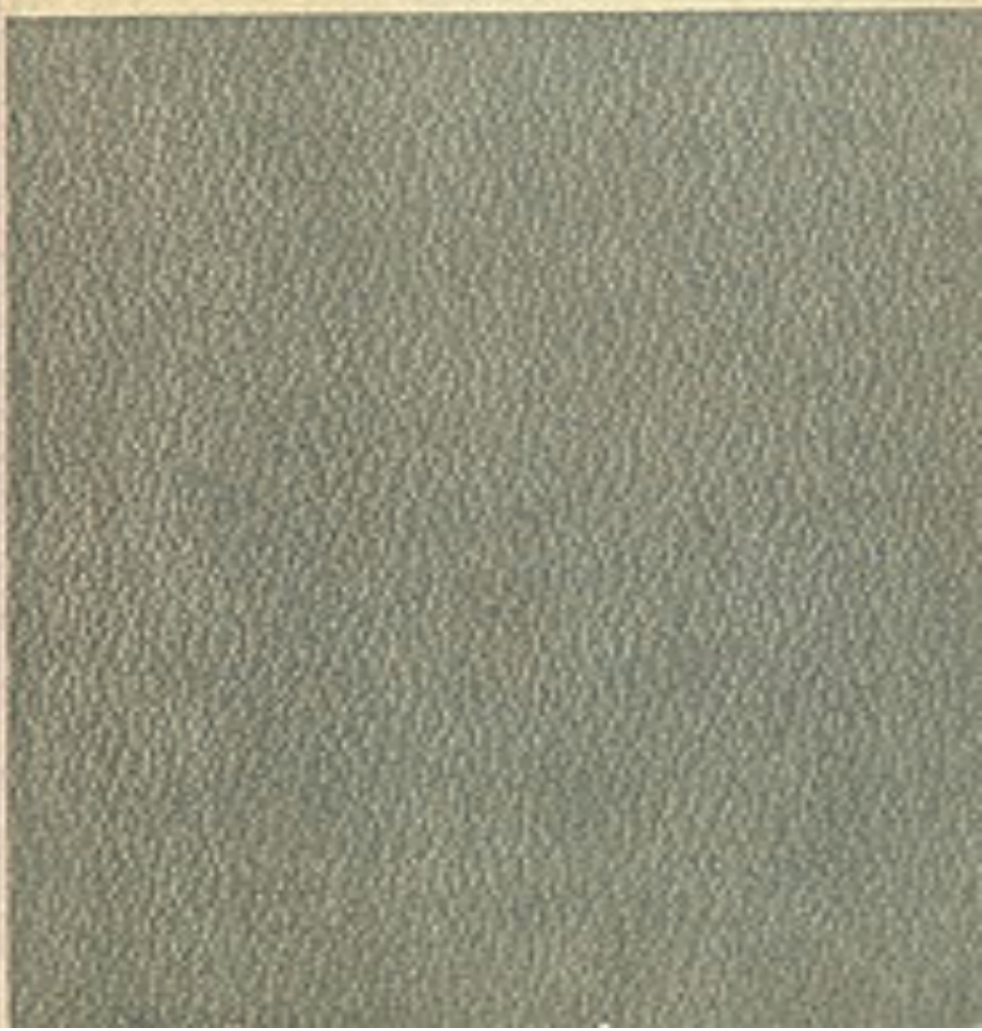
И. Ю. ДАВЫДОВ

ЮНОСТЬ УХОДИТ В БОЙ



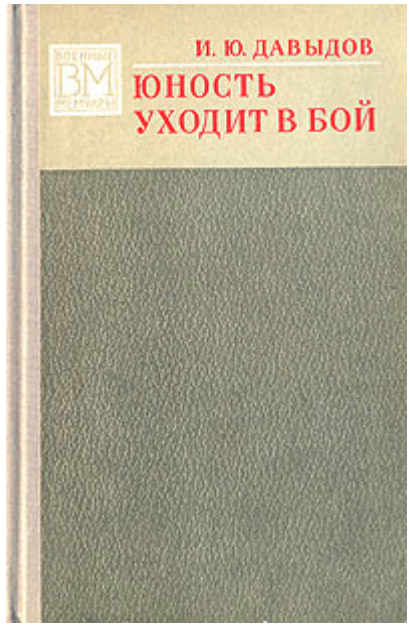
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге рассказывается о людях Отдельной мотострелковой бригады особого назначения, которая была сформирована в первые дни Великой Отечественной войны из комсомольцев-добровольцев, главным образом студентов и спортсменов Москвы и Московской области. Автор служил в этом соединении, сражался под Москвой, а затем около трех лет — в тылу врага. Первое издание книги вышло в 1965 году. Она быстро разошлась и получила положительные отзывы читателей.

- ○ ■
  - ■ Солдаты должны учиться
    - ■
    - ■ ■ * * *
      - ■ * * *
      - ■ * * *
  - ■ В секторах обороны
    - ■
    - ■ ■ * * *
      - ■ * * *
      - ■ * * *
      - ■ * * *
  - ■ Дороги в Москву закрыты
    - ■
    - ■ ■ * * *
      - ■ * * *
      - ■ * * *
      - ■ * * *
      - ■ * * *
      - ■ * * *
      - ■ * * *
      - ■ * * *
      - ■ * * *
  - ■ По следу врага
    - ■
    - ■ ■ * * *
      - ■ * * *
      - ■ * * *
      - ■ * * *
      - ■ * * *
  - ■ Отряды идут за линию фронта
    - ■

- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- За фронтовой чертой
  - * * *
  - * * *
  - * * *
  - * * *
  - * * *
  - * * *
- В клетнянских лесах
  - * * *
  - * * *
  - * * *
  - * * *
  - * * *
  - * * *
  - * * *
- Белоруссия родная
  - * * *
- В прифронтовой полосе
  - * * *
  - * * *
- Нашими тропами



Солдаты должны учиться

Мы знаем грядущему цену И знаем, что юность права...

А. Твардовский

В первый же день войны у входа в Ленинский райвоенкомат Москвы образовалась длинная очередь. Добровольцы рвались на фронт.

23 июня побывали там и мы с женой. Пробиться к военкому не смогли. Один из его помощников — капитан — взял наши заявления, попросил написать автобиографии и пообещал прислать повестки. Потом мы несколько раз приходили к нему, но он всегда отвечал уклончиво. Однажды он спросил у жены:

— А на кого вы оставите дочь?

— Дочь хорошо устроена, — ответила Вера.

Я заметил, что щеки у нее сразу зарделись: она говорила неправду. Незадолго до войны, о которой никто из нас, разумеется, не предполагал, мы, сдавая последние госэкзамены, отправили дочь с детским садом под Куйбышев. А когда началась война, послали письмо моей матери с просьбой взять девочку к себе. Дошло ли оно до Новосибирска, мы не знали.

Два молодых врача, только что окончивших институт, видимо, надоели в военкомате. Нас послали на краткосрочные хирургические курсы усовершенствования. Что ж, рассудили мы,

для начала неплохо и это. Фронту в первую очередь нужны хирурги. Место учебы тоже устраивало. Недавно в травматологическом институте мы проходили курс травматологии и ортопедии под руководством профессора Приорова. [4]

Но чувство неудовлетворенности не проходило. Мне казалось, что только меня одного почему-то не вызывают в военкомат.

Третьего июля, возвратившись из института, я встретился в коридоре общежития с Альбертом Цессарским, моим однокашником.

— Ну как? Все еще не призвали? — спросил он, сверкая радостными от возбуждения глазами.

— Скоро закончим курсы, тогда уж... — ответил я, хотя совсем не знал, что тогда будет.

— А я уже! — гордо сказал Альберт и, улыбнувшись, процитировал: — «Революцией мобилизованный и призванный».

Независливый от природы, на этот раз я позавидовал. От души пожав ему руку, спросил:

— В какие войска?

Лицо Цессарского сделалось непроницаемым. «Артист» — вспомнилось студенческое прозвище Алика. Стало немного обидно.

— Понимаю: военная тайна!

Альберт кивнул, но после недолгого молчания сказал:

— Сначала мне придется сдать все экзамены за пятый курс. Причем — экстерном. Тебе — проще: диплом уже на руках.

— Что верно, то верно.

Но и с дипломом у меня пропало желание подниматься на шестой этаж. И все же забежал домой сказать, что поброжу по городу. Вера хорошо понимала мое состояние. Ее тоже, конечно, тревожило молчание военкома, но у нее было больше выдержки.

...На Арбате, куда я забрел от нечего делать, меня окликнул Георгий Знаменский, заслуженный мастер спорта. Лицо его, как и Цессарского, было сосредоточенное и торжественное.

— Ну как дела? — спросил я Георгия.

— Зачислен в армию добровольцем. А ты?

Я неопределенно махнул рукой. Потом спросил:

— А Серафим?

— Тоже зачислен.

— Еще кто?

— Гриша Ермолаев, ты его знаешь, — стайер. Иванькович, тот, что бегал с нами в Париже... [5]

Георгий называл все новые фамилии известных спортсменов:

Долгушин, Королев, Щербаков, Катулин, Шатов. Саша Бронзов из нашего института...

Да, товарищи уходили на фронт. А заявления мое и жены пока лежали в военкомате.

Пожелав Георгию успехов, я распрощался с ним и поехал в военкомат. На этот раз мне удалось пробиться к военному комиссару.

— Вызовут, вызовут, — отмахнулся он.

— А вы проверьте: может быть, наши заявления и не попали к вам.

Военком вынул из ящика стола стопку бумаг, перелистал ее и положил обратно. Потом достал еще несколько листков. Один из них заставил меня насторожиться. Я узнал почерк жены. Слово «болгарка» в ее автобиографии было подчеркнуто. Значит, кто-то уже просматривал документы. Комиссар не стал читать ни заявления, ни автобиографии. Взглянув на красную черточку, он поспешно убрал листки и сухо сказал:

— Ваши заявления пока не рассматривали... Когда рассмотрим — сообщим...

С тяжелым сердцем я возвращался домой. Ехал и думал: сказать жене или нет? Вера возмутится, узнав о недоверии. Родители ее действительно болгары и живут на родине. Но ведь отец ее — видный революционер-антифашист. Вскоре после того, как гитлеровцы оккупировали Болгарию, Вера получила от матери последнее известие из Софии. В безобидном на первый взгляд письме мы с огорчением прочли фразу: «Отец твой сейчас войник». «Войник» по-болгарски — солдат. Но как мог пятидесятилетний философ-марксист стать солдатом? Мы поняли, что он арестован.

При заполнении анкеты Вера, конечно, не могла сослаться на это письмо, написанное к тому же эзоповским языком. Поэтому она и ограничилась фразой: «Родители живут в Болгарии». Военкома же насторожили эти слова. Он не стал вникать в детали, разбираться что к чему, а просто отложил наши заявления в сторону.

С подобным случаем Вера столкнулась еще в институте. Вступая в партию, она не указала в заявлении, что ее отец находился в СССР как политический эмигрант и под фамилией Досев читал лекции в Институте красной профессуры. Не могла жена написать и о том, что он, [6] став снова Тодором Павловым, по решению ЦК Болгарской компартии вернулся на родину и вел там подпольную партийную работу. В своем заявлении Вера по известным причинам указала, что приехала в СССР еще ребенком. Но перестраховщики «придержали» заявление. Лишь после того

как райком навел в Коминтерне справку, ее приняли в партию.

Так получилось и теперь. Правда, военкома нельзя было назвать перестраховщиком. Просто он многого не знал. Но не посылать же его в Коминтерн!

Я сказал жене о красной пометке, и мы поехали в институт. Секретаря парткома Утевской не было. Нас встретила Добрынина, ее заместитель, преподаватель биохимии. Мы бурно апеллировали:

— Валентина Ивановна, помогите! Вы же знаете нас, давали нам рекомендации в партию.

Душевный и искренний человек, Добрынина ответила:

— Военком тут ни при чем. Поймите: идет война, в Болгарии немцы. Некогда ему разбираться с вами. Идите прямо в ЦК партии, в Международный отдел.

На следующий день мы, пропустив занятия, поехали в ЦК. Нас принял высокий сухощавый человек в строгом темно-синем костюме. Поинтересовавшись, зачем мы пришли, он вышел куда-то и, вернувшись через полчаса, сказал:

— Зайдите завтра в комнату девятнадцать. Пропуск будет заказан. Товарищ Димитров передает привет, желает вам успехов. Просит извинить, что не смог сейчас принять вас лично: очень занят.

Просит извинить... Это Георгий Михайлович Димитров, герой Лейпцига! Счастливые, мы выбежали на улицу.

Когда мы на следующий день заглянули в указанную комнату, нас встретила молодая привлекательная женщина. Усадила в кресла и приготовилась слушать. Но, заметив наше возбуждение, спокойно сказала:

— Напрасно так волнуетесь. Насчет вас звонили от товарища Димитрова, все ясно. Завтра зайдите в ЦК комсомола и спросите Зою Рыбкину.

Зоей Рыбкиной как раз и оказалась наша новая знакомая. Только теперь на ней было не платье, а военная форма. Встретила она нас чуть сдержаннее, чем тогда, но по-прежнему дружелюбно. Расспросив нас о самочувствии, [7] настроении, Зоя мельком взглянула на часы и объявила:

— Пора! Едем к генералу, представлю вас.

Генерал, видимо, тоже был в курсе наших дел. Здороваясь, заметил Рыбкиной:

— Благодарю, Зоя Ивановна, за прекрасные кадры. Я имею в виду вчерашних спортсменов, которых вы отобрали в ЦК ВЛКСМ.

— Рада стараться, Павел Анатольевич, — чуть наклонила красивую голову Рыбкина. — Надеюсь, не будете ругать и за эту пару.

— Сначала о вашем сыне, — сказал генерал. — Какой же получится красноармеец из парнишки в четырнадцать лет?

— Павел Анатольевич! — с нескрываемой горечью ответила Зоя. — Не надо говорить об этом. Вы же прекрасно знаете службу и полковника Рыбкина, и мою... Пусть Володя будет в армии. Хотя бы в то время, пока я нахожусь на задании. Он просто увлечен радиоделом.

— Сдаюсь, сдаюсь! — шутливо ответил генерал, подняв руки. — Сегодня же зачислим Володю приказом. А вот с врачами...

Он задумчиво посмотрел на нас. Мне стало как-то неловко под его изучающим взглядом. Решительно опустив ладонь на стол, он вдруг категорически заявил:

— А вот врачей не дам вам, Зоя Ивановна! В бригаду пойдут. Особенно вот ее, болгарку, нельзя с вами отпускать, — кивнул он в сторону Веры. — Слишком заметна, запоминаться будет... Так что не обижайтесь.

— Слушаюсь! — не стала возражать Рыбкина. Но тут же добавила: — Больше ни одного человека вам не покажу: всех отберете!

Высокая, женственная Зоя неожиданно крепко пожала нам руки и твердым, энергичным голосом сказала:

— Ну, до свидания, дорогие... Желаю вам большого счастья!

А пятого июля мы возвратились домой уже в военной форме. В подъезде по привычке заглянул в ящик — нет ли писем. Там лежали две повестки из военкомата — мне и жене. Нам предлагалось явиться с вещами. Все-таки разобрались. Но... поздновато. Меня и Веру уже зачислили в Бригаду особого назначения. Нужно было сообщить об этом в военкомат... [8]

Трудно сказать, отчего я проснулся. Было темно и тихо. Через окно веранды виднелось звездное небо. Я не сразу понял, где нахожусь. Вдруг в тишине прозвучал требовательный голос капитана Балабушкина:

— Дежурный! Чтобы ни одной души не осталось в казарме!

Значит, опять нужно идти в щель и сидеть там до отбоя воздушной тревоги. Кемарить, как говорят ребята. Впрочем, почему «ребята»? Бойцы! Нам каждый день твердят:

— Помните, вы — бойцы Красной Армии! Вам надо забыть о гражданских привычках.

Все правильно: мы надели военную форму. Но ведь бойцы — это те, кто ходит в атаки, стреляет. А мы вот уже месяц или изучаем уставы, или маршируем на плацу. А ночью, едва прозвучит сирена, втискиваемся в щели...

Одевшись, я вышел на крыльцо, осмотрелся. Просторный

двор казармы окружали островерхие ели. Казалось, именно они отделили сотни молодых людей от войны.

В бригаду ежедневно прибывает пополнение: студенты, рабочая молодежь, спортсмены. Все комсомольцы, все добровольно пришли сюда по призыву ЦК комсомола. Они рвутся в бой, а им говорят: сначала научитесь воевать.

Ближайшая от казармы щель — самая шумная. Там рота старшего лейтенанта Мальцева. Различаю знакомые голоса. Вот взволнованно говорит Семен Гудзенко. Мысленно вижу его сдвинутые к переносью густые брови. Заместитель политрука сержант Михаил Егорцев спокойно объясняет бойцам, что значит настоящая храбрость. Он умеет доказывать, говорит непринужденно, убедительно. Может быть, потому, что журналист? Егорцев и человек чудесный. Его любят все товарищи.

В роте Мальцева много студентов Института истории, философии и литературы имени Чернышевского. Они любят порассуждать. Не случайно в батальоне их добродушно-иронически называют философами. Из ифлийцев, пожалуй, труднее всего будет воспитать исполнительных и расчетливых бойцов.

В разговор вступает Коля Лебедев. Его почему-то зовут Кира. Он самый юный в бригаде, пришел сюда прямо со школьной скамьи. Зато рост у него не по годам. Старшина [9] никак не может подобрать ему сапоги сорок шестого размера. Ходит он пока в тапочках, поэтому на марше всегда замыкает роту, чтобы не портить строй. А стоять бы ему на правом фланге, рядом с рослым дискоболом Борисом Бутенко. Впрочем, и для Бутенко только вчера нашлись сапоги...

А вот слышен ломающийся голос юного туляка Жени Дешина, студента Энергетического института. Потом в разговор вступают студент-геолог Москаленко и студент биофака Олег Черний — оба из МГУ.

Бойцы говорят о войне, о наших неудачах на фронте. Сетуют на свое бездействие: не потому ли, мол, враг продвигается в глубь страны, что мы сидим в щелях и не воюем? Скорее бы в бой!

Разговоры заглушила неистовая стрельба зениток. Где-то неподалеку разорвалась бомба, взметнув багровый фонтан. И тотчас же в небо вонзились острые кинжалы прожекторов. Тихо вздрагивала земля, крыльцо и вся казарма. Эта дрожь передавалась и мне, сжимая сердце: опять прорвались вражеские самолеты!

Всплески зенитного огня и взрывы приближались. Они были уже где-то между нашим батальоном, располагавшимся в Зеленоградской, и городом. «Вероятно, бомбят район

Строителя, — подумал я. — Там первый полк и санчасть бригады. Там Вера...»

Еще в первый день, когда мы с женой только надели военную форму, начальник медицинской службы военврач первого ранга Сучков сказал:

— Служить вам придется в разных полках.

— Как это — в разных? — не сдержался я. — Мы добровольцы и хотим воевать вместе.

Начальник посмотрел на меня, как на невоспитанного школьника, и сухо пояснил:

— Мешать друг другу будете. Ведь кому-то из вас придется быть начальником, кому-то подчиненным. А вы — муж и жена. Понятно?

Я хотел было еще что-то сказать, но почувствовал, как Вера едва коснулась моей руки: молчи! Стало ясно: именно такие немые команды и имел в виду военврач Сучков!

...Стараясь не глядеть в сторону Москвы, я пошел не к щели, а к угловому дому, где размещалась наша санитарная часть. [10]

По дороге неожиданно столкнулся с капитаном Балабушкиным.

— Ты бы, доктор, не показывал дурного примера бойцам, — строго сказал он, узнав меня. — Приказ для всех одинаков.

— Тошно в щели сидеть, товарищ комбат, — откровенно признался я.

Капитан хлестнул прутиком по голенищу сапога и со вздохом произнес:

— Мне, брат, тошнее! Мои друзья где-то воюют, а я о вами вожусь.

Так и сказал: «Вожусь». Чувствовалось, что ему, кадровому командиру-пограничнику, не по себе оставаться в тылу, когда бои идут уже на вяземском направлении.

— Куда путь держал? — спросил капитан.

— В санчасть.

Дальше шли молча. Уже возле санчасти он сказал:

— А мой предшественник-то — на фронте!..

До Балабушкина батальоном командовал майор Шебалов. Мы редко слышали голос этого молчаливого, угрюмого человека. Он все время ходил с сибирской лайкой. Бойцы считали его нелюдимым. Когда на тактике они делали перебежки, майор сидел на пеньке, задумчиво поглаживая собаку, косившую на него преданными глазами. Комбат смотрел не на бойцов, а куда-то на лес...

Однажды в свободное время майор заглянул в роту Мальцева. Там шел импровизированный концерт самодеятельности. При

появлении Шебалова веселье прекратилось.

— Продолжайте, — спокойно сказал комбат. — Отбоя пока не было.

Руководивший концертом Паперник жестом показал бойцам сделать шире круг и пригласил майора:

— Может, и вы спляшете?

— Теперь не получится, — хмуро отмахнулся Шебалов.

Все замолчали. И вдруг ни с того ни с сего Женя Дешин с мальчишеской наивностью спросил:

— А почему вы с собакой не расстаетесь?

Майор обвел глазами бойцов.

— Это все, что у меня осталось, — сказал он сдавленным голосом. — Семья в первый день войны погибла на погранзаставе... Ну, продолжайте! [11]

И вышел. Только тут мы поняли, почему этот добрый, душевный человек казался нам нелюдимым. А через несколько дней Шебалов уехал на фронт. К нам прибыл новый командир, капитан Балабушкин...

Основы военной тактики я знал лишь в объеме институтской программы. Мы учились наносить на карту знаки медицинских пунктов, пути эвакуации раненых, составлять отчеты. Тогда нам казалось это самым главным. Но мы ошибались.

Однажды санитарный инструктор Мария Петрушина привела на медицинский пункт батальона невысокого, крепко сложенного бойца.

— Замучилась с ним! — доложила она упавшим голосом.

Меня это удивило и встревожило. Петрушина окончила курсы медицинских сестер, действовала толково, энергично, и я был спокоен за ее роту.

Боец прошел в перевязочную и виновато сказал:

— Не знаю, как получилось... Нехорошо.

— Да, действительно нехорошо, — согласился я. — Тем более для спортсмена. Почему же вы так долго молчали?

— Думал, сам пройдет. А если обратишься к медицине — лежать заставят.

У Михаила Мейлахса, бывшего рабочего Московского завода металлоизделий, образовался на пояснице огромный, с кулак, карбункул. Трудно даже представить, как он ухитрялся надевать снаряжение и совершать пятидесятикилометровые марши с полной выкладкой. Чирий вскрыли, но Мейлахс на неделю вышел из строя.

— Фурункулез появился у многих бойцов, — сокрушенно сказала Петрушина. — Напасть какая-то!

Простудные заболевания и в самом деле становились бичом.

О них докладывали и санинструктор Шура Павлюченкова, и фельдшер Алексей Молчанов... Добровольцы еще не втянулись в походную жизнь. Сказалась и неопытность медицинских работников.

Фельдшерам и санинструкторам надо было научиться самостоятельно действовать в самых различных условиях. И они учились. Но пока больные шли в санитарную часть батальона. После марша их стало особенно много. Мы едва успевали делать перевязки.

За этим занятием и застал меня адъютант батальона старший лейтенант Анатолий Шестаков. Мне нравился [12] этот спокойный и немногословный алтаец. Он тоже душевно относился ко мне, называл земляком, хотя родина моя — Забайкалье.

— Плохо, земляк, дела, — устало сказал Шестаков, раскуривая трубку. — Больных многовато.

Вскоре пришел и старший адъютант батальона Михаил Прудников. Он попросил меня лично осмотреть всех больных.

— Я не думаю плохо о фельдшерах, — заметил он, — но завтра тактические занятия в поле. Понимаете?

Как врач и коммунист, я понимал, что обязан всеми мерами поддерживать боеспособность батальона. Но мог ли я со своим «копеечным» опытом разобраться в каждом случае заболевания? А нужно было уметь заглядывать и в душу человека. Ведь многие красноармейцы, подобно Мейлахсу, скрывали, что они больны, избегали санитарной части, чтобы не пропускать занятий.

Когда мы с Прудниковым определили порядок осмотра подразделений, за перегородкой послышался властный голос комбата:

— Всем построиться возле санчасти. Сам проведу осмотр. И лекарство есть: ночной бросок километров на двадцать!

Больные вышли. Капитан Балабушкин влетел в нашу комнату и, зло сверкая глазами, приказал адъютантам:

— Построить батальон! Больных и освобожденных тоже!

Я внутренне негодовал. Хотелось сказать ему: «Солдафон». Но я сдержался и спокойно возразил:

— У некоторых освобожденных температура... Запрещаю посылать их в строй.

Балабушкин отодвинул занавеску и стал наблюдать в окно за построением подразделений. Мне показалось, что он не расслышал моих слов. Но через минуту он повернул ко мне улыбающееся лицо и тихо сказал:

— Чудак! Ведь это я так, для острастки. — Потом уже серьезно добавил: — Те, кто с температурой, пусть лежат... А

сами зайдите к военкому. Санитарно-просветительную беседу за вас проведу я.

«Значит, у комбата с военкомом уже был разговор о наших медицинских неполадках», — подумал я, с тяжелым сердцем направляясь к штабу. У крыльца меня встретила Петрушина и шепнула: [13]

— Проверяла роту на форму двадцать... У Селезнева вошь. Надо его в санпропускник.

Что за напасть! Вошь в наших условиях — чрезвычайное происшествие. Нужно немедленно сообщить начальнику санитарной службы полка. А военком батальона должен донести в политотдел бригады... Неприятно!

В комнате военкома было полно народу: политруки рот, секретари партийных и комсомольских организаций, весь медицинский персонал. Петр Петрович Шаров уже держал речь. Затянутый в кавалерийские ремни, он походил на комиссара времен гражданской войны. Говорил негромким грудным голосом:

— Медицина в батальоне, как и бойцы, еще зеленая... Медики, правда, стараются, но без нашей помощи им трудновато.

Надо повести широкую разъяснительную работу среди бойцов, подчеркивать, что защитник Родины должен беречь здоровье. Здоровье — тоже оружие. От него зависит боевая готовность. Неплохо привлечь к этой работе спортсменов...

«Спортсмены сами еще не приспособлены к военной жизни», — мысленно возразил я военкому. Невольно вспомнились карбункул на пояснице боксера и тяжелая ангина борца Чихладзе.

А Шаров продолжал:

— Завтра приходит группа младших командиров — выпускников полковой школы. Это подмога. — Он сделал небольшую паузу и неожиданно заключил: — Теперь, товарищи, доктор проведет с вами инструктаж. Прошу, товарищ Давыдов!

К выступлению я не готовился и начал с прописных истин: в заботе о здоровье нет мелочей, от эпидемий в прошлые войны гибло народу больше, чем от пуль... Потом ко мне вернулась уверенность, я стал говорить конкретнее. Некоторые политработники даже начали записывать. После совещания политрук Пегов поймал меня за рукав, сказал:

— Не робей, доктор, поможем!

На следующий день я отправился в Пушкино доложить начальнику медслужбы о наших делах. Приехал за несколько минут до назначенного часа. Мои коллеги — врачи батальонов — были уже там. Виктор Стрельников и Владимир Назаров пришли в бригаду с четвертого курса [14] медицинского института. Их

шутя называли заурядами, то есть специалистами ускоренного выпуска. Хотелось обстоятельно поговорить с ними, узнать, как идут у них дела, что нового, интересного. Ведь мне предстояло первому выступать на совещании. Но побеседовать так и не удалось.

Начальник медицинской службы полка Григорий Васильевич Сучков, корректный и выдержанный военврач первого ранга, немного нервничал: ожидался приезд командования бригады. Он потребовал кратко доложить об организации службы, о специальной подготовке, о питании, о форме двадцать...

— Врач первого батальона, докладывайте, — произнес начальник.

И на этот раз я начал неудачно: назвал начальника по имени и отчеству. Военврач, прослуживший в армии более двадцати лет, удивленно поднял брови:

— В армии, тем более на служебном совещании такого обращения не существует.

Как трудно давался мне военный язык! Чувствуя, что краснею, я как можно тверже ответил:

— Ясно, товарищ Сучков.

Начальник нахмурился, заметил:

— Старшего начальника называют не по фамилии, а по воинскому званию.

Военком полка Сергей Трофимович Стехов чуть заметно улыбнулся.

Замечания начальника мне показались тогда формальностью. Я рассудил, что долг врача — заботиться о здоровье бойцов, а не разбираться, кого я как называть. Может быть, потому и доклад получился мрачным. Я нарочно выпячивал недостатки. Да и незачем было их замазывать. Я сказал, что консультации специалистов не проводятся, медицинский транспорт работает нечетко, батальон оторван, а начальство к нам не приезжает. Еще доложил, что много больных. Люди простуживаются на ночных занятиях и во время переправ через речки в одежде, натирают ноги при переходах...

Начальник слушал невозмутимо. А военком пристально глядел на меня умными с лукавинкой глазами.

Сергей Трофимович со всеми держался просто, располагал к себе с первой же встречи, О себе он не рассказывал. О нем с восхищением говорили другие. Стехов — [15] один из славных солдат революции. Родом — с Кавказа. В дни Октября он, возглавляя подпольную партийную ячейку, боролся против засилья в Советах эсеров и меньшевиков. Затем Стехов работал телеграфистом в Реввоенсовете 11-й армии, обеспечивал связью

С. М. Кирова и Г. К. Орджоникидзе, участвовал в защите Владикавказа. Больного тифом, его схватила контрразведка князя Друцкого-Любецкого... Ни шомполы деникинцев, ни каторжная тюрьма, ни кандалы не сломили его духа. И потом — куда бы партия ни направляла Стехова — на борьбу с бело-зелеными, в качестве командира одной из частей особого назначения, в Донбасс или Казахстан, в Сибирь или другие районы — всюду он по-боевому выполнял задания.

Добрый взгляд военкома успокоил меня. Заканчивая, я признал, что и в моей работе есть немало недостатков, что готов сделать все для улучшения медицинского обслуживания бойцов.

В других батальонах дела обстояли не лучше, хотя находились они под боком у начальства. И должно быть, следуя моему примеру, Стрельников и Назаров тоже при докладе сгустили краски.

Вопреки ожиданиям, Сучков не обрушился на нас. Говорил он спокойно:

— Не понимаю, из-за чего паника? Надеюсь, в ближайшие два дня вы сумеете осмотреть всех больных. В первый батальон приедет мой заместитель товарищ Ефимов и поможет. А теперь главное. Наши батальонные медицинские пункты похожи на небольшие стационарные больницы. А они должны быть такими, чтобы по тревоге могли за три — пять минут свернуться и тронуться в путь. Надо освободиться от всего лишнего. В то же время имейте в виду, что в большинстве случаев вам придется действовать самостоятельно, порой без надежды на скорую помощь медикаментами и медицинским оборудованием. Прошу поэтому продумать, как лучше обеспечить нормальную работу медпунктов в любых условиях. Свои соображения доложите завтра в десять ноль-ноль.

Освободиться от всего лишнего, но иметь все: взвесить и доложить! Сказано хорошо, но как это сделать? Стрельников и Назаров, опустив голову, морщили лоб. Крепко задумался и я.

Помог своим выступлением военком полка Стехов. [16]

— Задача сложная и ответственная, — сказал он, — но важно не теряться. Горячку пороть тоже незачем. Есть такое латинское выражение: «фестина лента» — «спеши медленно». Вот и действуйте — энергично, но без торопливости...

Кажется, ничего особенного Стехов не сказал. Но лица у Стрельникова и Назарова сразу повеселели. Мы поняли: поставленная задача выполнима.

Сергей Трофимович Стехов умел вселять уверенность в людей. Мне, не знавшему с детства отца, он показался самым родным человеком. А этот родной человек, вдруг обратившись ко

мне, заметил:

— На вашем медицинском пункте я недавно видел упакованные мешки и ящики с какими-то латинскими знаками. Это что, излишки?

— Нет, — смущенно ответил я. — Это мы уложили то, что придется взять по тревоге.

— Почему же вы никому не доложили о своем намерении? — спросил Стехов. — Надо советоваться. Пришла в голову хорошая мысль — не таись, расскажи товарищу. Придумали вы неплохо, а если бы все вместе поразмыслили, нашли бы и лучший вариант.

Я вовсе не собирался таиться — составил комплекты, и все. Но в словах военкома была неотразимая логика.

В помещение вошел статный человек с круглым лицом и бритой головой. Мы встали. Командир полка майор Иванов жестом руки разрешил нам сесть. Обращаясь к военкому и начальнику службы, шутливо заметил:

— Вдвоем на медицину насели. То-то я уже на крыльце почувствовал: камфорой пахнет. Значит, выжали соки из медицины! — Потом сказал Стехову: — Пойдем начальство встречать. Из штаба звонили.

Совещание тут же закончилось. Чтобы поскорее добраться до батальона, я решил поехать на мотоцикле. Отвезти меня вызвался мотогонщик Эдуард по фамилии Соломон. Ездить с ним страшновато.

У ворот стояли командир полка и военком. Прощаясь со мной, Стехов напомнил:

— По вашему батальону будут равняться. Вы — коммунист и дипломированный врач. Понятно?

— Ясно, — ответил я и как-то машинально добавил: — Не очень понятен начальник службы... Формалист. [17]

Стехов весело подмигнул командиру полка:

— Видал, Сергей Вячеславович, какая молодежь пошла! Чуть что — и ярлык прилепят. Формалист, сухарь, а то еще и солдафоном назовут. Каково? Того и гляди, за нас с тобой возьмутся!

Майор Иванов заразительно рассмеялся:

— Пусть попробуют! Я только с виду добрый... А вообще-то с докторами спорить опасно: такую дадут медицинскую характеристику, что и на русский язык не переведешь. У меня вот, например, вес ниже нормы, пяти килограммов не достает. А один знакомый врач утверждал, что по конституции я — пикник и, следовательно, склонен к ожирению. Так и сказал: если живым останусь, обязательно растолстею. Вот оракул-то!

Взглянув на стройную фигуру майора, на его стянутую

ремнем тонкую талию, я тоже недоверчиво отнесся к предсказаниям упомянутого им врача. Но спустя много лет, когда мы снова встретились с этим обаятельным человеком, я с трудом заключил его в объятия: «оракул» оказался прав.

— С вашим мнением о начальнике медслужбы я не согласен, — сказал Стехов, и лицо его стало серьезным. — Он очень сдержан, это верно, но не сухарь. Сучков и специалист очень грамотный, и любит военную службу. А знать уставы в армии необходимо даже специалистам-медикам. Да, — вдруг без всякого перехода спросил военком, — вы знаете, что в медчасти бригады служит врач Давыдова? Болгарка.

— Знаю, это моя жена, — поспешно ответил я, усаживаясь на второе сиденье за спиной мотоциклиста.

— Часто навещаете?

Мне сразу вспомнились слова начальника службы о том, что муж и жена не должны служить вместе, и я ответил:

— Не очень.

— Не очень... — задумчиво повторил военком. — Да... война...

Согласно кивнув головой, я с огорчением подумал, что и сегодня мне не удастся заехать в Строитель и повидаться с Верой. Надо было спешить к себе, в батальон, который с минуты на минуту ожидал отправки на фронт.

Штаб нашей бригады находился в поселке Строитель. Там же размещались первый полк, артиллерийский дивизион, [18] а также интернациональные отряды и группы. Среди антифашистов, которых мы в своем кругу называли интеровцами, особенно много было испанских патриотов. Бывшие бойцы республиканской армии и их взрослые дети по первому зову своей компартии пришли к нам, чтобы с оружием в руках защищать первое в мире социалистическое государство, ставшее для них второй родиной.

Строитель являлся центром боевой подготовки частей и подразделений бригады. Там находилось динамовское стрельбище. Оно было разделено на участки. Один из них занимала саперная школа, которой руководил начальник инженерной службы бригады энергичный майор Шперов. Бойцы ползали по-пластунски, учились устанавливать фугасы и мины. На северной площадке неуклюже передвигались химики в противогазах и защитных костюмах — возили тачки с хлорной известью. В специальном секторе занимались штурмовые группы, тренируясь в бросании гранат, истребители танков и охотники за «языком» — разведчики.

Здесь занималась и группа легких водолазов: мастер

подводного спорта Виктор Хохлов, бывший слесарь экспериментальных сварочных мастерских Семен Ногинский, моторист с завода «Серп и молот» Борис Григорьев... Каждому из них было не более девятнадцати лет. Исключение составлял тридцатилетний Николай Павлович Полуэктов. Они пришли в бригаду вместе с начальником водолазной службы Мосгоросвода коммунистом Виктором Ивановичем Сухаревым. Передавая опыт, приобретенный в Осводе, бойцам бригады, и сами настойчиво учились, тщательно готовились к схватке с врагом. Многие поглядывали на них с завистью. Еще бы! Скрытно подобраться под водой к вражескому объекту и внезапным ударом уничтожить его — это ли не романтично!

От города, где размещался наш полк, до Строителя около двадцати километров. Однажды — это было в конце сентября 1941 года — я поехал туда все с тем же отчаянным мотоциклистом Эдуардом Соломоном.

Перед самым поселком, когда мы остановились, чтобы убрать лежавшее поперек дороги бревно, нам повстречалась эмка. Машина вдруг резко затормозила, и из нее вышла невысокая пожилая женщина. Я чуть не вскрикнул [19] от радости. Это была Стелла Димитровна Благоева. Я не виделся с ней с тех пор, как впервые надел военную форму. Мы с женой заходили тогда к Благоевой на квартиру прощаться. Стелла (у болгар принято называть людей только по имени), несмотря на недомогание, работала. Она отвечала на непрерывные телефонные звонки, звонила сама, делала записи в блокноте. К дочери основателя Болгарской коммунистической партии Димитра Благоева незримо тянулись многие политические нити.

В тот раз, прервав на время работу, Стелла подошла к Вере, обняла ее, потом легонько толкнула и шутливо приказала:

— Хайде, бързо! Встать вон туда! Посмотрю, какая ты есть в военной форме.

Вера смущенно поправила жесткий ремень на тонкой талии и отошла. Посмотрев на нее издали, Благоева удовлетворенно сказала:

— Хороша! Браво! Правильно сделала. Отец будет доволен.

— А где он сейчас? — спросила Вера. — Должно быть, в тюрьме. Мама писала, что он «войник».

— Да, отец твой в концлагере, — ответила Стелла. — Его арестовали, как только немцы вошли в Болгарию. Сейчас он болен. Группа болгарских ученых направила царю Борису петицию с требованием выпустить Тодора хотя бы на время болезни. Пишут даже профессора, от которых не ожидали такой смелости.

У Веры выступили слезы.

— Не надо! Бойцу не годится плакать, — строго сказала Стелла. — Наш ЦК и товарищ Димитров надеются, что Борис и Цанков, несмотря на нажим немцев, не решатся расправиться с Тодором. Это окончательно оттолкнет от них всю интеллигенцию.

— Как вы узнали о нем? — спросила жена, успокоившись.

— Это уж наша забота, — многозначительно улыбнулась Стелла. — Кстати, надо сообщить товарищу Димитрову, что вы в армии. Георгий поручил проверить.

Затем она подробно расспросила о нашей дочери и записала ее адрес. На прощание сказала:

— Если случится быть в Москве, обязательно заходите. Смотрите же, ребятишки, не подкачайте. Желаю вам и всей Красной Армии боевых успехов! [20]

...И вот мы встретились снова. Рядом с Благоевой стояли крепко сложенный смуглый мужчина в военной форме и Зоя Ивановна Рыбкина.

— Хусто Лопес, — представила Стелла бывшего командира испанской бригады. — Приезжал навестить товарищей антифашистов. В вашей бригаде их много. Винарова встретила, Петко Кацирова и других болгар... А Верочку не смогла увидеть. Полковник Орлов сказал, что она очень занята. Увидишь — обязательно передай привет, скажи, что отец все знает, гордится ею. У вас, кажется, еще есть болгары?

— Асен Драганов! — живо отозвался я. — Он служит в нашем батальоне, комсомолец, хороший агитатор.

— Значит, Драганов... — задумчиво повторила Стелла, прощаясь. — Передай Асену привет.

Я долго смотрел вслед удалявшейся автомашине. Стоял и вспоминал каждое слово этой мужественной женщины-бойца.

* * *

Первым на стрельбище мне встретился Асен Драганов. Рота капитана Горбачева, в которой он служил, уже отстрелялась, и красноармейцы в ожидании автомашин собрались под раскидистой елью. Только Асен бродил как неприкаянный по жухлой траве. Это было никак не похоже на него. Он всегда находился среди товарищей, любил затеять интересный спор, спеть песню, прочесть стихи Маяковского или Христо Смирненского... Особенно любил Асен рассказывать о Ботеве, о его боевой дружине, поднявшей восстание, чтобы освободить родину от турецкого рабства.

Сын профессионального революционера, Драганов с увлечением изучал историю и марксистскую литературу. В полку он считался одним из лучших пропагандистов.

«Что же случилось с ним?» — подумал я, направляясь к Асену. Он тоже заметил меня и, близоруко прищурившись, шагнул навстречу. Я рассказал ему о встрече с Благоевой и передал привет.

— Спасибо, — сухо отозвался Драганов. — Но лучше бы вы не передавали его.

— Это почему же? — удивился я.

— Мне не только Благоевой, а товарищам стыдно смотреть в глаза... На весь батальон осрамился. [21]

— Не понимаю.

— Ну какой из меня борец с фашизмом, — горячо продолжал Асен, — если я не умею стрелять?!

— Как это не умеете?

— А вот так: не вижу мишени, и все. Близорук.

Асен сокрушенно вздохнул.

— Давай очки подберем, — предложил я, чтобы успокоить Драганова.

— Очки! — Асен испуганно заморгал глазами. — Очки-то есть... Но если я буду их носить, меня не возьмут на фронт!

— Возьмут! — уверенно возразил я.

Асен мягко улыбнулся и доверительно попросил:

— Вы, пожалуйста, если встанет такой вопрос... скажите, что ношу очки для того, чтобы лучше различать дальние цели, а вообще-то вижу неплохо... — И вдруг раздраженно выпалил: — Но ведь я не собираюсь стрелять в фашистов с дальнего расстояния!

Асен, презиравший малейшую ложь, вдруг попросил не выдавать его! Но если рассуждать символично, то он и не лгал относительно дальней цели. Драганов уже тогда видел свободной свою Болгарию.

Когда я изложил военкому полка свою просьбу, он сразу же подозвал Асена. А примерно через полчаса Драганов отыскал меня и срывающимся от волнения голосом пробасил:

— Отлично! Честное слово, отлично! Теперь принимаю привет от Стеллы! Большое спасибо!

Я пожал ему руку, и он легко побежал к своей роте. А там красноармейцы бурно обсуждали итоги стрельбы. Они были неутешительными. Лишь Михаил Соловьев и Николай Худолеев получили отличную оценку. Объяснялось это прежде всего слабой выучкой бойцов. Многие из них еще не овладели самыми простыми приемами стрельбы.

Была и другая причина: некоторые, подобно Асену, скрывали,

что у них плохое зрение, и не носили очков. Исключение составлял Жозеф Гречаник, который старался всех убедить, что носит очки для солидности. Однако стрелял он плохо. Семен Гудзенко, который тоже прятал очки, в шутку посоветовал ему перед стрельбой хорошенько протирать стекла. [22]

— Дельный совет, — поддержал Алексей Шершунов и засмеялся.

Жозеф обиделся:

— Разве ценность бойца только в его умении стрелять?

До поступления в институт Гречаник несколько лет жил в Германии, где находилась тогда его семья. Там научился хорошо говорить по-немецки. Кроме того, он хорошо разбирался в международной обстановке и делал хорошие обзоры для всего батальона. А ведь острое, вдохновляющее слово — тоже неплохое оружие.

И вот внезапно возник спор: какую пользу могут принести в бою люди, не умеющие метко стрелять? В разгар полемики появились бойцы Пикус и Кондракша — высокие молчаливые блондины. Они новички в роте и держались как-то особняком. Но заместитель политрука Михаил Егорцев знал, что это замечательные люди. А сдержанности в разговоре их конспирация научила.

— Вот с кого нужно брать пример, — сказал Егорцев. — Они не раз проявили выдержку, стойкость и отвагу. — И он с гордостью, будто о родных братьях, рассказал о литовце Пикусе и латыше Кондракше. Эти похожие друг на друга парни стали комсомольцами-подпольщиками, когда Латвия и Литва были еще буржуазными государствами. Их нещадно преследовали за революционную деятельность. Но аресты и пытки не сломили их воли. Советская власть спасла юношей от смертной казни. В 1941 году, когда на нашу Родину вероломно напали немецко-фашистские захватчики, Кондракша и Пикус, работавшие в ЦК комсомола своих республик, сразу же вступили в Красную Армию и попросились на фронт.

Выслушав рассказ заместителя политрука роты, споривше комсомольцы с восхищением уставились на новичков. После минутного молчания Вася Юдичев спросил их:

— Вот вы своими глазами видели лицо фашизма. Как вы думаете: может ли человек совершить подвиг, если не умеет стрелять?

— Может, — убежденно ответил Пикус. И задумчиво добавил: — А стрелять надо научиться, обязательно.

Кондракша согласно кивнул головой и с такой же твердостью в голосе повторил: [23]

— Обязательно! Без этого умения фашистов не победишь.

Уверенные ответы бывших подпольщиков всем пришлись по душе. Лишь боец Кувшинников обиженно заметил:

— Все правильно. Но как я научусь стрелять со своей проклятой специальностью?

Товарищи сочувственно улыбнулись. Вчерашнего слесаря-водопроводчика Кувшинникова действительно очень часто отрывали от боевой учебы: от избытка энергии бойцы то и дело скручивали краны.

Недоволен был и еще один боец, которого товарищи в шутку называли Лешей из Кимр. Энергичный, жизнерадостный парень с огненной шевелюрой, Алексей Усачев не мог себе простить, что, заполняя анкету в военкомате, указал: «До войны работал сапожником». Теперь всякий раз, когда требовался ремонт обуви, этого рослого широкоплечего парня усаживали за низкий сапожный столик. А он хотел учиться военному делу, и в первую очередь стать хорошим стрелком.

Занятые усиленным обучением строевых бойцов, командиры, казалось, не обращали внимания на огневую подготовку «медицины», под которой подразумевали всех — от начальника службы до санинструктора.

— А кто же будет клистиры ставить? — однажды сказал мне капитан Балабушкин, когда я обратился к нему по этому вопросу.

Заметив, что эта шутка меня обидела, он, улыбнувшись, пояснил:

— Стрельбище перегружено. Да у вас и своих дел по горло.

Работы у нас, конечно, хватало. Фельдшеры и санинструкторы регулярно проводили с бойцами специальные занятия: учили останавливать кровь, делать перевязки себе и друг другу, накладывать шины при переломах. Учеба проходила не в классе, а в полевой обстановке. На тактических занятиях медики ползали вместе с бойцами, делали перебежки, форсировали вброд холодную Клязьму, обучая санитаров выносить «раненых» с «поля боя». Мастер спорта пловец Георгий Мазуров и другие бойцы-спортсмены, обучавшие нас приемам форсирования рек, никого не щадили. [24]

С полевых занятий мы возвращались усталые, мокрые и грязные. Но шли не в казарму, а в санитарную часть: надо было еще подвести итоги прошедшего дня.

Но вот как-то при встрече капитан Прудников, пожав мне руку, сказал:

— Готовь свою медицину. Стрелять будете.

Перед выходом на стрельбище нас тщательно инструктировали. Желающих сказать «напутственное слово»

оказалось больше чем достаточно. Прудников объяснил и показал, как держать оружие. Военком Стехов говорил о строгом соблюдении дисциплины на огневом рубеже. Дали свои указания командир и начальник штаба полка, начальник медицинской службы Сучков и его заместитель Ефимов. После таких наставлений просто грешно было не попасть в мишень.

Я попросил Альберта Цессарского, чтобы он предупредил об этом всех медиков.

Появление в полку товарища по институту и литературному кружку было для меня приятной неожиданностью. Одно время Альберт исчез из поля зрения и я подумывал, что он где-нибудь на задании. Оказалось иначе: командование направило его в институт — закончить последний курс (он был моложе меня на курс). Теперь Альберт сдал госэкзамены и опять вернулся в бригаду, как всегда восторженный, с радостно поблескивающими глазами.

— Вот и догнал тебя! — сказал Алик, показывая диплом. — Курс хоть и ускоренный, но это не «зауряд медик»! Могу проситься на фронт, как «законный» врач!

...Из боевого оружия я стрелял первый раз в жизни. До войны приходилось охотиться в сибирской тайге с берданкой, стрелять в школе из малокалиберной винтовки. Теперь, на огневом рубеже, ствол моего маузера вздрагивал и мишень проваливалась вниз. Я решил вести огонь с руки.

— Так стреляют только ковбои в голливудских кинофильмах, — послышался насмешливый голос.

Я оглянулся. Позади стоял рослый капитан с безукоризненной выправкой, в очках. Раньше мне не приходилось встречать командиров-»очкариков».

— Так не стреляют, товарищ военврач, — спокойно повторил капитан. — А когда оборачиваются, ствол держат кверху. [25]

Он взял мой маузер, показал стойку и, возвращая оружие, добавил:

— В момент стрельбы задержите дыхание... На курок нажимайте плавно, не рвите.

Я сделал так, как он советовал, и выстрелил все пять патронов. Проверив мишени, капитан поздравил меня, довольный, что его урок не пропал даром. Окрыленный неожиданным успехом (сорок очков!), я побежал по мокрому полю назад, чтобы скорее поделиться своей радостью с товарищами.

— Товарищ военврач! — остановил меня капитан. — От мишеней уходят строем!

Сконфузившись, я вернулся. Сделанное мне замечание

слышали мои подчиненные. Но огорчение быстро прошло.

— Сколько? — спросил меня Василий Гордюк, мастер стрелкового спорта. Он, как и чемпион страны по стрельбе Иван Черепанов, целые дни проводил на стрельбище, помогал капитану Старосветову обучать бойцов и пристреливать винтовки.

Поговорив о стрельбе, мы начали вспоминать общих знакомых, От него я узнал, что в соседнем полку известных спортсменов еще больше, чем у нас. Кроме моих однокашников — братьев Знаменских и Саши Бронзова — там служили велогонщики Всеволод Дайреджиев, Виктор Зайпольд, боксер Сергей Щербаков, гребец Ипполит Рогачев, дискоболы Леонид Митропольский и Али Исаев, борцы Григорий Пыльнов и Алексей Катулин, здесь были также прыгун в воду Георгий Мазуров и волейболист Виктор Правдин.

Гордюк, разумеется, не мог перечислить всех: в бригаду добровольно вступило несколько сот спортсменов.

— Ну я пошел, — криво улыбнувшись, сказал Василий. — Оглох и плечо болит. С утра до ночи палим. За последние дни около пяти тысяч винтовок пристреляли. А врачи стреляют?

Гордюк с лукавой усмешкой ответил:

— Редко. Ты поговори с командиром. Отпросись и забеги на минутку. Вера небось заждалась.

В это время я заметил, что к стрельбищу приближается группа врачей, о которых я только что спрашивал. Березовский вел свою медицинскую армию. Не всю. Моей Веры среди них не оказалось. [26]

Поздно вечером стало известно, что командир батальона, ехавший на мотоцикле, попал в аварию и теперь лежит в госпитале. Мы сидели в санчасти, не зажигая совета. Было обидно за нашего боевого, немного шумливого капитана Балабушкина: рвался на фронт, а вышел из строя самым нелепым образом.

— Вы тоже любите гонять мотоцикл, — с упреком сказала Прудникову Шура Павлюченкова. — Я видела однажды, как вы ехали с доктором.

— Так это же с доктором! — отшутился Прудников. — И вообще со мной ездить не опасно. Вот с Хосе Гроссом — другое дело. У него испанский темперамент.

Разговор, однако, не клеился. У всех перед глазами стоял Балабушкин.

Скрипнула дверь. В санчасть вошли военком Шаров и политрук первой роты Пегов. Включив карманный фонарик, Пегов объявил:

— Зашел попрощаться: меня отзывают в полк.

— Учтите — с повышением, — уточнил Шаров. — Перед

вами — секретарь партбюро полка!

— По такому случаю не мешало бы медицину потрясти, — бросил реплику Шестаков.

Все поняли шутливый намек, но веселее не стало.

Шаров и Пегов вскоре ушли. У нас зашел разговор о положении на фронтах. Оттуда поступали тяжелые вести. Кровопролитные бои уже грохотали в районе Вязьмы. А оттуда до Москвы — недальняя дорога. Каждый думал: когда же наконец отправят бригаду на фронт?

Снова хлопнула дверь. Кто-то ворвался так быстро, что в темноте налетел на тумбочку, свалил стакан.

— Комбат здесь? — выкрикнул он.

— В чем дело? — отозвался Прудников, заменивший Балабушкина.

— Докладывает дежурный! Звонят из штаба: в районе Зеленоградской сброшен парашютный десант противника. Приказано прочесать лес!

Наступила тишина.

— Объявите «В ружье», — приказал Прудников. И ко мне: — Проследите, чтобы санинструкторы захватили сумки.

Мне показалось, что Прудников излишне спокойно отдал эти распоряжения. А может быть, некоторые люди так и ведут себя, когда очень волнуются? [27]

Через несколько минут роты, получившие боевое задание, покинули гарнизон и направились к лесу.

Мы старались двигаться как можно тише, но у нас не получалось. Натыкались на пни, попадали в ямы. Под ногами хрустели сучья, ветви деревьев хлестали по липу. Лес, который мы вдоль и поперек исходили на дневных тактических занятиях, ночью казался незнакомым и враждебным. Никто никого не видел. Слышалось только тяжелое, как у астматиков, дыхание соседей.

Шедший слева от меня Шестаков негромко передавал по цепочке команды. Придерживая медицинскую сумку, я осторожно раздвигал маузером ветви. Почему-то вспомнилось: тридцатого сентября — Вера, Надежда, Любовь... Скорее всего потому, что Веру куда-то внезапно командировали.

Вдруг грохнул выстрел.

— Узнай, может, зацепило кого... — сказал Шестаков.

Спотыкаясь и цепляясь сумкой за кусты, я поспешил на место происшествия. Там уже находился Прудников и разобрался: выстрел произошел случайно.

Под утро промокшие и озябшие, прочесав огромный участок леса, мы вышли на указанный рубеж. Вражеского десанта не

обнаружили. Это, оказывается, была проверка нашей боевой готовности. Такие тревоги стали повторяться чуть ли не каждую ночь. Солдаты должны учиться!

* * *

Дней через десять мне удалось вырваться в город. Я ехал на автомашине вместе с командиром и военкомом полка. Их срочно вызвали в штаб бригады, который перебрался в Москву. Слева и справа проносились обагренные осенью подмосковные леса. Огненно-красные клены казались мне солдатами, вышедшими из тяжелого боя за родную столицу.

Не доезжая Мытищ нам повстречалась колонна людей. С лопатами и кирками они шли копать противотанковые рвы. Нас все чаще и чаще стали останавливать на контрольно-пропускных пунктах. Хмурые красноармейцы придирчиво проверяли документы, пытливо всматривались в лица. Наш боевой и веселый командир полка на этот раз не шутил, он почти всю дорогу молчал, нетерпеливо поглядывая на часы.

Мне невольно вспомнилась биография майора Иванова, [28] которую я узнал совсем недавно. Я никак не предполагал, что у этого никогда не унывающего человека были безрадостное детство и по-спартански суровая юность. Вырастая без отца, он уже одиннадцати лет начал работать «мальчиком» в воронежской булочной. Но вскоре, восстав против тумаков подвыпивших хлебопеков, сбежал оттуда и устроился разнорабочим на железной дороге. Потом трудился шахтером в Донбассе...

Возвратившись после Великого Октября в родной Воронеж, Иванов добровольно вступил в кавалерийский дивизион и почти два года не расставался с шашкой: контрреволюция то и дело поднимала голову. В 1925 году Сергей Вячеславович стал курсантом Московского пехотного училища.

А затем снова учеба: будучи преподавателем Себежского пограничного училища, он заочно окончил Военную академию имени Фрунзе. Великая Отечественная война застала его на должности инспектора боевой подготовки Главного управления московской противовоздушной обороны.

Майор Иванов был любимцем полка. Так, как к нему, бойцы относились, пожалуй, только еще к одному человеку — военкому Сергею Трофимовичу Стехову.

...Побывав в штабе, я подробнее узнал историю нашего соединения. Она интересна и необычна.

В начале войны из Особой группы войск была выделена

Отдельная мотострелковая бригада особого назначения. Формировал ее генерал Павел Михайлович Богданов, а когда он получил новое назначение, командиром стал полковник Орлов.

Бригада комплектовалась из пограничников, чекистов, но главным образом — из добровольцев: рабочих, студентов, спортсменов Москвы и Московской области. Сюда по призыву ЦК комсомола пришли лучшие представители молодежи.

Полковник Михаил Федорович Орлов тоже был славным воспитанником Ленинского комсомола. После Октябрьской революции он работал в Белевском комитете коммунистической молодежи Тульской губернии. В 1920 году М. Ф. Орлов вступил в рабочий отряд, который превратился потом в 1-й Коммунистический полк.

Интересен и дальнейший жизненный путь патриота: партизан Лебяжского отряда, кремлевский курсант, борьба [29] с басмачеством, служба в погранвойсках, преподавательская работа. В мае 1941 года полковник Орлов прибыл в Военную академию имени Фрунзе сдавать экстерном государственные экзамены. А через месяц разразилась война.

Человеком такой же интересной судьбы оказался командир 1-го полка Вячеслав Васильевич Гриднев, пришедший в бригаду из пограничных войск. Кадровым чекистом был его военком С. П. Волокитин.

Многое узнал я и о других начальниках. Военком бригады Алексей Алексеевич Максимов в прошлом — инженер, а затем чекист. Заместитель комбрига — полковник Иван Максимович Третьяков — бывший батрак, участник гражданской войны, прослужил двадцать три года в пограничных войсках.

Дела в штабе бригады я закончил быстро. Командир разрешил мне заняться личными вопросами. Прежде всего надо было позвонить жене. Из нашего полка через несколько коммутаторов до нее невозможно дозвониться.

И вот я на Центральном телеграфе. С волнением набираю номер телефона, который мне на днях сообщил Георгий Знаменский. Отвечает дежурный. Слышимость плохая. Я кричу и усиленно продуваю трубку. Наконец отвечают:

— Подождите у телефона.

И вот в трубке раздается знакомый женский голос с болгарским акцентом:

— Это я, я! Здравствуй, родной! Слышишь меня?

— Слышу! Но плохо! Где ты?

— Я здесь... под Москвой. Не волнуйся, все в порядке. Постарайся в воскресенье приехать домой, часам к четырем, все объясню... Понял? Напиши письмо дочке! Не забудь, к четырем!

Понял?

Конечно, понял: через три дня быть дома. Решил возвращаться в часть электричкой.

Шагая по Москве, я невольно подумал: какой угрюмой и неуютной стала наша столица. На улицах непривычно мало людей. Всюду маскировка: белые и черные квадраты на асфальте, фанерные домики на площадях. Кремлевские звезды закрыты серыми чехлами. На заборах — плакаты, плакаты... Чаще других мелькает изображение суровой женщины с поднятой рукой: «Родина-мать зовет!» [30]

Много заборов. Раньше их было меньше. А может, просто мы не обращали на них внимания.

Когда я подошел к библиотеке имени Ленина, улицы ошпарил пронзительный вой сирены. И сразу вдруг появилось множество людей. К метро бежали женщины с детьми и узелками. Сирена надрывалась, словно подхлестывая.

Милиционер, вскинув руку к каске, предложил мне войти в метро. Заглянув в вестибюль, я с особой остротой и болью ощутил тяжесть войны. В полумраке длинного туннеля стояли и сидели сотни людей. Знакомые и незнакомые, они тесно прижимались друг к другу. Женщины не плакали: видно, уже тогда, в октябре 1941 года, у них не осталось слез. В суровой задумчивости они покачивали на руках плачущих детей, стараясь их успокоить.

Я не стал спускаться с платформы в туннель. Тяжело быть там человеку в военной форме, да еще с оружием. На него люди смотрят с досадой и укором.

Усиленно работая локтями, я протиснулся к выходу. Возле милиционера стоял патруль. Я солгал, сказав, что выполняю срочное задание командира. Меня пропустили.

Зенитки уже молчали, но отбоя пока не было. Решил заглянуть к себе на квартиру, она находилась поблизости.

Старушка вахтерша, увидев меня, заморгала слезящимися глазами.

— А почему вы не в подвале? — спросил я.

Она безразлично махнула рукой.

— Куда мне, старой? В подвале-то скорей задохнусь! Тут хоть пользу принесу. Иные в спешке не запирают квартиры. А ведь люди разные бывают. Есть и такие, которые не прочь нажиться на чужом горе.

Смахнув ладонью слезы, вахтерша спохватилась:

— А тебе письмо! Давно лежит. В тумбочку его спрятала. В клетке-то, гляди, затеряется...

Взял письмо. Тут же, в подъезде, пробежал его глазами. Мать писала: съездить за дочкой не смогла, не отпускают с работы. К

тому же надо выслать заверенный документ о том, что мы доверяем ей свою дочь. Причем в двух экземплярах: на работу матери и в детский дом, который находился где-то в Новом Буяне. Все это нужно было сделать срочно. Дальше мать сообщала, что мой [31] старший брат Аркадий уже не служит в райкоме — воюет, политрук батальона. Младший уехал на фронт со своим военным училищем из Балаклеи. Был ранен, подлечился и опять сражается. Третий брат пока дома, в Новосибирске. В армию его не отпускают: завод военный.

Заглянув в квартиру, я нашел на столе записку:

> «Родной и хороший! Муж, друг и товарищ! Мы правильно сделали, что пошли. Мы не могли не пойти! Я должна куда-то уехать. Не тревожься. Мы победим и останемся жить. Надеюсь, не посрамим себя: мы — коммунисты. Помни о дочери, пиши ей почаще. Не забывай меня!»

Писала Вера. Она вся — в этой записке.

Рассеянно осмотрев комнату, решил не запирать ее. Пусть ночует кто-нибудь из тех, у кого разбомбило квартиру.

Свою соседку Клавдию Антоновну, которую мы на правах друзей называли просто Клавой, я застал в пальто, с узелком и книгами на коленях. Увидев меня, она вскочила, засуетилась:

— Ты видишь, что происходит? Надо готовить семинар, а тут тревога! Собралась в подвал, да так вот и просидела... Надоело бегать: теперь и днем налетают. Я уже пробую в комнате оставаться. Есть же теория вероятности! Я так рассчитала: на Бабьегородском упала, это еще при вас; у Серпуховки несколько бомб сразу; потом на Зацепский рынок. Наш дом в центре этого треугольника. Сколько же надо бомб, чтобы угадать в него?

Клава засмеялась сухим, нервическим смехом и стала готовить чай, задавая мне разные вопросы — о выпускниках, о положении на фронтах. Чехвоетила Гитлера и фашистов.

— Что творят! Что творят! — восклицала она. А потом спросила с тревогой; — Вот ты военный. Как ты думаешь, не сдадим Москву? Прорвутся немцы в Москву? Говорят, они в Можайске?

— Ни за что! — ответил я.

Мой уверенный тон успокоил Клаву. Разлив по стаканам бледный чай, она придвинула тарелку с двумя тоненькими ломтиками хлеба. Хотя я был страшно голоден, но заявил, что обедал недавно. С удовольствием отхлебывая горячую воду, я искоса поглядывал на этажерку [32] с книгами. Маркс. Ленин. История партии. Клава работает преподавателем в нашем

институте, любит свой предмет. «Может быть, подумалось мне, наши книги сюда принести? Жалко, если растащат». Клава тоже о чем-то думала. Вдруг, нервно поставив на стол стакан, она спросила:

— Ты можешь быть до конца откровенным? Скажи, только честно... ну, вот был ты на фронте...

— Не был еще. Нас пока обучают.

— Неважно! В конце концов, ты в армии. Все равно вам лучше известно. Скажи: правда ли все то, что пишут о зверствах немцев?

Я поперхнулся и поставил стакан. Как она смеет!

— Вы что, не верите нашим газетам?

Мое лицо, должно быть, сделалось очень злым. Клава замахала руками.

— Нет, другое имею в виду. У меня просто в голове не укладывается, что так могут поступать люди. Целая нация, давшая миру великие умы... Это непостижимо!

Я сказал, что это, конечно, непостижимо, но воюет против нас не нация, а фашисты и те, кто одурманен ими. Есть много причин, их нельзя упрощать.

— Иногда все кажется настолько нелепым, что в голову лезут дурные мысли, — перебила меня Клава.

Ну нет! Это не растерянность, а нечто худшее!

— С ума ты спятила! — грубо сказал я, поднимаясь со стула. — Если бы тебя услышала Вера! Заходи к нам в воскресенье, она приедет. Уж она тебе скажет!

Продолжать разговор я был не в состоянии. Ушел, даже не поблагодарив за чай.

Заглянул в институт. Там царило непривычное запустение. Но секретарь парткома Мария Утевская оказалась на месте. Она — хирург, так же, как и Клава, наш бывший преподаватель. Здесь же встретил Валентину Васильеву и Валентину Добрынину. Обе они давали мне и Вере рекомендации, когда мы вступали в кандидаты, а потом в члены партии. Женщины обрадовались моему приходу.

— Институт эвакуируют из Москвы, — с горечью произнесла Утевская. — Как не хочется уезжать... Ведь мы ни за что не сдадим Москву! А кое-кто уже паникует.

В сознании вновь всплыл неприятный осадок от разговора с Клавой. Я рассказал о встрече с ней. [33]

— Надо вызвать ее, поговорить, — нахмурилась Утевская. — Валентина, вызови ее.

Утевская вышла меня проводить. Мы шли по длинному гулкому коридору, и я всем существом чувствовал, что этой спокойной женщине, хирургу с твердой рукой и секретарю

парткома, не по себе. Она словно хотела, но стеснялась о чем-то спросить. В ее умных глазах блестели слезы.

— Так не хочется из Москвы! — повторила она. — Хотя бы оставили в клинике, ведь хирурги нужны. А секретаря парткома можно снова избрать. Ну скажи, зачем я поеду? Одна. Муж на фронте... — И вдруг не выдержала: — Слушай, Илья! Присматривай за Володей. Он ведь еще ребенок, только десятилетку закончил... А я и не пыталась его удержать. Прошу тебя, он совсем беспомощный мальчик!

Володя? Ах, да! Как же я сразу не рассказал Марии о нем? Есть у нас в батальоне скромный, спокойный юноша... Глаза у него точно такие же, как у матери — секретаря парткома Марии Утевской.

Я медленно побрел по городу. Опять всюду мелькали плакаты «Родина-мать зовет!».

Дорогой секретарь Мария Утевская! Мог ли я знать тогда, какую страшную весть потом принесу тебе о Володе?! Для тебя это будет вторым ударом: к тому времени ты уже потеряешь и мужа.

Чудесный товарищ Валентина Васильева! Знал ли тогда я, что пройдет время — и ты пришлешь моей матери такое хорошее письмо обо мне, пришлешь в самый трудный для нее час, когда погибнет мой старший брат, а я потеряю возможность писать родным...

Я взглянул на часы. Надо было спешить к своим ребятам — солдатам первого батальона. Война!..

* * *

С фронта приходили плохие вести. Враг приближался к Москве. Распространялись панические слухи, один нелепее другого. Против них были бессильны контрольно-пропускные пункты и многочисленные «секреты», расставленные в лесу. Эти слухи будоражили воображение молодых бойцов.

15 октября комбат провел совещание сержантов, а военком созвал комсоргов. После ужина состоялось партийно-комсомольское собрание. [34]

Обзор положения на фронтах сделал военком Шаров.

— Как видите, — сказал он, заканчивая выступление, — Волоколамск, Клин, а тем более Солнечногорск в наших руках, и дальше враг не пройдет. Наша первейшая задача — лучше овладевать воинским мастерством, быть в постоянной боевой готовности. Вторая, не менее важная, задача — разоблачать

вредные слухи, бороться против паники...

— Это не паника, товарищ военком, — заявил сержант Михаил Егорцев. — Красноармейцы усвоили первую истину: солдаты должны учиться. Но есть и вторая истина: солдаты должны воевать! Мы не можем быть спокойными, когда враг подходит к столице. Многим кажется странным, что в такой тревожный момент нас не посылают на фронт.

Сержант Егорцев сказал правду. Такое настроение было у всех бойцов, в том числе и у медиков. Особенно бурно проявилось оно на служебном совещании, которое я провел вскоре после партийно-комсомольского собрания. Врачи и медицинские сестры в один голос спрашивали:

— Когда на фронт? Немцы движутся на Москву, а мы сидим!

Что я мог им ответить? Пришлось повторить сотни раз слышанные слова:

— Всему свое время. Медики, как и солдаты, должны учиться.

Утром на стенде возле столовой появилась сатирическая газета. Карикатуры гневно бичевали фашистов и звали бойцов в бой. На одной из них был изображен согнувшийся в три погибели гитлеровский горе-завоеватель в женском одеянии. Стихотворная подпись гласила:

О дамском трико и пище вороньей в предстоящем зимнем сезоне.

Столпившиеся у газеты красноармейцы от души хохотали. Пока они только так могли выражать свое презрение к врагу. Добровольцы еще не знали, что лозунг «Солдаты должны учиться!» сменится сегодня боевым девизом «Солдаты должны воевать!».

Едва личный состав батальона успел пообедать, как прозвучала властная команда «В ружье!». Красноармейцы бросились к оружию. Старшины торопливо роздали [35] патроны, по две ручные гранаты и по пакету с неприкосновенным запасом продовольствия.

К санитарной части подъехала грузовая автомашина. Я невольно взглянул на отрывной календарь; 16 октября 1941 года... Сорвал листок и сунул в карман гимнастерки. Проверил партийный билет — на месте.

Над пустеющим городком сгущались сумерки. Пошел мелкий холодный дождь. Потом снег. Липкий и неприятный. [36]

В секторах обороны

Есть дом в Москве, в котором я живу...

Куда нас повезут — этого никто в точности не знал, даже, может быть, и сам командир батальона. А пока мы шли к платформе Зеленоградская. На скользкой дороге бойцы то и дело спотыкались, взмахивая руками. Слышалось глухое звяканье металла.

Длинный силуэт эшелона возник перед нами неожиданно. Вагоны электропоезда словно прижались к платформе. А когда закончилась суматошная погрузка, Николай Худолеев сокрушенно сказал:

— Ребята! А вагоны-то не у той платформы стоят.

Бойцы притихли. Верно: вагоны стояли возле правой платформы, если смотреть на нее со стороны Москвы. Значит, поедем на север? В ответ послышался голос Егорцева:

— Дальше Загорска не увезут!

Политрук был прав: дальше Загорска электропоезда не ходили. Но все равно мы, видимо, поедем не в ту сторону, куда стремились. Словно подтверждая нашу грустную догадку, вагон вздрогнул и медленно пополз на север. Но вскоре поезд внезапно остановился, затем тихо двинулся в сторону Москвы. Настроение у всех сразу переменилось. Красноармейцы, не сговариваясь, закричали «ура». Потом в дальнем углу нашего вагона затренькала гитара, послышался приятный басок Рождественского. Однако не прошло и минуты, как голос солиста-гитариста потонул в слаженном хоре. Вася Юдичев запел [37] любимую батальонную песню. Ее подхватили другие бойцы, дружно повторяя припев:

В бой за красную столицу, москвичи!

В хоре отчетливо различались голоса Юдичева, Гудзенко и Левитанского. Авторы с особым энтузиазмом пели написанную ими песню.

Остановились в Пушкино и увидели там еще такой же состав. В него грузились другие батальоны полка. На душе стало радостнее. Мы поняли: отправляемся на фронт защищать столицу.

Поезд шел без огней, минуя дачные платформы. Не доезжая Москвы, он неожиданно остановился. По обе стороны дороги темнел лес. Взметнувшиеся в небо узкие лучи прожекторов то и дело натыкались на густые тучи. Дробно стучали зенитки. Опять налет! Но на этот раз он закончился скоро, и через несколько минут мы очутились на темной и холодной платформе

Ярославского вокзала.

Привокзальная Комсомольская площадь тревожно гудела. Слышались лязг гусениц, ржание лошадей, крики людей, потерявших друг друга.

Нарушив строй, мы пробирались между танками и стволами дальнобойных орудий, нервными крупами кавалерийских коней и бортами двуколок. Все это вместе с нами покидало площадь. А навстречу двигался поток москвичей, направлявшихся к Ярославскому и Казанскому вокзалам. Зажатый со всех сторон пожилой усатый милиционер уже не старался навести порядок. Мигая бледным лучом карманного фонарика, он монотонно произносил:

— Граждане! Спокойно! Прошу вас, спокойно, граждане!

Лишь где-то возле Ново-Басманной стало посвободнее. Полк снова построился. Колонну нашего батальона возглавили капитан Прудников и «закоренелый» москвич военком Шаров. Когда проходили через Самотечную площадь, комиссар не выдержал и помахал рукой дому, где находилась его квартира...

На Малой Бронной полк остановился возле школы. И тут все немножко ожили.

— Ребята! — послышался звонкий девичий голос. — Это моя школа! Десять лет сюда бегала! [38]

Санинструктор Галя Ефимова быстро соскочила с машины и, топая тяжелыми кирзовыми сапогами, побежала в школьное здание. Ее возбуждение сразу же передалось бойцам. Через несколько минут Галя возвратилась и стала одаривать красноармейцев кусочками сахара.

— Это от директора... Съедим по кусочку — сразу силы прибавится и будем лучше видеть в темноте!

— Хороший, видать, в школе директор! — пошутил кто-то.

— Он всегда подкармливал учеников сахаром, чтобы лучше учились?

— Учеников — нет, а меня ежедневно, — задорно отпарировала Галя.

— То-то ты и кругленькая, — заключил остряк. — А почему он к тебе такое внимание проявлял?

Галя засмеялась:

— Директор — это моя мама. Учителей она проводила сегодня в эвакуацию, а сама осталась... Заходите погреться. Только светомаскировку не нарушайте!

Но нам было приказано ожидать на улице, и лишь часа через два разрешили зайти в помещение. Щурясь от света, бойцы осторожно ступали по натертому паркету. Парт в классах уже не было, стояли только доски. Закрытые плотной бумагой окна

напоминали, что идет война.

Отопления в школе не было. Бойцы, расположившиеся в мокрых шинелях на полу, зябко прижимались друг к другу.

Я ходил с этажа на этаж, отыскивая свое начальство. На одной из лестниц столкнулся с военкомом. Шаров нащупал мою ладонь и весело сказал:

— Поздравляю! Вам присвоено воинское звание... Вашим помощникам тоже. Сам видел приказ. Ну извини, тороплюсь: опять вызывают. На первом этаже есть небольшая комната — разверните там медпункт, установите дежурство... В общем, сами знаете, что нужно делать.

Выпалив это единым духом, военком побежал к выходу, придерживая полевую сумку и маузер.

В комнатушке, о которой говорил военком, уже сидели мои помощники. 6 приказе они узнали раньше меня, на петлицах у них уже красовались кубики. Тут же и мне нацепили по одному прямоугольнику. Трудно сказать, где их сумели так быстро достать наши девушки. [39]

Став «законным» военным врачом третьего ранга, я собрался было отдать какое-либо строгое распоряжение, но Зоя Первушина — Зайка — все испортила. Привстав на цыпочки, она неожиданно поцеловала меня в щеку:

— Поздравляю!

Девушки зааплодировали. К ним присоединились Рождественский, Комаров и Молчанов. Вошли Стрельников и Назаров. И у них на петлицах сверкали прямоугольники. Начались взаимные поздравления. Это была настоящая, немного ребяческая радость.

В шесть утра бойцы собрались в коридорах у репродукторов. Голос диктора звучал тревожно:

— За истекшую ночь положение на фронте резко ухудшилось... Наши войска оставили город Калинин... бои развернулись на волоколамском и можайском направлениях...

Наступила пауза. Потом диктор продолжал:

— Граждане города Москвы! Через несколько минут у микрофона выступит председатель Исполкома Московского Совета депутатов трудящихся... Слушайте выступление председателя Моссовета!

Сотни людей стояли в ожидании, затаив дыхание.

Репродуктор тихо шипел. Потом опять послышалось:

— Граждане города Москвы... через несколько минут... слушайте выступление...

Но прошел уже час, а председатель Моссовета все еще не выступал. Это было мучительно. Страшно хотелось знать, какое

сообщение приготовлено москвичам. Однако предупреждения диктора становились все реже, а затем совсем прекратились.

— Разойтись на отдых! Оружия не снимать! — послышалась команда, хотя и так никто в течение ночи не снимал оружия.

Старшие командиры прибыли с совещания, которое проходило ночью в Красном зале Моссовета. Теперь они вызывали нас к себе. Возле кабинета директора школы я догнал начальника штаба. Старший лейтенант Шестаков, пожимая руку, кивнул на мои петлицы:

— Поздравляю, земляк!

Я не ответил на поздравление. Спросил, не узнав своего голоса:

— Что случилось? [40]

Шестаков слегка толкнул меня локтем:

— Все в порядке, товарищ военврач третьего ранга! — И доверительно шепнул: — Назначен новый комендант Москвы. Часть учреждений эвакуируют из города. Нашей бригаде дано указание выделить людей в распоряжение коменданта. Они будут патрулировать, вылавливать немецких лазутчиков и провокаторов. В Москве объявят осадное положение.

— А правительство? — спросил я, встревожившись.

Шестаков протолкнул меня в дверь кабинета и шепотом ответил:

— Правительство, говорят, уезжает, а товарищ Сталин остается здесь.

Командир полка майор Иванов, сидевший за столом директора школы, встал и, окинув взглядом собравшихся, негромко сказал:

— Кто там у двери — прикройте.

* * *

«Правда» вышла с тревожной передовой: «Враг продолжает наступать — все силы на отпор врагу!» Один за другим уходили наши взводы в распоряжение коменданта. Второй батальон и саперы перешли из школы в помещение театра, что на углу Бронной и Никитских ворот. Третий батальон занял музей пограничников и гостиницу-общежитие. Подразделения первого полка разместились в здании, где теперь находится ГУМ, во Втором доме Наркомата обороны и в Доме Союзов.

По решению Городского штаба обороны бригаде определили секторы обороны. Нашему, первому, батальону отводился район Белорусского вокзала, включая Бутырский вал, с глубиной до

площади Пушкина, Дома превращались в опорные пункты, огневые точки, ориентиры.

В девятом часу утра командир полка Иванов и военком Стехов выехали на автомашине принимать отведенный сектор. За ними на мотоциклах отправились командиры батальонов с начальниками штабов. Капитан Прудников захватил и меня.

Из коляски «харлея» я рассматривал утреннюю Москву. На улицах стало спокойнее. Потоки людей с чемоданами и ручными тележками исчезли. Ушли и войска, заполнявшие городские площади. Высоко над Москвой в белесом октябрьском небе плавали аэростаты воздушного [41] заграждения. Девушки в солдатских шинелях готовились спускать их вниз. На заборах появились новые плакаты «Родина-мать зовет!».

Командир батальона, поглядывая по сторонам, время от времени оборачивался к сидевшему позади него начальнику штаба. Они определяли пригодность городских зданий к обороне. Иногда Прудников кивал на тот или иной дом, и Шестаков делал на карте пометки. Я спросил, где разместится медпункт.

Капитан Прудников ответил почти телеграфно:

— Командный пункт в баре на площади Пушкина. Медпункт рядом — в подвале аптеки. Начштаба покажет.

Впервые за эти сутки Шестаков улыбнулся:

— Удачное сочетание: в аптеке спиритус вини, а на КП — пиво.

Шедшая впереди эмка командира полка остановилась на Миусской площади возле дома с вывесками: «Советский районный комитет ВКП(б)», «Исполнительный комитет Советского района». Мы вошли во двор и увидели крытую грузовую автомашину, до отказа забитую ящиками. Возле нее хлопотали вооруженные люди в штатской одежде. Один из них подошел к командирам, представился:

— Секретарь районного комитета партии Андреев Иван Михайлович.

Другой, в нагольном полушубке, поправив наган на широком армейском ремне, произнес:

— Кузнецов Иван Дмитриевич, председатель райисполкома.

Представился третий, майор:

— Анейчик, военный комиссар Советского района.

Стехов покосился на ящики в кузове автомашины.

Секретарь райкома перехватил его взгляд:

— Думаете, удирать собрались? Это — архивные документы, их, конечно, лучше убрать. Но работники райкома и райисполкома остаются на месте.

— Мы другого и не ожидали, — удовлетворенно сказал

командир полка. — Приехали к вам скоординировать действия. Будем вместе держать оборону.

— А мы ожидали вас, — отозвался Андреев. — Еще ночью узнали, что приедете. Наш штаб в кабинете предрика, а вы располагайтесь в моем кабинете. [42]

— Сделаем все, — вмешался Кузнецов, — только скажите, что нужно.

Майор Иванов перечислил, загибая пальцы:

— Мешки, песок, рельсы, ломы, лопаты... Это сегодня. Освободить подвалы домов, открыть доступы к чердакам... Освободить здания магазинов, особенно угловых. Это тоже сегодня.

Руководители района с полуслова поняли, что от них требуется. Люди в штатском были такие же деловые и собранные, как и военные.

* * *

После обеда, отпросившись у начальства, я поехал на мотоцикле к Большой Якиманке и приглушил мотор возле нашего дома. В подъезде, как обычно, увидел вахтершу. Не ответив на мое приветствие, она кивнула на клетку для писем и раздраженно сказала:

— Писем больше не приходило.

— А Вера?

Вахтерша зябко повела плечами и отозвалась добрее:

— И Верочки не было. — Потом снова сердито: — Экую суматоху подняли с ночи! А чего бегут? От своего страха бегут!

— Из нашего дома — тоже?

— Я ж о том и говорю! Бегут те, кто голову потерял. Ладно б тихо убрались, а то на других нагоняют мутность... Всего из нашего дома уехало, кажись, семей пять или шесть... Ну а по всему городу таких сколько? Да по мне, пусть едут, без них спокойнее... А ты подожди. Верочка, гляди, подъедет, коли обещала. Она-то не побежит!

Не хотелось расспрашивать, кто именно выехал. Поднявшись на свой этаж, я увидел на лестничной клетке аккуратно сложенные стопки книг в знакомых переплетах.

Пробыл дома не более десяти минут. Жена не приехала, как условились, а мне надо было уже возвращаться в часть. Решил попросить соседку передать Вере, что нахожусь на Бронной. Дверь Клавиной комнаты открыла незнакомая женщина.

— Хозяйки нету, ночью уехала, — сказала она, окинув меня

настороженным взглядом. — Просила меня комнату [43] присмотреть... Время такое... А она второпях и вещи не захватила.

В комнате царил беспорядок. Бросилась в глаза пустая этажерка. В чем дело? Женщина развела руками, заметив мое недоумение:

— Хозяйка велела выбросить... Чтобы ничего такого в комнате не осталось, если немцы город займут.

— Чего «такого»?

— Ну, книг, что тут лежали. А я пожалела выбрасывать их на улицу. Сложила на лестнице.

«Вот оно как, товарищ Клава. А я-то считал вас убежденной, твердокаменной! И в логике вам не откажешь: увидят немцы «такие» книги — разграбят комнату, а без них, может, и пожалеют. Тогда уж надо было бы повесить иконы!»

Собрав на лестнице книги, я отнес их к себе. Во мне все бушевало от злости. «Интересно, успела ли Валентина Васильева вызвать Клаву в партком? — подумал я. — Клава — беспринципный обыватель. Вот будет удар для Веры, когда узнает об этом!»

Решил позвонить жене. Спустился в подъезд к телефону-автомату и опустил монету. На вызов долго не отвечали, но я терпеливо ждал. Наконец услышал едва различимый голос:

— Нету... Никого здесь нету. Школа ночью уехала.

— Какая школа?

— Ничего не знаю. Говорю вам — у-е-ха-ли! Я сторожиха.

Щелчок, а затем — гудки. Какая-то сторожиха повесила трубку в какой-то школе. Перезвонил, тщательно набирая номер. И снова услышал:

— Никого здесь нету. Уехали. Я сторожиха...

Взвыла сирена. Из подъезда я увидел людей, направлявшихся в убежище. Белые стрелы на стенах зданий указывали, куда идти. Жители шли спокойно. Права была вахтерша: паникеры уехали, и без них стало лучше.

* * *

Батальон готовил позиции. Леша из Кимр работал в одной гимнастерке. Засучив рукава, он со всего размаху всаживал в мостовую лом и выковыривал булыжник. Леша Усачев так увлекся, что не заметил, как я подошел к нему. От него шел пар. Влажный огненно-рыжий чуб [44] наползал на глаза, и Леша движением головы отмахивал его назад. Парень был явно доволен, что наконец дорвался до «настоящего дела» и старшина

не усаживает его за сапожный столик.

Доволен был и слесарь-водопроводчик Кувшинников: для него тоже нашлась работа по душе. Автогенным аппаратом он резал рельсы и сваривал из кусков крестовины — противотанковые ежи. Бойцы, кряхтя, растаскивали их по переулкам.

На углу Третьей Тверской-Ямской, возле Миусской площади, яростно копал землю Николай Худолеев. Боксер с кондитерской фабрики «Большевичка» устраивал возле дома окоп для гранатомета. Над его головой в оконном проеме боец Михаил Соловьев укладывал мешки с песком — оборудовал снайперское гнездо.

По соседству окапывались Женя Дешин, Лазарь Паперник и Валерий Москаленко. Работа у Лазаря спорилась лучше, чем у других. Сказывалась рабочая хватка. Но и студент Валерий не подкачал. Трудился с упорством и яростью солдата, готового до последнего вздоха защищать столицу.

Чуть в стороне от них, часто поплевывая на руки, копал землю заместитель политрука Василий Юдичев, взводный запевала. Когда мы стояли в Зеленоградской, взвод, в котором он служил, неизменно занимал первое место по исполнению строевых песен.

В первые дни войны Юдичева, как и некоторых других студентов ИФЛИ, направили строить какой-то военный объект в районе Семеновской заставы. Там его, неизвестно по каким соображениям, назначили бригадиром землекопов. Вася с жаром взялся за дело и в первый же день, натерев до крови ладони, перевыполнил норму. Но работа его не удовлетворяла. Ему хотелось на фронт, и он добился назначения в нашу бригаду. Теперь выпускник факультета истории искусств Василий Юдичев оборудовал окоп полного профиля.

Все бойцы работали старательно, каждый хорошо понимал исключительную напряженность обстановки. 19 октября Государственный Комитет Обороны объявил столицу на осадном положении.

Прудников, Шестаков и Шаров осматривали позиции батальона. Я пошел с ними, чтобы по дороге выяснить у начальника штаба некоторые вопросы, связанные с медицинским [45] обслуживанием личного состава. На площади перед Белорусским вокзалом мы вошли в угловой дом, где помещался магазин.

— Как идут дела, орелики? — спросил Шестаков у бойцов.

Он любил называть так красноармейцев, и это им нравилось.

Орелики с продавцами снимали с полок товары. Окна

закрывали мешками с песком, превращая их в бойницы.

Шестаков установил в одном из окон пулемет, изготовился к стрельбе и сказал:

— Сектор обстрела сузили. Вот этот мешок надо чуток отодвинуть в сторону.

Проверив готовность огневых точек и обозначив ориентиры, Шестаков начал осматривать верхние этажи здания. Опустевшие квартиры тоже приспосабливались к обороне. После осмотра дома старший лейтенант подозвал командира взвода и распорядился:

— В стене восьмой квартиры надо сделать проем для подноса боеприпасов. Этим же путем будем эвакуировать раненых.

Командир взвода лейтенант Петр Слауцкий, мельком взглянув на бойцов, ответил:

— Тут у нас состоялось небольшое комсомольское собрание. Бойцы приняли решение сражаться до последнего дыхания и просили не намечать путей отхода.

— Я буду оказывать помощь на месте, — добавила Петрушина.

Военком согласно кивнул головой, одобряя решение комсомольцев.

Мне было приятно смотреть на суровые и возбужденные лица бойцов. Я даже представить не мог этих людей ранеными или убитыми. Все они готовились к жестокой схватке с врагом, и, может быть, потому их приветливые юные лица с каждым днем становились все более суровыми. И все-таки в восприятии войны у бойцов еще было много романтики.

Однажды я встретил на улице Горького отделение Семена Гудзенко. У бойцов за плечами были карабины, у Семена ручной пулемет. Они патрулировали по городу. Чем-то хорошо знакомым повеяло от них. «Почему больше десяти?» — подумал я, пересчитав бойцов. Но тут же понял: ну конечно же, как у Блока! Наверное, даже уговаривали [46] командира, чтобы он разрешил составить патруль именно из двенадцати человек.

Патрулировал Семен с неохотой.

— Конечно, — сказал он, — отрадно чувствовать себя стражем города, но иногда неловко становится перед москвичами. Остановишь прохожего, проверишь документы, а он, оказывается, рабочий, спешит на смену.

— Но ведь Москва на осадном положении! — сказал я, хотя вполне разделял его чувства.

Гудзенко не возражал: проверка документов необходима. Он знал, что патрули уже задержали несколько действительно сомнительных лиц. Но ему хотелось стрелять по врагу, которого

видишь. Ради этого он и добивался приема в бригаду, несмотря на противодействие врачей. Ведь у него было слабое зрение.

В те трудные для страны дни не было юноши, не мечтавшего получить оружие!

На второй или третий день после нашего возвращения в Москву батальон из школы перевели на Тверской бульвар в здание Литературного института имени Горького. Под медицинский пункт отвели флигель, где жили раньше семьи профессорско-преподавательского состава. Я пошел осмотреть институт, ставший казармой первого батальона.

Вот он — храм литературной науки, о котором я мечтал даже тогда, когда уже изучал медицину! Бойцы-ифлийцы расхаживали здесь с таким видом, словно опять стали студентами.

Осмотрев казарму, я спустился в неглубокий подвал. Там встретил группу бойцов-ифлийцев — Юдичева, Вербина, Мачерета, Гудзенко, Шершунова, Лукьянченко...

— У нас оказался хороший нюх, — улыбнулся Семен Гудзенко! — Посмотрите, какое богатство! Можно сказать, неизданная сокровищница советской литературы.

Книжные шкафы были забиты папками с контрольными и дипломными работами студентов-горьковцев, рецензиями и стенограммами выступлений видных писателей и критиков. Погребок, как мы окрестили эту своеобразную библиотеку, притягивал меня. По ночам я приходил сюда и выбирал наугад папки со стихами и прозой. Читал рукописи, хорошие и слабые, холодноватые и вдохновенные. Читал и думал об авторах: наверное, они тоже теперь в военной форме где-нибудь на фронтах. К сожалению, времени для таких визитов было мало. [47]

Познакомились мы и с большим подвалом недостроенного здания театра имени Немировича-Данченко на Тверском бульваре, напротив Литературного института. Туда уходили, как только завоет сирена.

Это убежище приходилось посещать часто. Вражеская авиация наглела, налетала на город не только ночью, но и днем.

Фронт неумолимо приближался к столице. Наша бригада уже участвовала в боях, выделив несколько отрядов заграждения. В лазарет поступали раненые. От них мы узнавали о тяжелых боях под Москвой. Острой болью в сердце отдалась тяжелая весть о занятии немцами Волоколамска.

Полковая столовая находилась в переулке вблизи Центрального телеграфа. Ходили туда по улице Горького или по улице Герцена. Бойцы всякий раз старательно держали равнение, ловя на себе испытующие взгляды москвичей и иностранных

корреспондентов, которые всегда толклись на лестнице телеграфа. Шли так, чтобы ни у кого не возникало сомнения в нашей решимости сражаться насмерть.

Утром 30 октября воздушной тревоги не было. Позавтракав, бойцы, как всегда, с песней отправились в казарму. С ними шел и я. Проходя мимо Кисловского переулка, вспомнил о Стелле Благоевой. Она жила здесь, рядом.

Возле большого серого дома я увидел ее, подошел и поздоровался.

— А где Вера? — спросила Стелла.

Что я мог сказать? После телефонного разговора со сторожихой какой-то школы, сказавшей, что все уехали, я потерял связь с женой. Пытался узнать у комбрига, но полковник Орлов тоже ответил уклончиво: «Идет война, понимаете?» Такая сверхосторожность огорчила меня. Это я и выложил Благоевой.

— Вот как! — задумчиво произнесла Стелла Димитровна. — Мужу и не сказать. Я как раз еду к товарищу Димитрову и поинтересуюсь этим. А может поедешь со мной? Есть у тебя немного времени?

— До обеда. Часов до двух...

— Тогда поедем. [48]

Я сел, не спросив, куда мы отправляемся. По дороге Стелла расспрашивала об интернациональных группах антифашистов нашей бригады. Получив наглядный урок конспирации от Орлова, я смущался. Может ли военный человек говорить об этом, хотя бы и со Стеллой Благоевой? Но я не предполагал тогда, что Стелла знает об интернациональных группах гораздо больше, чем многие из нас.

Автомобиль остановился у большого красного здания на Ярославском шоссе, за Сельскохозяйственной выставкой. Там размещался тогда Коминтерн.

В приемной из-за стола поднялся мужчина и, поздоровавшись с Благоевой, дружески протянул мне руку:

— Гуляев. Значит, все-таки вы на фронте!

И тут я вспомнил, что он беседовал со мной и Верой в ЦК партии.

Здесь же находился капитан Кухиев — невысокого роста, с черными усиками на смуглом лице. Я знал его хорошо. Он дружески поздоровался со мной. Однако по лицу помощника Георгия Михайловича Димитрова я понял, что он чем-то очень озабочен. А вскоре стало ясно, чем именно — эвакуацией Коминтерна из Москвы. Значительная часть сотрудников и имущества были уже вывезены, но в приемной еще лежало немало упакованных ящиков с документами...

Через несколько минут после того, как Стелла скрылась за дверью, раздался звонок. Гуляев сразу исчез, но быстро вернулся.

— Вас просят, — сказал он.

В кабинете кроме Георгия Михайловича я увидел Васила Коларова и Хосе Диаса. Были здесь и другие видные люди. Поэтому мне стало как-то неловко.

Извинившись перед товарищами, Георгий Михайлович Димитров стал расспрашивать меня о болгарах и других интеровцах из нашей бригады. Лишь в конце беседы как бы мимоходом спросил:

— Значит, не знаешь где Вера?

Я ответил то же, что и Стелле. После короткой паузы Георгий Михайлович хмуро заметил: [49]

— Странно. А мы имели в виду включить ее в болгарскую группу для работы на родине.

Димитров снял телефонную трубку. Говорил он тихо. Но я и не вникал в суть разговора, а просто смотрел на его мужественное и доброе лицо. Лишь несколько фраз явственно дошли до меня. Георгий Михайлович мягко, но настойчиво сказал:

— Прошу уточнить и поставить меня в известность! И еще прошу — о болгарских товарищах не решать без консультации с нами. Очень прошу!

Встретив мой встревоженный взгляд, он сказал:

— Полагаю, ничего с Верой не случилось. Завтра позвоните товарищу Благоевой. Она уже будет знать.

Завыла сирена. Георгий Димитров встал:

— Всех прошу в убежище.

В Коминтерне была строгая дисциплина. Василь Коларов, Стелла, Хосе Диас и стройная Пассионария вышли. Димитров бросил взгляд на письменный стол, на телефонные аппараты, на меня.

— Тебе тоже надо спуститься в убежище, — сказал он.

Позабыв, что на мне военная форма, я, как школьник, сказал:

— Мне надо к комбату...

Выдавив эту нескладную фразу, я испугался: что обо мне подумает Георгий Михайлович! Но он даже не улыбнулся. Выйдя со мной в приемную, сказал:

— Пусть отвезут товарища, не ожидая отбоя. Военным нельзя опаздывать.

Пока мы шли по длинному широкому коридору, Димитров открывал одну за другой двери комнат, желая убедиться, все ли ушли в убежище. Возле одной двери он нахмурился: из комнаты слышался дробный стук пишущей машинки. Георгий Михайлович укоризненно посмотрел на секретаря:

— Еще раз проверьте каждую комнату! Ни один человек не должен оставаться в помещении во время тревоги. Пустой героизм ни к чему.

Внизу меня ожидал смуглый подтянутый капитан. Димитров сказал ему с доброй иронией: [50]

— Это военный доктор. Ему некогда ждать отбоя. К тому же он обещал комбату! — Затем повернулся ко мне, улыбнулся и добавил: — Ну, желаю успехов!

Машина с пропуском на ветровом стекле птицей летела по улицам. Милиционеры в железных касках и военные патрули ее не задерживали.

И все же я опоздал. Бойцы уже пообедали и с песней возвращались в казарму.

— Опаздываешь? — крикнул Шестаков. — Ну ладно, поди поешь, а я в парикмахерскую.

В пустой столовой я торопливо проглотил застывшую свинину с чечевицей и вышел во двор. Среди тишины послышался нудный прерывистый гул. Странно: ведь диктор оповестил, что угроза воздушного нападения миновала. Я посмотрел вверх на хмурые низкие облака. Вдруг над зданием телеграфа из них вывалился большой и темный силуэт самолета. А через секунду раздался оглушительный взрыв. Мостовая вздрогнула, из окон посыпались стекла.

— Скорее, доктор! — крикнул подбежавший Саша Казицкий. — Павел Савосьевич... — Саша потащил меня за рукав на улицу. Губы у него дрожали.

Я знал, что заместитель командира второго батальона Захаров пошел вместе с Шестаковым в парикмахерскую. Сразу понял, что с ним случилось несчастье. И верно. На лестнице телеграфа, прижимая ладонь к боку, лежал капитан Захаров. Рядом валялась пробитая осколком полевая сумка. Над раненым уже склонился военврач Стрельников.

— Сумка спасла, а то бы... — сквозь зубы сказал Захаров растерянно и виновато. — Больно...

На улице Горького творилось невероятное. На проезжей части стояло несколько легковых автомобилей со опущенными скатами и побитыми стеклами. Возле диетического магазина, где недавно была длинная очередь, ползали и кричали десятки людей. На мостовой виднелись красные пятна.

К месту взрыва бежали люди и останавливались там, не зная, что предпринять. Около нас взвизгнула тормозами полуторка. С нее торопливо соскочили командир полка Иванов, военком Стехов, командир батальона Прудников, медицинские работники. Девушки-сестры были с сумками.

— Командуйте, доктор! — крикнул мне майор Иванов и посмотрел вдоль улицы. — Сейчас еще машины подъедут. [51]

Стехов посоветовал:

— Не устраивайте здесь перевязочных пунктов. Всех — на машины и в больницы... Перевязывать только тех, у кого сильное кровотечение. И тоже — на машины!

Автомобилей наехало много, грузовых и легковых. Милиционеры и бойцы останавливали их на соседних улицах и направляли к месту происшествия. Милиционерами и шоферами командовала невысокая женщина с большими выразительными глазами. Это была жена майора Иванова, начальник районной госавтоинспекции Елена Давыдовна Сагирашвили. Так на забрызганной кровью улице неожиданно встретились муж и жена.

Через несколько минут все убитые и раненые были подобраны и отправлены в больницу. Из подъездов вышли дворники и стали приводить в порядок мостовую. Прудников и Шестаков, разделив бойцов и медработников на группы, приказали обойти телеграф и квартиры ближайших домов.

Взрыв тяжелой бомбы вызвал много жертв. В течение часа мы обходили квартиры и делали перевязки раненым. Позже узнали, что такие же фугаски немецкий самолет сбросил на Большой театр, на трамвайную остановку у Ильинских ворот и на угловое здание Центрального Комитета партии. И оттуда автомашины увезли десятки пострадавших.

* * *

Незадолго до Октябрьского праздника бойцы нашего полка принимали военную присягу. Едва закончилось это торжество, как за решетчатым забором, окаймляющим двор Литературного института, послышался лязг гусениц. К площади Пушкина двигались танки. Прямо с фронта пришли они на ночную тренировку перед парадом. Несколько ночей подряд ходил на такую же тренировку и сводный полк нашей бригады под командованием майора Иванова.

Мы не знали точно, состоится ли парад. Дело в том, что воздушные налеты на Москву участились. Отдельные самолеты противника прорывались к городу, бомбили жилые дома и сбрасывали листовки с угрозами, что утром 7 ноября по Красной площади будет нанесен удар с воздуха. Но все мы страстно хотели, чтобы парад состоялся. [52] Сергей Трофимович Стехов заявил, что он будет равнозначен подвигу, что на торжественную Красную площадь будет смотреть весь мир.

Вечером накануне праздника бойцы собрались у репродукторов. Во всех комнатах института и в коридорах, где висели динамики, установилась тишина. Слушали трансляцию торжественного заседания, посвященного двадцать четвертой годовщине Октябрьской революции. Казалось, оно происходит совсем близко, в одной из соседних комнат. Доклад товарища Сталина выслушали от начала до конца, не пропустив ни слова.

А поздней ночью, после тренировки на Красной площади, батальон, несмотря на воздушную тревогу, не ушел в убежище. Бойцы и командиры чистили оружие, пуговицы и пряжки на ремнях. В третьем часу утра неожиданно раздалась команда:

— Отбой! Ложиться спать! Парада завтра не будет.

Все, разочарованные, разошлись по своим местам. Но часа через три раздались громкие команды старшин:

— Подъем!

Поправляя ремни на шинелях, бойцы строились и чуть слышно переговаривались:

— Может, на парад?

— Сказали же — отменен!

Я уже знал, что парад состоится. За полчаса до подъема меня разбудил Шестаков и позвал к военкому на инструктаж. Петр Петрович объявил:

— Должен, товарищи, сообщить приятную новость. — Он сделал умышленно долгую паузу, обводя собравшихся улыбающимися глазами. — Парад на Красной площади состоится.

Все мы облегченно вздохнули.

— Вы знаете, как сложна обстановка на фронте, да и в Москве, — продолжал Шаров. — Во время парада, возможно, будут налеты вражеской авиации... Возможно, вражеские лазутчики попытаются спровоцировать в городе панику и беспорядки. Будьте начеку и предупредите красноармейцев.

...Батальон двинулся к площади Пушкина, когда бледный, влажный рассвет уже просочился в столицу. К нам пристроились другие подразделения сводного полка. Одна из главных магистралей Москвы, убегая за город, связывала [53] Красную площадь непосредственно с фронтом. И по ней, насколько хватало глаз, двигались войска — танки, пехота, артиллерия, кавалерия. Встретились нам подразделения 16-й армии. Ее бойцы недавно вели тяжелые бои за Смоленск, а сегодня, всего несколько часов назад, сражались в районах Волоколамска и Истры. У солдат были мужественные, но усталые лица.

С трудом лавируя в сплошном потоке войск, наш сводный полк шел по установленному «кружному» маршруту: от площади Пушкина к Петровским воротам, далее к Ильинке. Оттуда по

улице Разина, мимо полуразрушенного здания ЦК мы направились к Красной площади.

Подразделение бойцов-спортсменов шагало уверенно и четко. За ним, иногда сбивая шаг, двигались смуглые испанцы, потом рослые светловолосые латыши, немцы и другие интернациональные группы.

Остановились напротив Мавзолея В. И. Ленина. Над площадью — мутная снежная пелена. Мокрый снег оседал на шапках и шинелях. Трудно было рассмотреть лица людей, поднявшихся на Мавзолей. Все же товарища Сталина и Георгия Димитрова я узнал без труда. Вспомнил, что Стелле Благоевой так и не смог позвонить...

В перезвон кремлевских курантов вплелись певучие голоса фанфар:

«Слушайте все!»

Над площадью пронеслось раскатистое «ура!», стихло, а потом с новой силой взметнулось в воздух. Люди вкладывали в этот боевой клич всю силу легких, все свое волнение. Хотелось кричать как можно громче, чтобы голос твой услышали все, кто прильнул к репродукторам, и в нашей стране и во всем мире!

Мне и раньше приходилось участвовать в демонстрациях на Красной площади. Но в этот раз, казалось, не было большего счастья, чем идти торжественным маршем мимо трибун, мимо Мавзолея великого Ленина.

После парада поток войск начал быстро иссякать, оставляя на гололеде следы гусениц и сапог. Большая часть следов вела с Кремлевской набережной и с улицы Разина к Ленинградскому шоссе, а по нему — к фронту.

Наш сводный полк снова пошел к своим казармам. Попросив разрешения отлучиться, я забежал в Дом Союзов навестить товарищей. [54]

...С бойцами интернациональных подразделений мы крепко подружились, и, скажу без преувеличения, даже учились у них ненависти к фашизму. Особенно у испанцев. Эти смуглые люди с ослепительными улыбками мгновенно преображались, как только речь заходила о фашистах. Более других запомнились мне партийные работники и бывшие командиры подразделений испанской республиканской армии Анфель Эррайс, Паулино Гонсалес, Фелипс Артуньо, Рональд Эскрибано, неугомонный шутник Хесус Ривас, большеглазая курчавая девушка Хуанита Прот, высокая стройная Мария Фернандес.

Несколько позже, после возвращения с задания, к ним присоединился молодой астурнец Хосе Виеска. Сын шахтовладельца совсем юным вступил в ряды Коммунистической

партии Испании и был активным участником астурийского восстания в 1934 году. Ему тогда исполнилось лишь девятнадцать лет. Осужденный к смертной казни, замененной затем тридцатью годами тюрьмы, он получил свободу благодаря установлению республиканской власти. Когда начался фашистский мятеж, Хосе был комиссаром батальона, а потом командовал бригадой... У нас в Союзе Виеска вместе с другими товарищами, вырвавшимися из когтей Франко, работал на Харьковском тракторном заводе.

Мужественными, закаленными были и остальные знакомые мне сыны и дочери испанского народа.

Мария Фернандес, например, трудовую жизнь начала очень рано. Ребенком она работала прислугой, затем поступила в пошивочное ателье. Там пятнадцатилетняя девушка вступила в комсомол. А через три года огонь фашистского мятежа опалил ее любимую Сарагосу.

Во время войны Фернандес вступила в Коммунистическую партию и вскоре стала секретарем партийной ячейки. Затем, спасаясь от полиции Франко, бежала через границу во французский город Колон и там попала в тюрьму. Лишь после решительных выступлений французских женщин, в течение нескольких месяцев блокировавших тюрьму, Марию и других девушек перевели в... концентрационный лагерь, где содержались республиканцы.

Много мытарств перенесла мужественная патриотка. С трудом ей удалось пробраться в Советский Союз. И только в нашей стране Мария испытала истинную радость [55] труда. Она работала у станка на московском автозаводе, вечерами училась в школе медицинских сестер. Готовилась к новым боям за свободу своей страны.

Неразлучной подругой Марии была Санчес, носившая партийную кличку Африка — в память о своем деде-мавре. Она очень плохо объяснялась по-русски, но отлично понимала все, что ей говорили. Запомнившиеся немногие русские слова произносила твердо и темпераментно.

Однажды мы сидели с группой интеровцев на лестнице Колонного зала и, ожидая начала митинга, беседовали. Каждый делился своими мыслями. Африка молча слушала. Один из бойцов спросил девушку, что она собирается делать в ближайшее время. Африка ответила не задумываясь:

— Воевать.

— Нет, я спрашиваю, что будешь делать, когда мы победим, — объяснил боец.

— Воевать в Испании.

— А когда победим фашистов в Испании?

— Воевать там, где другие фашисты.

— Всю жизнь?

— Всю жизнь, пока не будет фашистов, — твердо сказала Африка и опять замолчала, слушая, о чем говорят другие. Сидела, уютно обхватив руками колени, маленькая, красивая, юная. За эту твердую убежденность мы особенно любили наших товарищей по оружию, по совместной борьбе с фашизмом.

Вместе с интеровцами в Доме Союзов жили спортсмены. Все люди — как на подбор: сильные, хорошо обученные, готовые в любую минуту ринуться на врага. Именно поэтому они все чаще задерживались в вестибюле возле большого стенда с крупным многообещающим заголовком:» «Боевые действия подразделений бригады».

Фотографий и заметок на стенде было немного. Но и они ясно говорили о том, что бригада, несмотря на молодость, действует. Около тысячи наших добровольцев составили сводный заградительный отряд и уже выполняли задания штаба обороны Москвы и Главного инженерного управления Красной Армии. Отрядом командовал начальник инженерной службы бригады майор Шперов — опытный военный специалист и хороший организатор.

Михаил Никифорович Шперов казался нам пожилым, хотя ему было не более тридцати трех лет. Бойцы полюбили [56] его еще в те дни, когда он обучал их на полигоне премудростям военно-инженерного дела. И особым уважением к нему прониклись, узнав о пройденной им «боевой стажировке» в боях на Карельском перешейке и 1939 году. Преподавал он очень понятно, к каждому бойцу относился душевно.

Перед отправкой на фронт Шперов разделил своих питомцев на одиннадцать заградительных групп и каждой определил боевую задачу. Эти группы действовали в районах Можайского, Пятницкого, Варшавского, Калужского, Остаповского, Волоколамского и Ленинградского шоссе, а также у канала Москва — Волга и Химок. Судя по заметке на стенде, боевые задания они выполняли отлично.

Обращала на себя внимание лаконичная заметка «Красноармеец-изобретатель». Младший политрук А. Рожнов писал: «Красноармеец И. И. Ивашин из части тов. Орлова изобрел предохранитель, гарантирующий безопасность при зарядке противотанковых мин. Предохранитель показал блестящие результаты и пущен в массовое производство».

Читая заметки, бойцы завидовали своим товарищам. Увидев меня, сержант Ивлиев кивнул на стенд и хмуро произнес:

— Счастливцы, воюют... А тут...

Я знал Евгения Ивлиева. После окончания института физкультуры он работал в ЦК профсоюза коммунальных предприятий. Когда началась война, райком утвердил его комиссаром батальона народного ополчения Свердловского района столицы. Но ему, человеку богатырского телосложения, стало не по себе: значительную часть ополченцев составляли невоеннообязанные. Не терпелось поехать на фронт. Это привело Ивлиева на стадион «Динамо», а затем он явился в райком в военной форме. Бюро райкома решало не долго: «В связи с уходом на фронт...» Но Ивлиев не ушел на фронт. Началась учеба в бригаде. Его назначили помощником командира пулеметного взвода. Один из расчетов подразделения занимал теперь огневую позицию на тринадцатом этаже Госплана.

— Когда формировали бригаду, обещали направить в тыл врага или на фронт! — жаловался сержант. — А до сих пор сижу на мели!

Я молчал. [57]

— Отряды Медведева, Флегонтова, Галковского и Зуенко уже за линией фронта, — горячо продолжал Ивлиев. — Избранных, что ли, посылают?

Может, потому, что я был врачом, ко мне обращались с «жалобами» и братья-близнецы Калашниковы — Борис и Юрий. Их подразделение по тревоге отправилось на задание, когда они находились в наряде. Но вот подошли еще два брата — Серафим и Георгий Знаменские. У моих однокашников — прославленных бегунов — та же, как и у всех, печаль: почему не посылают на фронт?

Что я мог ответить? Все прекрасно понимали, что насчет «избранных» Евгений не прав. Вряд ли стоило объяснять им. Стало как-то не по себе. Ведь я тоже, как и они, оставался «на мели».

Мне что-то хотелось сказать в утешение, но я не успел. Откуда-то донеслись обрывки команд. Отчетливо послышалось: «...По тревоге!»

Красноармейцы, гремя оружием, побежали строиться.

Когда я влетел во двор Литературного института, там уже стояли автомобили. Наша «санитарка» тоже подкатила к флигелю. Помощники грузили в нее медицинское имущество. [58]

Дороги в Москву закрыты

Под Покровом ухали буруны, И
метель по Ямуге мела... И всегда

обветренным и юным Поручали жаркие дела.

С. Гудзенко

Это был уже настоящий фронт. Правда, не каждый мог бы установить, где он начинался.

Миновав Белорусский вокзал — границу сектора нашего батальона, — колонна автомашин сразу же за мостом нырнула в необычный туннель. Его образовала сетка, натянутая вдоль шоссе на уровне фонарных столбов. Поверх сетки были набросаны ветки и желтые листья. Маскировка казалась немного наивной: в районе Сокола она кончалась. Проезжая под сеткой, мы смотрели по сторонам. Шоссе возле стадиона «Динамо» и Боткинского проезда пересекала железобетонная баррикада с пулеметными амбразурами. В ней оставлены были лишь два проема для пропуска автомашин. Вдоль дороги торчали бетонные колпаки, противотанковые ежи и надолбы.

На развилке, в направлениях к Волоколамску и Ленинграду, кипела работа. Сотни женщин, девушек и подростков копали противотанковый ров, укладывали в штабеля мешки с песком.

После парада на Красной площади в городе стало почти не видно военных. Казалось, мы уезжаем последними. Так, очевидно, думали и работавшие на дороге люди. Они махали нам платками, косынками, шапками и кричали: — Не пропускайте немцев! Последняя надежда — на вас!

Машины шли быстро. Где-то впереди звучала песня:

В бой за красную столицу, москвичи! [59]

Она пришлась очень кстати, хотя Юдичев, Гудзенко и Левитанский сочинили ее задолго до боев за Москву.

В шоферское зеркальце мне хорошо было видно, как женщины машут платками. Хотелось обогнать передних и рвануться к линии, называемой фронтом. Но место санитарной машины — в хвосте колонны. Вся батальонная «медицина» двигалась с ротами. У меня же в кузове, на полу и на подвешенных носилках лежала медико-санитарная утварь: упаковки с перевязочным материалом, ящики о медикаментами, химические грелки, шины и... костыли. Кто-то сунул их в суматохе сборов.

Рядовой Александр Морозов спокойно и уверенно вел машину. Мы с ним уже познакомились и, кажется, остались вполне довольны друг другом. Он быстро ориентировался в обстановке, был смел и находчив.

О противнике мы знали немного — только то, что он под Волоколамском, за Московским морем и где-то в Калининской

области, далеко за Клином. Линия фронта представлялась мне в виде сети траншей и окопов, огороженных колючей проволокой, и огневых точек.

Мы спешили к Клину. Но уже за Солнечногорском темп движения резко снизился. Следом, пытаясь нас обогнать, шли танки и кавалерия. Оседланные лошади стояли в кузовах автомашин седло к седлу. Укрываясь от снега и ветра, к ним прижимались смуглые низкорослые кавалеристы.

А навстречу тащились беженцы с узлами и чемоданами. Потом дорогу заслонил порожняк. Но он только назывался так. В машинах лежали раненые красноармейцы. Вместе с ними сидели дети и женщины. Неожиданно встретилось стадо коров, которых угоняли подальше от фронта. Шоссе стало тесным. То в одном, то в другом месте возникали пробки. Командиры выскакивали из машин и с трудом наводили порядок.

Сутолока на шоссе продолжалась до самого Клина. В городе обстановка оказалась не лучше. На узких улицах полно артиллерии, автомашин и пехоты. Группы красноармейцев отыскивали свои части. На окраинах трудились тысячи людей — копали противотанковые рвы.

Воспользовавшись вынужденной остановкой, я попытался отыскать какой-нибудь госпиталь. Нужно было выяснить, куда направлять раненых. Я знал, что они появятся. [60] Ведь мы ехали к фронту. Но никого, к сожалению, я не нашел и ничего не выяснил.

С наступлением темноты движение на шоссе усилилось. Все больше чувствовалась близость фронта. На юго-западе, вероятно у Волоколамска, зловеще алело зарево. Багровая полоса виднелась и на северо-западе, в районе Московского моря. Машины с затемненными фарами ощупью ползли на северо-запад.

Недалеко от Ямуги колонна повернула вправо и двинулась по заснеженному проселку. Остановились в деревне Борщево, и мне пришлось там долго разыскивать комбата. Темные и тесные избы были переполнены бойцами, отбившимися от своих подразделений.

В одной избе мне довелось стать свидетелем неприятной сцены. Бойцы взвода Слауцкого встретили какого-то человека, назвавшего себя солдатом, вышедшим из окружения. Незнакомцу дали закурить, и тот, жадно затянувшись, процедил сквозь зубы:

— До ручки дошли! Всех... подчистую! Один я выбрался.

Чуть ли не каждое слово он сопровождал отборной бранью.

— Думаю, что вы преувеличили страх окружения, — заметил Валерий Москаленко, тщательно протирая ручной пулемет. — И пожалуйста, говорите без матерщины.

— Попадешь — узнаешь! — огрызнулся рассказчик. — Весь полк... накрылся!

— Целый полк?! Не поверю, — возразил Олег Черний. — Это ты, братец, загнул!

Худое щетинистое лицо «окруженца» потемнело. Резким движением он запахнул шинель, бросил окурок и сплюнул на пол:

— Видал героев! В бою бы вас поглядеть! Фрицы дадут вам прикурку! В общем, война проиграна. — Он снова ядовито ругнулся.

С самого начала у нас в батальоне так повелось, что никто не ругался матом. И может быть, именно злые слова, с какой-то лихостью употребленные «окружением», поразили нас больше сказанного им о войне. В избе стало тихо. Сержант Кругляков придвинулся к «окруженцу» и произнес с расстановкой:

— Ты вот что, как тебя там... покажи документы. [61]

— А ты не начальство мне! — рявкнул незнакомец. — Сходи, постреляй с мое! — и снова выругался.

— Прекрати ругаться и покажи документы! — настойчиво повторил Кругляков. — И панику эту брось. «Окруженец»! Может, ты просто дезертир.

— Но, но! — с этими словами «окруженец» растолкал бойцов и выскочил за дверь. Но уйти ему не удалось.

Из избы я вышел подавленный. Невольно подумалось: «Наверное, вот из-за таких опустошенных «окруженцев» и трещит наш фронт».

* * *

Помощник начальника штаба лейтенант Михаил Мдивани в темноте свободно, словно кошка, ориентировался среди многочисленных воинских подразделений, осадивших деревню. Отыскал наши роты и командиров, установил посты, наметил меры на случай внезапного нападения противника. Он-то и указал мне, где разместился штаб батальона.

Окна в избе были занавешены. Пятилинейная керосиновая лампа тускло освещала крестьянский стол и разостланную на нем карту. Около нее столпились командир батальона, военком, начальник штаба, командиры рот и саперных взводов. Юный радист с румяными щеками, пристроив на скамье походную рацию, настойчиво вызывал:

— «Кама», я «Волга». Как слышите? Прием. Капитан Прудников посмотрел на меня рассеянным взглядом и нетерпеливо спросил радиста:

— Ну что там?

— Связи нет, товарищ комбат...

— Продолжайте искать! — приказал Прудников.

Прикрыв ладонью трубку, радист с завидной настойчивостью забубнил:

— «Кама», я «Волга»! Как слышите? Прием.

Из разговора я понял, что нужно связаться с майором Шперовым, который отправился в штаб 30-й армии. Не было связи и с командиром полка.

Неожиданно распахнулась дверь. Вошли командир полка Иванов, военком Стехов и старший инженер-лейтенант Марченко. Стряхнув у порога снег с валенок, они [62] поздоровались. Усаживаясь за стол, майор Иванов сердито спросил:

— Почему не отзываетесь? Мой радист надрывается, а вы молчите!

Лицо батальонного радиста стало пунцовым. Казалось, он готов был заплакать.

— Слушайте обстановку, — сказал Иванов, погладив свою бритую голову. — Штаб тридцатой найти не удалось. Но мы установили связь со штабом шестнадцатой. Армия держит оборону за Ламой от Харланихи до Городище через Ченцы — Рождественно. Вот... — майор показал по карте. — Сил у армии мало, а один из участков обороняет только что прибывшая дивизия ополченцев. Правый сосед шестнадцатой — тридцатая армия. Стык между ними слабый. Нам приказано укрепить оборону на рубежах Решетниково — Завидово — Конаково и Высоковский — Шестаково... Установить минные поля и лесные завалы. Майор Шперов уточняет схемы полей...

— На наш сводный отряд возлагается, как видите, ответственная задача, — заключил майор Иванов. — Действия батальона по установке минных полей в случае прорыва противника прикроют кавалеристы Доватора. Для этой цели выделено два эскадрона и дивизион средних танков. Взрывчатку и мины доставят на участок работ.

— Действовать придется в сложных условиях, — добавил Стехов. — Это надо разъяснить всем бойцам. И помните: непрерывная связь с майором Шперовым, со штабом шестнадцатой и разведка!

Все снова обернулись к незадачливому радисту. Рядом с ним уже сидел Дмитрий Поляков — радист спецмашины, сопровождавшей командира полка. Он обследовал нашу рацию и заключил:

— Здорова, товарищ военком! Работает как часы.

Стехов задумчиво покачал головой.

— Я тоже так думал. Главное, не теряйте самообладания, — успокоил он батальонного радиста и перевел взгляд на командиров саперных взводов — Авдеева, Ковпака и Бодрова. — У вас тоже положение не из легких. Вы со своими людьми не управитесь. Поэтому для установки взрывателей в мины привлеките подготовленных красноармейцев из батальонов. Командиры подскажут, кто [63] лучше усвоил саперное дело. Помогать друг другу тоже вам не удастся: младший лейтенант Бодров будет работать со вторым батальоном в районе Яхромы.

Майор Иванов еще раз напомнил о необходимости хорошо организовать разведку. Батальоны в данной ситуации могут оказаться и в окружении.

Я счел необходимым рассказать об «окружение».

— Всякое малодушие неприятно, тем более дезертирство, — сказал военком. — Нам они тоже встречались. Здесь есть товарищ Васютин, который занимается ими. В Давыдковке мы из таких одиночек скомплектовали роту, назначили командира и направили в ближайший полк. Они сами остались довольны.

Покидая избу, Иванов сказал Прудникову:

— До получения указаний от Шперова дайте личному составу отдохнуть и проверьте с начальником штаба оборону деревни. А мы еще раз попытаемся установить связь со штабом тридцатой. Кстати, может быть, отыщем полковника Евгения Варфоломеевича Леошеню — он руководит всеми отрядами заграждения.

Старший лейтенант Шестаков, укладывая карту в планшет, неожиданно пошутил:

— Знатный у нас участок! Сплошные Давыдковки и Шестаковки. В честь нас с доктором.

Командиры улыбнулись. Улыбнулся наконец и майор Иванов. Он уже встал из-за стола и застегивал полушубок. Прощаясь, сказал комбату:

— Связь, связь! О связи не забывайте!

Радист Поляков на прощание дружески похлопал по плечу нашего неудачника:

— Не робей, браток, дело пойдет!

Что касается Полякова, то он имел уже достаточный опыт: до войны отслужил действительную радистом на Северном флоте.

Прудников и военком Шаров вышли проводить полковое начальство. За окном послышались голоса и гул моторов. Потом все стихло.

В этой небольшой деревне, переполненной войсками и погруженной во тьму, мне вдруг отчетливо представился смысл огромной работы наших командиров. На Динамовском

стрельбище, вдали от фронта, они учили бойцов [64] тому, что потребуется на войне. Солдаты лежали в узких щелях, и через них, лязгая гусеницами, переползал танк. В него бросали деревянные болванки — «гранаты», бутылки с горючей жидкостью. Под пристальным наблюдением майора Шперова заряжали и устанавливали мины, потом разряжали их. Учились владеть трофейным оружием. Медики, как и все бойцы, старательно изучали военное дело и вместе с тем проходили подготовку по своей специальности.

И вот наступил первый экзамен. Более понятными стали слова, повторявшиеся много раз: «Солдаты должны учиться!» Открылся и глубокий смысл слов нашего «сухого» начальника Василия Григорьевича Сучкова: «Привыкайте действовать самостоятельно!»

Мы нередко роптали, мы стремились на фронт. Мы патетически вопрошали, когда же это случится. Это кипела юность. У нас не было представления о боевых действиях. Не зная истинных замыслов командиров, мы не замечали, что нас обучают многому. Нет, не только умению ходить в строю и не только уставам!

Об этом я думал, пробираясь между орудиями и санями, заставившими тесную улочку деревни Борщево. Я был уверен, что медики экзамен выдержат. Людмила Потанина, Мария Петрушина и Шура Павлюченкова, Аня Соболева и Алексей Молчанов в те дни уже начали действовать в боевой обстановке, не ожидая моих распоряжений.

В избу, где разместился медицинский пункт, я вошел в приподнятом настроении. Помощники постарались: все было готово к приему раненых. Мы обсудили наши задачи, определили объем медицинской помощи, которая от нас потребуется, наметили пункты сбора раненых. После этого сели ужинать. К столу пригласили и хозяина дома.

Он подсел к нам — худой и задумчивый, в потертой телогрейке. К еде не притронулся. Долго смотрел на нас блеклыми старческими глазами и часто вздыхал. Потом заговорил:

— Что-то будет теперь? Немец рядом. Неужто не остановите? И Москва... близко. Кто думал, что так получится!

— Не пустим, отец, немца! — заверила Маша.

— Хорошо б оно так... А сколько народу гибнет! Жалко людей. Вас жалко. [65]

— А вы почему не ушли с семьей? — спросила Шура Павлюченкова.

— Зачем же? Тут — дом. Я и тут помереть могу... — Хозяин

махнул худой жилистой рукой. — Им от меня обуза. Теперь вам пособлю чего: печку вот протопил, соломки втащу. Все польза от старого.

Вошел молодой худощавый лейтенант с чемоданчиком. Сказался летчиком:

— Сбили меня. Третий день ищу своих... Нет ли покурить?

Я угостил его. Лейтенант тонкими, нервными пальцами размял папиросу, вслух прочитал: «Беломорканал». Затянулся и удовлетворенно кивнул:

— Спасибо... К фронту?

Никто не ответил. Странный вопрос! Мы уже на фронте.

Вдруг шофер Морозов спросил:

— Чего же вы в хате своих ищете?

Лейтенант внимательно посмотрел на Морозова:

— Погреться зашел... А летчики сейчас всюду. Против «мессеров» нам не устоять.

Я обозлился.

— С таким настроением фронта не удержишь!

Мои слова не достигли цели. Лейтенант спросил с недоброй ухмылкой:

— А много прибыло вас... удерживать?

— Хватит! И паникеров нет.

И опять я не достиг цели. Словно не замечая моего резкого тона, лейтенант продолжал:

— Зря вы здесь остановились. У Германии отлично работает разведка: как только приходят наши войска, сразу же появляются самолеты...

— Вы что, пугать нас решили? Или у Гитлера агитатором служите? — взорвался я.

В глазах лейтенанта мелькнуло беспокойство:

— Говорю то, что есть... Не буду портить вам настроение, пойду искать своих. Спасибо за папиросу.

Взяв чемоданчик, он вышел.

— Откуда такие гады берутся? — возмутилась Павлюченкова.

— Таких в особый отдел направлять надо, — сердито заключила Петрушина. [66]

И как бы подводя итог этой встречи, престарелый хозяин сказал:

— Не нравится этот парень. Молодой, а глянь — уже надломился!

Морозова мы послали последить за странным летчиком, а сами расположились немного отдохнуть. Дежурная Аня Соболева убавила свет и заслонила лампу какой-то книгой. В избе стало сумрачно и тихо. Тишина воцарилась и на улице. Но не надолго.

Вскоре на улице послышались громкие, возбужденные голоса. Торопливо накинув шинель, я пошел к двери. Навстречу мне перешагнули порог уже знакомый летчик, за ним Васютин с пистолетом в руке, Морозов и несколько бойцов.

Морозов, шедший незаметно за неизвестным, встретил работника особого отдела и рассказал ему о странном госте. Оба пошли по следу и задержали неизвестного летчика. У него под кителем советского лейтенанта оказался немецкий френч.

— Сволочь! — уже позже рассказал мне Васютин. — Сын белоэмигранта. Забросили к нам.

...В ту ночь военком Шаров приказал срочно вызвать к нему политруков и комсоргов.

* * *

На следующий день батальон продолжал путь по замерзшим проселкам вдоль границы Московской и Калининской областей. В небе то и дело появлялись группы «фокке-вульфов», «хейнкелей» и «мессершмиттов». За Московским морем и где-то на юге, за нашей спиной, гудела артиллерийская канонада. На дорогах часто встречались кавалеристы, автомашины, беженцы. Создавались пробки. В эти минуты я, погружаясь в снег, обходил автомашины с бойцами. Видел утомленные лица, покрасневшие веки. Боль за беженцев с узлами, за пылающие дома, за отход наших войск вытеснила все чувства.

Однако фельдшера докладывали:

— Больных нет. Настроение бодрое.

Но самое трудное было впереди. Комбат скомандовал:

— Пешим порядком! Поротно!

Красноармейцы соскочили на снег. Взвод лейтенанта Слауцкого выдвинулся в головной дозор. Старший лейтенант Мальцев и политрук Егорцев повели роту прямо по [67] целине, в обход заторов. За ней пошли роты Подоляка и Дмитриева, саперы, пулеметчики.

Но и на снежной целине, и в лесу встретилось много беженцев и отходивших войск. Санитарная машина с трудом пробиралась за ротами. Морозов каким-то чудом находил, где можно проехать.

К вечеру достигли деревни Шестаково и уже не застали там местных жителей. Встретили батальон ополченцев, спешно копавших траншеи на западной окраине по берегу Лоби. Впереди были еще какие-то группы прикрытия. На севере и на юге усиливался гром артиллерии. На быстро темневшем небе,

казалось, совсем рядом полыхали отблески пожаров.

Ночью вместе с военкомом и начальником штаба мы отправились в подразделения. Часть бойцов ушла в боевое охранение. Оставшиеся в избах не спали, несмотря на усталость. Они были слишком возбуждены тем, что пришлось увидеть за эти дни, и еще не привыкли, как истинные солдаты, использовать для сна любую возможность. В избах, где разместилась рота Мальцева, даже с улицы слышался разговор.

Старший лейтенант Шестаков постучал в одно из окошек:

— Орелики! Поспешите выспаться!

Через стекло на нас глянул заместитель политрука Паперник:

— Будет исполнено! — И тут же добавил шутливо: — Вашей деревни не посрамим!

Шестаков, крякнув, отошел от окна и проворчал:

— Здесь и впрямь моих фамильных деревень хоть пруд пруди.

— И докторских много, Давыдковых, — негромко засмеялся военком. — Не зря, значит, вас сюда! А вот Шаровых — нет.

— Выходит, тебе не по адресу, — усмехнулся начальник штаба.

— Мне всюду по адресу, — серьезно ответил военком и поправил пачку газет, всегда торчавших из кармана его длиннополой шинели. — А вот команд до сих пор никаких нет — это плохо.

Прошли на окраину к ополченцам. Оказалось, она из коммунистического батальона Ленинградского района [68] Москвы. Рабочая молодежь под стать нашим бойцам-добровольцам.

— Значит, вместе будем сражаться? — спросил один из парней и, оставив лопату, посмотрел не на нас, а на зарево за Московским морем. Потом тряхнул головой, словно отгоняя дурные мысли: — Все равно не пустим в Москву! Вот жаль, что войска отходят.

Военком взял у парня лопату и немного покопал землю. Затем сказал:

— Одни отходят, другие идут сюда.

Парень, забрав лопату, вонзил ее в промерзшую землю и, с трудом отваливая ком, спросил:

— А ваши чего не копают?

— Будут еще, — неопределенно ответил Шаров. — А в Москву не пропустим! Вы верно сказали.

— И я надеюсь, — отозвался парень. — Между прочим, я кореша у вас встретил, с нашего часового завода. Паперника знаете?

— Как же! — военком улыбнулся. — Заместитель политрука.

Вот с такими и не пропустим врага к Москве.

В темноте я старался рассмотреть лицо военкома и не видел, а представлял, что оно покрылось зябкими пятнами. Военком плохо переносил даже небольшой мороз. Но голос его, негромкий и мягкий, звучал всегда уверенно и спокойно. Петр Петрович Шаров начал учебу в церковно-приходской школе, которую шутя называл духовной семинарией. Поэтому некоторые бойцы всерьез считали, что он имел сан священника. Когда же комиссар сокращенно называл ее ЦПШ, то они снова недоумевали: как он попал в нее после духовной семинарии. ЦПШ расшифровывалось ими в... Центральную партийную школу. Впрочем, поработав учителем, Петр Петрович действительно впоследствии окончил партийную школу и преподавал политэкономию.

Возле штабной избы застали эмку и мотоцикл. В штабе сидели командир и военком полка. Вынув из полевой сумки карту, Иванов сказал:

— Связь с тридцатой установили. Сегодня армию принял генерал Лелюшенко. Для нас главное вот что: майор Шперов встретился с начальником штаба оперативной группы инженерных заграждений полковником Леошеней. Задачу сводному отряду уточнили. Вашему [69] батальону минировать железную дорогу Ново-Завидово — Конаково.

Иванов и Прудников склонились над картой.

— Участок беспокойный, — продолжал командир полка. — Вы прикрыты только Московским морем. Правда, до Конаково противник не дошел. У Карачарово его сдерживает сто восемьдесят пятая дивизия, которой командует полковник К. Н. Виндушев. Начальник штаба этой дивизии полковник Маслов обещал помочь. Но им самим нелегко! Комбриг был на КП Виндушева: жарковато там. Обеспечьте, товарищ Прудников, тщательную разведку. Продовольствие подвезут к рассвету.

— А еще раньше подвезут взрывчатку и мины, — послышался от двери голос майора Шперова.

Его неожиданный приезд никого не удивил. Мы привыкли к тому, что этот высокий, спокойный майор вездесущ. Трудно понять, как ему удавалось связать воедино действия разбросанного по различным участкам сводного отряда. Подразделения, входившие в состав оперативной группы, действовали почти на всем протяжении правого крыла Западного фронта...

Командиры занялись картой. Стехов подозвал меня.

— А вам ясна задача?

— Следить, чтобы не было обморожений. Мы с сумками будем находиться на участках минирования, здесь останется

только дежурный...

Военком задумчиво посмотрел на мой маузер, на сумку.

— В вопросах медицины, вы сами с усами, тут мне нечего добавлять. Правильно насчет обморожений. Особенно следите за саперами; они работают без перчаток!

— Товарищ военком, плохо с продовольствием, — сказал я. — Бойцы понимают, что фронт. Но они голодны.

Стехов нахмурился:

— Мы только что об этом говорили с Шаровым. Кухня застряла в Ямуге. Я ее подтолкну. — Он обернулся к Шарову: — Слыхали, что говорит молодежь? Нет продовольствия — терпи, это фронт! Для настроения хорошо, а для наших порядков — плохо. Старые солдаты утверждали, что на пустой желудок помирать легче. А мы собираемся жить! Питание бойцов возьмите под личный контроль. Но НЗ пока не расходуйте. [70]

Командиры закончили разговор. Уезжая, Иванов сказал Прудникову:

— В случае нарушения радиосвязи пришлю мотоциклиста. Не зря же их за собой таскаю. Они — что Эдуард, что Хосе Гросс — летают как черти!

А на следующий день, едва забрезжил рассвет, примчался мотоциклист, Рауль Губайдуллин, известный мотокроссмен. Он привез приказ: батальону перейти в Ямугу. Назад, на Ленинградское шоссе, в сторону Клина!

Роты строились быстро. Разочарованные бойцы народного ополчения подходили прощаться.

— Уже снимаетесь?

— Приказ... — смущенно отозвался Паперник, прощаясь с товарищами по заводу.

* * *

Выбравшись на шоссе, мы сразу поняли, что в полосе 30-й армии произошло что-то неладное. Наши догадки вскоре подтвердились. Противник потеснил ее левое крыло. Штаб армии из Завидово переместился сначала в Спас-Заулок, а теперь куда-то в сторону Дмитрова.

Участок дороги Завидово — Спас-Заулок походил на широкую беспокойную реку. Наши войска отступали к Клину.

У переезда через железную дорогу сосредоточился эскадрон конницы. Его командир на сером в яблоках коне подскакал к Прудникову и решительно сказал:

— Немец в Завидово! Давай вместе его атакуем!

Прудников ответил, что батальону приказано срочно прибыть в Ямугу. Эскадронный ругнулся и поскакал к переезду. Оттуда донесся его протяжный голос. Кавалеристы ринулись вперед, развертываясь для атаки.

Вдруг воздух наполнился гулом. Из-за леса вынырнули «мессершмитты», снизились до бреющего полета и с воем пошли над конниками. Рассеяв пулеметным огнем эскадрон, самолеты с черными крестами вернулись к шоссе, обдавая нас длинными очередями.

Батальон залег. Раздался голос комбата:

— Огонь!

Начальник штаба повторил команду:

— По самолетам — залпами огонь!

Первым дал залп взвод лейтенанта Бреусова. Самолеты словно отпрянули от шоссе и направились на север, [71] к полю, на котором еще маячили одинокие всадники. Оттуда донеслась стрельба. К шоссе галопом примчались кони без седоков. Испуганные, они дробно стучали копытами, громко храпели, пронзительно ржали. Один «мессершмитт» повернул назад и со свистом пошел на нас. Москаленко подбежал к дереву, положил «Дегтярева» на сук. Через мгновение пулемет и дерево задрожали от длинной очереди. Самолет, огрызаясь, отвалил от шоссе.

А на переезде опять толчея. Туда после неудачной атаки сбились кавалеристы. Они вываливались из седел и отползали за железнодорожную будку. Над ними, как назойливая оса, кружился «мессер».

Первой к будке подоспела Петрушина и стала накладывать повязки раненым. А самолет пикировал, стрелял из пулеметов... Вскоре Мария израсходовала бинты. И в моей сумке стало пусто.

Только я собрался пойти к лесу и взять из санитарной машины пакеты, как вдруг увидел бегущих к нам Морозова, Потанину, Павлюченкову и Молчанова с санитарными сумками. На бегу они знаками показывали вверх: следите, мол, за самолетом. «Мессер» снова вошел в пике. Нас обдало взрывной волной. Мария втянула голову в плечи, но не выпустила бинта из рук. Послала уходящему самолету обычное ругательство начальника штаба:

— Холера тебя возьми!

Прудников и Шестаков где-то перехватили порожние грузовики. Торопили:

— Скорее, доктор!

Бойцы начали укладывать раненых в кузов первой машины. Паперник и Гудзенко привели под руки смуглого скуластого конника. Он громко стонал и просил подать ему клинок, отброшенный за дорогу. Клинок подали. Их много валялось на переезде. Другие раненые тоже не хотели уезжать без оружия.

Подогнали вторую машину. Быстро погрузили в нее новую партию раненых. Но едва Левитанский с Лебедевым закрепили борта кузова, как Чихладзе притащил еще одного кавалериста. На могучих плечах борца раненый казался мальчиком. Положили и его. И вторая машина уехала.

После самолетного гула, взрывов и пулеметной стрельбы наступила неприятная тишина. Словно промчался смерч, разметав людей. По снегу, волоча поводья, понуро [72] бродили лошади, лишившиеся всадников. У опушки леса я заметил серого в яблоках коня командира эскадрона. Иногда он останавливался и, повернув голову назад, тревожно ржал.

Батальон продолжал марш и к трем часам дня вошел в Ямугу. Я собрал фельдшеров, намереваясь поговорить с ними о нашей санитарной тактике. Петрушина, Павлюченкова, Морозов, Соболева, Потанина и Молчанов проявили отвагу во время налета вражеской авиации. Но следовало ли нам всем сразу кидаться в одно место? При такой «тактике» свои подразделения могут остаться без медицины.

К нам пришли командир и военком батальона.

— Молодцы! Действовали смело и хорошо! — сказал Прудников, пожимая каждому руку.

— С боевым крещением! — поздравил нас военком.

Я хотел сказать, что это действовала стихия, но новый налет вражеской авиации прервал разговор. На село посыпались бомбы. Выполняя команды, бойцы бросились к огородам, в отрытые кем-то до нас щели. Москаленко, пристроив пулемет к срубу колодца, начал стрелять длинными очередями. Взвод лейтенанта Бреусова открыл залповый огонь. Его примеру последовали другие

подразделения. Майор Иванов подавал команды с крыльца штабной избы.

Фашистских летчиков больше всего привлекал деревянный мост на шоссе, который защищал взвод лейтенанта Слауцкого. Командир роты Алексей Мальцев решил перебросить туда взвод Бреусова и сам отправился к мосту. Но вблизи взорвалась бомба. Старшего лейтенанта накрыла густая пыль...

* * *

Как только закончилась бомбежка, меня вызвал командир батальона.

— В каком состоянии санитарная автомашина?

— Не пострадала. Морозов ее заправил.

Комбат взглянул на часы.

— Поедете в Клин, отвезете раненых. Установите связь с госпиталем и решите вопрос о дальнейшем приеме наших раненых. Желательно, чтобы тех, которым не требуется длительное лечение, эвакуировали из госпиталя не в глубокий тыл, а в лазарет бригады. [73]

Раненным в обе ноги оказался заместитель командира первой роты старший лейтенант Михайлов. Тяжелое ранение получил еще один капитан из соседней части. Осколок повредил ему глаз. Уложив обоих в санитарную машину, мы тронулись в путь.

На выезде из села я придержал за рукав Морозова. Возле неглубокой могилы выстроилось каре. Тело старшего лейтенанта Мальцева лежало на расстеленной плащ-палатке. На белом, бескровном лице особенно траурно выделялись густые усы.

— Что там? — слабым голосом спросил лежавший на носилках Михайлов.

— До госпиталя недалеко, — подавив вздох, ответил я, — потерпите немного.

Близ Клина за нашей машиной увязался вражеский истребитель. С небольшой высоты он зло поливал пулеметными очередями. Морозов, негромко ворча, творил невероятное. Зорко следя за самолетом, он временами ехал на предельной скорости, потом резко тормозил и, выждав какой-то миг, снова пускал машину вперед. В те казавшиеся бесконечными минуты мы не перекинулись с Морозовым ни словом.

После одной из таких атак, когда «мессер» дал несколько длинных пулеметных очередей, с носилок послышался голос Михайлова:

— Остановитесь! Ложитесь в канаву! Зачем из-за нас?..

Я обернулся и шире распахнул дверцу, отделявшую кабину от кузова.

— Молчите! Бросьте в благородство играть! Как это «из-за нас»?!

Михайлов умолк. Морозов одобрительно кивнул головой.

Наконец истребитель прекратил атаки. Морозов на ходу открыл дверцу кабины и посмотрел ему вслед:

— Горючего, видать, не хватило. За новой порцией полетел.

Мне стало жалко Михайлова и неловко за свою резкость.

Въехали в Клин. Улицы небольшого городка были запружены войсками. На окраине артиллеристы поспешно оборудовали огневые позиции. Им помогало население. Быстро надвигалась темнота. В небе отчетливо слышался [74] гул: немецкие самолеты летели к Москве. А в Клин вливались все новые группы солдат, многие с повязками. Они шли от Ново-Петровского, с рубежей 16-й армии, и с севера — от 30-й...

Долго искали госпиталь. Наконец узнали, что он разместился в школе. Морозов с завидным упорством прокладывал дорогу.

Затемненный двор школы походил на гараж. Санитарные и грузовые машины стояли борт о борт.

Возле двери человек в сером халате поверх шинели хрипло командовал:

— Кладите здесь! Вестибюль переполнен!

Я спросил, где начальник госпиталя. Врач осветил меня фонариком, задержал взгляд на моих петлицах.

— Начальник на сортировке. Внутри.

Пол нижнего вестибюля заставлен носилками. Врачи и сестры перешагивают через них, склоняются к раненым, осматривают повязки. Начальник, занятый какими-то мыслями, не сразу понял, о чем я его прошу. Затем тяжело вздыхает:

— Коллега! К нам невозможно. Транспорта не хватает, чтобы разгрузиться, а сюда идут и везут. Сами видите!

— Вижу, разумеется, вижу! Но как же быть?

Он подумал, потом произнес:

— Понимаю. Что будешь делать? Давайте ваших сюда.

Стараясь не наступать на носилки, мы с Морозовым уложили раненых возле стены, потеснив немного соседей. Присев на корточки, военврач осмотрел шины и повязки. Ему подсвечивала фонариком девушка в халате. В слабом свете бледно выступало усталое лицо врача с глубоко запавшими глазами. Неожиданно он выпрямился и взял меня за рукав шинели. Из темных провалов пытливо блеснули глаза. Он прошептал:

— Скажите, коллега... Только мне одному, тихонько... Где они? Мне кажется, где-то рядом! Кажется, очень плохо...

— Не знаю... Утром мы были в Завидово.

Я умышленно не сказал о том, что немцы действительно рядом.

— Хорошо, если так, — с облегчением вздохнул военврач. — Может, транспорт добудем. Надо обязательно разгрузиться... [75] А ваших раненых присылайте прямо сюда. Я понимаю. У вас еще труднее.

Мы попрощались, не спросив друг у друга фамилии.

* * *

Затемненные фары почти не светили. Но мы очень спешили в Ямугу. Подтаявший снег снопами брызг вылетал из-под колес. Лишь на мостике, возле могилы Мальцева, Морозов убавил газ и грустно произнес:

— Хороший был командир!

У штабной избы увидели эмку, мотоциклы и спецмашину с радиостанцией. В избе собралось все командование бригады. Меня встретили командир полка Иванов и военком Стехов. Из нашего батальона присутствовал только военком Шаров.

Я доложил о возвращении.

— Наших лучше бы прямо в Москву, — заметил полковник Орлов. — Мы подумаем, как обеспечить. А сейчас... — Он посмотрел на командира полка.

Майор Иванов коротко приказал?

— Догоняйте с Шаровым батальон. Он пошел на Вельмогово.

Возле санитарной автомашины встретили радиста Полякова. Он попросил:

— Скажите вашему радисту, чтобы работал спокойнее. Все время теряю его в эфире.

Усаживаясь в кабину, я посмотрел сквозь ветровое стекло вперед, на север. Там Завидово и чуть левее — Вельмогово. Туда нам ехать. Там гудела канонада и в сгустившихся облаках отсвечивало багровое, размытое зарево.

...Свернув от Завидово, двинулись по проселку и вскоре достигли железной дороги. У насыпи встретили наш патруль — Худолеева и Лебедева.

— А мы вас сразу узнали, — сказал Худолеев.

— Где медпункт?

Худолеев показал куда-то вдоль улицы. Военком покинул машину и, путаясь в длиннополой шинели, пошел к насыпи, а я отправился разыскивать своих помощников. На пути встретил вереницу саней. Бойцы сгружали с них ящики и тяжелые крафт-

мешки. Взрывчатку и мины привезли бойцы из девятой роты капитана Мирковского. Среди них нетрудно было узнать плечистого спортсмена [76] командира отделения Николая Никитина. Игрок сборной хоккейной команды профсоюзов Москвы и директор стадиона электрозавода имени Куйбышева, он вместе со своим секретарем парторганизации лыжником Михаилом Вагановым в первые же дни войны привел в нашу бригаду чуть ли не весь свой спортивный актив. Вместе с ним пришла чемпионка страны по лыжам Любовь Кулакова, боксер Геннадий Репнин, футболист Александр Сергеев. Сильно стиснув мою ладонь, Николай засмеялся:

— Топлива вам подбросили. А от него и в самом деле жарковато было в дороге. Пот прошибал! Не потому, что взрывчатку везли. С дорогами плохо. Спасибо вашему военкому. Мы прем прямо на Ново-Петровское, а тут — Стехов: «Куда? В Ново-Петровском немцы». Сменили маршрут. Через полчаса опять нагоняет Стехов. «Куда? Ведь на минное поле едете!» Удивляюсь, как он поспевает везде?!

Начальник инженерной службы полка старший лейтенант Марченко почти все время покрикивает:

— Запалы! Запалы в сторону! Запалы подальше!

Среди разгружавших мины узнаю своих фельдшеров. Девушки, положив на снег санитарные сумки, таскают ящики.

Павлюченкова, отерев лоб рукавом шинели, показала на новый рубленый дом:

— Под медпункт отвели. А там никого. На двери замок. Хозяева ночуют в лесу, в землянках. Мы оставили на крыльце дежурного Похваленко.

Плохо, что медпункт не развернут, а лишь обозначен! Еще хуже, что... на крыльце. Я подозвал Морозова, и тот, вооружившись ручкой для заводки мотора, легко управился с висячим замком.

В хлеву, куда открывалась дверь из сеней, закудахтали куры. В избе было жарко. С натопленной печки двумя зелеными огоньками на нас уставилась кошка. Морозов принялся изучать хозяйство.

— Люди недавно ушли. На загнетке угли не погасли, — заключил он.

Пришли фельдшера. Плащ-накидками и одеялами замаскировали окна. Засветили керосиновую лампу над столом. Стекло и пламя вздрагивали от орудийных выстрелов. В углу чуть слышно дребезжали до блеска начищенные иконы, покачивалась тлеющая лампадка... [77]

Медпункт мы развернули быстро, и я отправился в роты.

Бойцы Мирковского, оставив батальону взрывчатку и мины, уехали. Ящики и мешки были штабелями уложены вдоль дороги. Теперь наши бойцы готовили взрыватели к минам. В одном из домов за инструктора распоряжались Зевелев и его друг ифлиец Феликс Курлат; в другом — лейтенант Подоляк, политрук Суворов и его заместитель Юдичев.

В подразделении старшего лейтенанта Лазнюка, заменившего Мальцева, занимались таким же опасным делом. Пулеметчики Семен Гудзенко, Валерий Москаленко, Виктор Кувшинников, Василий Ладинский и все отделение сержанта Саховалера только что пришли из разведки. Но и они помогали товарищам.

Саперов не было. Взвод лейтенанта Бодрова находился где-то в районе Яхромы со вторым батальоном. Взвод Ковпака действовал у насыпи, где шла основная работа: установка минного поля. Лейтенант Авдеев находился где-то со взрывным отрядом капитана Манусова... Поэтому-то каждый боец и превратился в сапера. На сотни мин много потребовалось взрывателей.

Саховалер аккуратно уложил готовые взрыватели в шапку-ушанку и коротко сказал своим:

— Пошли!

На улице бойцы взяли из штабелей противотанковые мины и направились цепочкой к полотну железной дороги. Я последовал за ними, захватив четыре пятикилограммовые мины. Сержант шел впереди, нащупывая в темноте тропинку. Опять подморозило, и тропинка заледенела.

На железной дороге бойцы укладывали в котлованы мешки с ВВ, устанавливали противотанковые и противопехотные мины. Перед каждой приседали на корточки саперы. Так в госпитале склонялись над носилками доктора, осматривая повязки. Но у саперов в руках были взрыватели. Бойцы то и дело согревали дыханием пальцы. Невольно вспомнился наказ военкома Стехова: «Следите за саперами: они работают без перчаток».

К дороге несли все новые ящики с взрывателями, взрывчатку и мины. А неподалеку в снегу ежились боевые дозоры. Перед рассветом ко мне подошел Шестаков. Устало улыбнувшись, спросил:

— Воюем, доктор?

Мы прошли немного вдоль минированного участка. [78]

— Около четырех тысяч уже убухали, паря, — сказал начштаба. — Вот так-то, земляк... Теперь надо поставить охрану и «маяки» на проходах. Похоже, к утру наши опять отходить начнут.

Он взглянул на север, на темнеющий выступ леса. Верхушки деревьев четко выступали на фоне красноватого неба. Батальон

предупредили, что в этом лесу находятся части прикрытия — несколько кавэскадронов и танки. Для них-то и были оставлены проходы в минном поле.

— Тесновато будет, когда начнут отходить, — проговорил Шестаков и предложил: — Хочешь, идем со мной? Надо предупредить, а не то — беда.

Мы направились к лесу, прямо по целине, ломая хрупкую снежную корку. Шагах в десяти — пятнадцати от опушки он придержал меня за рукав. Дозорный шепотом начал докладывать, что все в порядке. Шестаков остановил его, сделав знак рукой. Мы прислушались. С опушки донеслись негромкие голоса. Говорили по-немецки. Значит, там уже не было наших кавалеристов и танкистов? И значит, противник, оказавшийся перед нами, наблюдал за установкой минного поля? Чем больше мы прислушивались, тем меньше оставалось сомнений, что в лесу противник. Так мы и не увидели «линии» фронта с окопами и траншеями.

Стараясь ступать как можно тише, мы вернулись назад. Капитан Прудников, выслушав доклад Шестакова, приказал занять оборону за минным полем. Связные побежали в роты. Отправив их, комбат убавил фитиль керосиновой лампы, вызвал радиста и приказал связаться с командиром полка или майором Шперовым. Радист, раскрыв чемоданчик, забубнил в трубку:

— «Кама»! Я «Волга»!

Кухня все еще не приехала. Видно, даже Стехову не удалось ее протолкнуть.

Мы с Шаровым заглянули в медпункт. Там было тепло и уютно. Девушки хитровато поглядывали на стол. На нем лежал какой-то сверток. Павлюченкова открыла тайну: Морозов нашел в сенях большой кусок вареного мяса. Видно, хозяева в спешке забыли его. Вкусный запах искушал голодных людей. А хозяйская кошка с горящими глазами, выгибая спину, настойчиво мяукала. [79]

— Положите обратно, — проглатывая слюну, сказал военком.

Шура отрезала маленький кусочек и бросила кошке, затем аккуратно завернула находку в полотенце и вынесла в сени.

Вернулись к Прудникову. Дальнейшее произошло стремительно. Радист, волнуясь, протянул трубку комбату:

— Командир полка!

Прудников, пользуясь упрощенным кодом, доложил, что в лесу обнаружен противник.

На этот раз рация работала хорошо, даже нам был слышен голос майора:

— Следовать в Ямугу! На проходах оставить охрану и

«маяки», пока не проследуют последние части!

— Перед нами противник! — повторил комбат.

— Вас понял, — отозвался майор Иванов. — Оставьте «маяки» на проходах! Там еще должны быть и наши части! Все!

— Есть! — коротко ответил Прудников и выключил рацию.

Холодное солнце тускло осветило дома. Роты быстро погрузились на автомашины и двинулись к Ленинградскому шоссе. Осталась только наша полуторка: застыл мотор. К избе подошла хозяйка с ребятишками. Увидев раскрытую дверь, всплеснула руками и запричитала:

— Да что же это творится?! Замок своротили!

Морозов слабо оправдывался, прокручивая мотор:

— Холодно было, мамаша...

Девочка-подросток смущенно тянула мать в избу.

На выезде из села нам помахали шапками сержанты Саховалер и Черний. Их отделения оставались для охраны проходов в минном поле.

Возле леса перед Ленинградским шоссе я приоткрыл дверцу кабины и посмотрел назад. Там, где мы ночью слышали немецкую речь, никого не было видно: вражеские танки быстро приближались к Вельмогово вовсе не оттуда, а с запада, со стороны Козлова. Открыв с ходу огонь из орудий и пулеметов, они отсекли от нас отделения Саховалера и Чернего. Справа и слева взметнулись разрывы снарядов.

Лесной дорогой батальон достиг шоссе, запруженное нашими войсками. Над ними висела вражеская авиация. Со стороны Завидово и Терехово по дороге била немецкая [80] артиллерия. На юго-западе — за Клином и в районе Солнечногорска — воздух содрогался от взрывов. Темными, густыми облаками вздымался дым. На мотоциклах и лошадях сновали делегаты связи 30-й армии. Сюда же отходили из Козлова и Городища части 16-й армии, чтобы сомкнуться с 30-й...

— Немцы расширяют прорыв, — сказал раненный в руку танкист, которого я посадил в машину. — Переправились через канал.

Это походило на правду, хотя верить услышанному не хотелось. И, словно отвечая моим горьким мыслям, танкист продолжал:

— Если в Клину не зацепимся — каюк. Солнечногорск не в счет: это, считай, Москва! Обязательно зацепиться надо!

Между тем слева за лесом и в Заболотье и еще ближе к шоссе — в Селевино и Борево все сильнее разгорался бой. И над Борщево, в котором мы ночевали первую ночь на фронте, поднималось зарево.

Прудников приказал оставить машины. Под бомбежкой двигаться на них стало невозможно. Роты пошли по обочине, держась ближе к лесу. А примерно через полчаса на нас неожиданно обрушились немцы. Пули зацокали об асфальт, отщипывали у деревьев кору, срезали ветки. Морозный воздух наполнился автоматным треском и удушливым запахом пороха.

Судя по всему, противник был где-то очень близко, но мы его не видели. Пришлось залечь. Сжав в руке маузер, я посмотрел на лежавших по соседству людей. Лица у них были напряжены и взволнованны. Шестаков и Лазнюк, немного приподнявшись, старались понять, откуда ведется огонь.

Обстрел продолжался несколько минут. Казалось, треск окружал нас со всех сторон. И вдруг впереди я отчетливо увидел фигуру в белом халате. Немец! Он был близко, стоял в полный рост, прислонившись к дереву, и строчил из автомата. Потом показались еще фигуры в белом. Все они вели огонь с упора, положив стволы автоматов на лыжные палки. Наши пока не отвечали. Оглушив нас трескучей пальбой, гитлеровцы заскользили к шоссе. И тогда послышался резкий голос комбата:

— За Родину! По фашистам — огонь!

Стрельба получилась густой, а главное, внезапной и [81] ошеломила противника. Немецкие солдаты, бросив лыжи, поползли назад. Наши бойцы с криком «ура!» ринулись за ними. Лес был очищен от вражеских лыжников.

Вкладывая в колодку маузер, я обнаружил, что обойма пуста. И когда роты снова двинулись вдоль опушки, я поинтересовался, почему комбат долго не подавал команду открыть огонь, а пулеметная рота лейтенанта Грачева совсем не стреляла.

— Все по закону, — объяснил Шестаков. — Комбат правильно сделал: чего впустую палить, если не видишь в кого и не знаешь обстановки. А пулеметы нужны на крайний случай. Врагу сразу не показывай всю свою силу. — Неожиданно он толкнул меня в бок: — Ну а ты, земляк, пережил?

Я смутился.

— Шибко не испугался, а где-то внутри будто дрожало, особенно поначалу. В Завидове под самолетами и утром, когда видел немецкие танки, не замечал этого. А тут заметил.

— Понятно, — сказал Анатолий. — Увидел врага в лицо. Живого.

У Ямуги, в лесу, несколько наших танков расположились в засаде. За мостиком, вблизи могилы Мальцева, установили орудия. «Значит, все-таки зацепились. Готовятся к обороне», — мелькнуло в голове.

К Прудникову на мотоцикле подлетел Хосе Гросс — худой,

черный. Не заглушая мотора, крикнул:

— В Покровку! Без остановок!

Мотоцикл, развернувшись, помчался, лихо лавируя между повозками и орудиями.

Путь в Покровку — через Клин. Войдя в город, мы заметили, что на улицах стало просторнее. Танки и артиллерия передвинулись на окраины, а из подвалов и с чердаков зданий угрожающе торчали стволы пулеметов. Во дворе госпиталя стихло, носилок возле крыльца не было. Начальнику удалось добыть порожняк, разгрузиться и подготовиться к приему новых партий раненых.

В Клину отыскали свои машины и выехали в Покровку. Там узнали, что спустя четверть часа после нашего ухода противник занял Ямугу. Ничего не было известно лишь об отделениях, оставшихся в Вельмогово возле минного поля. Знали только, что их отрезали от нас немецкие танки. [82]

По настроению людей я понял, что хотя они и беспокоятся за судьбу товарищей, но не сомневаются в них. Все оставшиеся в окружении были бойцы что надо: и Виктор Кувшинников, и Василий Лапинский, и сержант Олег Черний, и замполитрука из второго взвода Новиков — один из отважных разведчиков батальона... Такие ребята не пропадут.

...Близ Покровки красноармейцы принялись долбить асфальт, закладывать мины и фугасы. Работали под бомбежками, отбивая наскоки просочившихся автоматчиков противника. Быстро закончили установки минного поля и подготовили для взрыва участок шоссе в районе Починок.

Работа подходила к концу, когда мы получили приказ перейти в Мотовилово. Это уже к югу от Рогачево. В то же время завязывались бои за Солнечногорск. Комбат и начальник штаба вновь и вновь склонялись над картой. Карандашные пометки на ней подходили все ближе к нижнему обрезу, за которым начиналась Москва.

Снова марш-бросок на тридцать пять километров. Мы уже потеряли представление о нормальном темпе движения. Шли по проселкам, по лесу и прямо по снежной целине. В лесной деревне Мотовилово, на которую мы наконец набрели, войсковых частей не оказалось. Появилась возможность обогреться и домах. Неведомо какими путями сюда пробралась долгожданная походная кухня. Поели — и снова минировать.

Прибытие кухни вызвало энтузиазм. По этому поводу старшину Соколова даже подбросили на руках.

Но короткое торжество омрачилось. В избу вошел мальчишка, иззябший, в изодранном ватнике. Точно испуганный зверек, он

прижался к двери, исподлобья оглядывая бойцов. Ему положили в котелок каши, дали хлеба. Он был доволен. Но недавно пережитый ужас все еще держался в его глазах. Спросили, откуда он идет. Куда идет — никто не спрашивал, было ясно: к Москве. Мальчик показал на север:

— С Калининской... Гады они!

— А родители?

— Я один пробирался. Их, немых-то, по всем деревням что тебе тараканов.

В избе стало слышно, как дышат бойцы. И словно громче и ближе стала греметь канонада. Я невольно перевел [83] взгляд на окно, край которого светился от близкого зарева. Гудзенко сказал:

— Уничтожать! Уничтожать тараканов! Мстить!

Бойцы принялись за минирование с еще большим ожесточением. Шоссе в районе деревень Давыдково и Покровки стало участком саперных работ. Закладывались большие фугасы, к которым подтягивался бикфордов шнур. Над ними на время, до взрыва, устанавливались елочки. Вскоре на асфальте выросла длинная цепочка елового «молодняка». Вражеская авиация то и дело налетала, пытаясь спасти дорогу от взрыва, но работа не прекращалась.

Такую же опасную работу выполняли другие подразделения бригады. От военкома мы узнали, что некоторые из них ушли под Тулу — там тоже закрывали дороги на Москву. А на одном из маршей, где-то между Мотовиловым и Яхромой, мы встретили однополчан. Капитан Молчановский и военком Петряков вели свой батальон на новый участок. Бойцы и ротные — Краснов, Озмитель, Горбачев, Придеин — держались по-боевому. Как и наши, они были уже обстреляны и теперь, обмениваясь рукопожатиями, желали друг другу успехов и скорой победы.

Шумная встреча произошла у медиков. Виктор Стрельников неожиданно заключил меня в объятия. Коллега обладал хорошей силой, я это сразу почувствовал. Мы повалились в снег. Подбежали девушки — тоненькая, затянутая ремнями Зина Чернышева, немного взбалмошная однофамилица нашего начальника штаба — Клава Шестакова. Они стали бросать в нас снежками. Сдержанная и строгая Александра Ценина снисходительно улыбалась. Несмотря на сложную обстановку, молодость брала свое.

Отряхивая с шинели снег, я увидел Асена Драганова. Он заметно возмужал. Мне стало неловко за нашу возню: Асен относился ко мне с чувством младшего брата.

— А Вера? — сразу спросил Асен. — Если она в Болгарии, то

завидую. — И тут же поправился: — Завидую счастью сражаться на родине. Но я тоже сражаюсь за родину здесь. Только сделал я очень мало, мне надо вдвойне: за Россию и за Болгарию!

Асен произнес это просто, без рисовки. К сожалению, нам не удалось долго пробыть вместе. И я, кажется, немного разочаровал Асена: сказал, что Вера, по всей видимости, еще не в Болгарии. [84]

А к нашему участку работ все подвозили и подвозили взрывчатку и мины. Боевое охранение, выдвинутое на фланги и в тыл, зорко наблюдало за лесом и воздухом. Впрочем, это не спасало от частых воздушных налетов.

Спустя двое суток батальон, подготовив к взрыву несколько километров Ленинградского шоссе, получил приказ снова перейти в Мотовилово. Чтобы выиграть время, Прудников решил провести бойцов через лес, кратчайшим путем. Мне он приказал везти больных (они все-таки появились!) на санитарной машине другой дорогой. За нами пошли еще три машины с шанцевым инструментом. Колонну замыкала кухня.

Наш путь пролегал через Залесье, Тараканово и по скованной льдом Сестре. В зеркале шофера я видел прыгавшую на ухабах и сильно дымившую кухню. Возможно, дым и привлек внимание «мессершмитта». Когда мы выехали на большую поляну, он ринулся на нас с бреющего полета, прошивая снег пулеметными очередями.

В конце концов вражеский летчик выгнал нас из машины. Мы темными пятнами распластались в снегу. Больным с высокой температурой нельзя было выходить наружу, и мы сильно беспокоились за их судьбу. К счастью, пули не попали в машину. А немецкий летчик, видимо посчитав, что с нами покончено, повернул назад и скрылся за лесом. Морозов, забираясь в кабину, повторил привычную фразу:

— Горючего, видать, не хватило.

В Мотовилово бойцы давно ожидали кухню. Людей одолевал голод, К тому же хотелось отдохнуть. Но сон не шел: кругом гремела артиллерийская канонада, ухали взрывы бомб, в воздухе не утихало урчание самолетов. Может быть, потому и родилась горькая шутка:

— Не пришлось бы мотать из Мотовилово.

Но никто не знал, что шутка близка к истине.

Едва пулеметная рота лейтенанта Грачева выстроилась у кухни, как наблюдатели донесли:

— С севера приближается колонна немецких танков!

Меня это особенно удивило. Всего каких-нибудь двадцать минут назад по этой лесной дороге я проехал со своими

машинами. Танки, очевидно, свернули на проселок с Рогачевского шоссе.

Вернувшийся из разведки лейтенант Бреусов подтвердил: [85]

— Девять танков. А что за ними — установить не удалось. Идут медленно. Видно, опасаются засад или мин.

Все вдруг вспомнили о бутылках с горючей смесью. До этого бойцы были недовольны ими. Болтаясь на поясах, они сковывали движение, мешали спать и закуривать. Бойцы проклинали также тяжелые и неуклюжие ампулометы. Но бутылки давно побились, и куда-то в обоз сдали ампулометы. Кроме гранат, никаких других средств борьбы с танками в батальоне не было. Вооружившись гранатами, Чихладзе, Лягушев, Худолеев и Дешин побежали к лесу. Прудников и Шестаков поставили перед командирами рот боевые задачи. Противник пока не показывался, лишь из лесу доносился однообразный, тягучий и неприятный гул моторов.

Рация опять не работала. Со стороны шоссе, от Колпино, влетел мотоцикл и подкатил к комбату. Мы узнали Эдуарда. Он передал приказ: при появлении противника в бой не вступать, а отходить на Мостки; устраивать лесные завалы, минировать просеки.

— Доложи: будет исполнено... Подходят танки! — прокричал комбат вслед удаляющемуся мотоциклисту. Мы подивились отважной работе наших связных мотоциклистов: Хосе Гросс, Эдуард Соломон, Саша Жмурко, Рауль Губайдуллин и чемпион страны по мотоспорту Юрий Король совершали на своих трескучих «конях» невероятные рейсы по разбитым шоссейным и лесным дорогам, под непрерывным обстрелом врага.

Небольшой населенный пункт Мостки находился рядом с Рогачевским шоссе. Через него шла дорога на Яхрому и на Москву. До столицы оставалось всего несколько населенных пунктов — Некрасовский, Озерецкая, Лобня. Перекрыть дорогу к Мосткам означало преградить путь к Москве!

Автомашин не оказалось. Да они не смогли бы провезти взрывчатку через лес. Бойцы торопливо вытряхивали из вещевых мешков белье и НЗ, а вместо них накладывали взрывчатые вещества. Взяли пилы, лопаты, топоры и поспешили к лесу. Морозов повел санитарную машину с больными в сторону Колпино. Я остался с батальоном.

Роты двигались по снежной целине тремя растянутыми цепочками. Бойцы волокли санки, нагруженные взрывчаткой, [86] не уместившейся в вещевые мешки. Пулеметчики Грачева образовали заслон. Цепочки приблизились уже к опушке, когда из

лесу со стороны Мотовилово выползли танки. Остановились перед деревней. На фоне снега они казались огромными темными глыбами. Шестаков протянул мне бинокль:

— Погляди, земляк!

Расстояние, отделявшее нас от танков, было совсем небольшое. И невооруженным глазом можно было видеть, как откинулся люк передней машины и из него высунулась голова танкиста. Он смотрел в нашу сторону. Я прильнул к биноклю.

Мне показалось, что мы глядим друг другу в глаза.

— Шире шаг! — торопили бойцы впереди идущих.

Но двигаться быстрее мешал глубокий снег.

Неизвестно почему, но танки до времени вели себя миролюбиво. Они медленно, как бы ощупью, проползли по пригорку, затем втянулись в деревню и лишь оттуда открыли огонь из орудий и пулеметов. Однако бойцы уже успели укрыться в лесу. Послышались дробный стук топоров и тонкое позванивание пил. Красноармейцы устраивали завалы. Саперы на ощупь взводили и вставляли в мины капсюли-детонаторы. Детонирующий шнур обрубали на каблуках лопатами, прикрепляли его к капсюлям, зубами прикусывали. Тут уж не до обжимок.

На лес опускались сумерки.

* * *

В Мостках стало тесно. Сюда стекались подразделения и группы, главным образом тыловые, из-под Яхромы и Солнечногорска. Двигались повозки с валенками и продовольствием, порожний и груженый транспорт. В этой сутолоке пробирались на низкорослых лохматых лошадях туркмены кавалеристы.

Около санитарной машины собрались мои помощники. Дома были переполнены, бойцы расположились прямо на улице, на снегу. Требовалось проверить, нет ли заболевших или обмороженных. Еще в пути мы узнали, что больной Парфенов самовольно ушел из санитарной машины в роту. Я доложил об этом военкому, и он приказал:

— Найдите и заставьте лежать в машине!

А лежать в кузове было холодно. Больные зябко ворочались. Химические грелки не помогали. [87]

На рассвете последовал приказ: снова отправиться на Ленинградское шоссе, к заминированному участку. В непрерывном движении, при неустойчивой связи и разноречивых

данных командиры все же улавливали главное, выделяя его из слухов, порой панических, которые возникали среди тыловых частей. С различных направлений приходили наши разведчики, пробивались оставшиеся группы. К рассвету обстановка несколько прояснилась.

Противнику не удалось продвинуться со стороны Ямуги, и войска 30-й и 16-й армий по-прежнему удерживали Клин. Западнее Солнечногорска шли бои. В наших руках оставались Дмитров, Яхрома и далее на север канал Москва — Волга. То, что ночью казалось бегством и катастрофой, по сути, было бестолковым движением тылов и отдельных групп, потерявших связь и ориентировку.

В районе Солнечногорска наша колонна повернула на север, к Клину. От Шестакова (Прудников еще задерживался у командира полка) мне уже было известно о нелегкой задаче, поставленной перед батальоном: если наши войска, не удержав Клин, начнут отход, пропустить их и взорвать шоссе — последнюю магистраль, связывающую фронт со столицей. Тогда после нас уже не окажется никого — только противник.

Наш подвижной госпиталь опустел. Ночью в Мостках я передал больных и раненых Георгию Знаменскому, приезжавшему из Москвы. Санитарный автомобиль теперь не замыкал колонну. За нами шла машина старшины Соколова с четвертинками водки. Ночью ударил мороз. Водка предназначалась для согревания бойцов. Предполагалось, что им долго придется лежать в снегу.

Проехав немного, мы услышали взрыв. Начальник штаба умчался вперед на мотоцикле. Минут через пять двинулись дальше. Впереди пошли саперы.

Морозов, вылезавший уточнить обстановку, усаживаясь за руль, сказал:

— Вконец обнаглели! Мины прямо на шоссе набросали, только чуток притрусили снегом. Двенадцать штук... Круглые, как лепешки. Их лыжники, видать, постарались... А машина сильно побилась.

Поравнявшись с местом взрыва, мы уже не увидели раненых и убитых. Их увезли. Исковерканная, дымящаяся [88] машина лежала в канаве. Поодаль валялись обезвреженные саперами круглые мины.

Над Клином гудела вражеская авиация. Вблизи слышалась орудийная и пулеметная стрельба. Батальон подъехал к селу Давыдково. Еще издали мы увидели целый лес елочек. Каждая из них обозначала фугас, от которого по снегу тянулся шнур к канаве.

Роты разошлись вдоль шоссе по своим местам. Машины

отъехали к лесу. На месте остались только две: моя и Соколова. Соколов выдал старшинам рот консервы, сухари, табак и ящики с четвертинками водки. Неожиданно из леса со стороны Клина начали бить орудия противника. К ним подключились пулеметы. Огонь прижал бойцов к земле.

— Приготовить гранаты! — скомандовал Шестаков, а сам начал пробираться по опушке леса вперед, чтобы выяснить обстановку. Вскоре показались два танка. Стреляя с близкого расстояния, они сбивали елочки на шоссе, сеяли пулеметные очереди над нашими головами.

От Шестакова прибежал связной:

— Лазнюку выделить отделение! Гранаты!

К начальнику штаба, пригибаясь, побежали бойцы Худолеев, Лягушев, Дешин, младший сержант Кругляков. Несколько минут длилось томительное ожидание. Танки продолжали стрелять. Потом я увидел около них маленькие фигурки. Было видно, как они бросали гранаты. Взметнулись снопы взрывов. Может быть, бойцы с непривычки волновались. Машины невредимыми выскочили из черных клубов дыма и, отстреливаясь, скрылись за бугром.

Где-то рядом с нами тоже гремели взрывы. Это минеры Шатов, Матросов и Башкетов «разворачивали» шоссе перед немецкими танками...

Шестаков усилил дозоры, выделил отделения со связками гранат на случай, если у шоссе опять появятся просочившиеся немецкие танки. Красноармейцы лежали в снегу, каждый перед своим фугасом, в готовности по команде поджечь специальными спичками фитили.

* * *

В полдень 22 ноября у Клина стрельба усилилась. Особенно выделялось глухое урчание крупнокалиберных пулеметов. В течение каких-нибудь десяти минут шоссе, [89] поляны и лес захлестнул густой и шумный поток. Массы людей и техники быстро двигались, минуя наших бойцов, распростертых в снегу. Войска отходили к Солнечногорску.

К шестнадцати часам канонада стихла. И как-то сразу опустели дорога и лес. Шли только разрозненные группы бойцов, грязных и утомленных, молчаливых и злых. Многие с повязками. Шестаков и Шаров собирали людей, способных действовать с оружием, формировали из них роту. Таким образом, у батальона прибавилась сила для удержания шоссе до получения приказа

взорвать его.

— В Клину уже немцы, — хмуро сказал какой-то старший лейтенант с петлицами артиллериста. — Наши пошли на Дмитров. Приказа не дождешься, а дорогу все равно не удержите. Лучше возле Солнечногорска встать, заодно со всеми. А тут погибель: ни лощины, ни взгорка. Артиллерии нет.

Шестаков негромко ругнулся:

— Тогда шагай! Не мути!

Ко мне подошли два танкиста. Черные куртки, черные шлемы, черные лица. Только проступали глаза. Они попросили, чтобы я разрешил Морозову подбросить их на санитарной автомашине к Солнечногорску или хотя бы к Покровке. Были в разведке, их танк сожгли. Но я разрешить не мог. Они, сутуля плечи, пошли вдоль кромки леса.

Деревню Давыдково только что ожесточенно пробомбили, и ее охватило пламя пожара. Но приказ взрывать шоссе все еще не поступал.

За лесным выступом раздалась стрельба, и вскоре из-за бугорка выскочила наша тридцатьчетверка. Ее преследовали трассирующие снаряды. Проскочив еще сотню метров, танк остановился. Открылся люк, и на землю спрыгнул танкист. Сделав несколько шагов, упал.

В какие-то минуты человек забывает о своем существовании. Я бросился на помощь танкисту. Кто-то громко крикнул сзади:

— Ложись! Ползи!

Но смысл этих слов в тот момент не дошел до моего сознания. Только прижавшись спиной к холодной броне, я почувствовал опасность. По металлу цокали пули. [90]

В приоткрытом люке показалось окровавленное лицо механика.

— Почему стоите? — спросил я срывающимся голосом.

— Жду командира.

— Он рядом. Не знаю — ранен или убит.

Механик растерянно заморгал глазами. Тогда я бросился к убитому и подтащил его к танку.

— Его надо взять. Не бросайте, — сказал я.

Из верхнего люка выпрыгнул стрелок, и мы с большими усилиями взвалили на танк тело убитого лейтенанта. Стрелок нырнул в люк, и крышка захлопнулась. Мне надо было бежать назад. И тогда я почувствовал, что ноги у меня словно чужие. А пули продолжали хлестать по броне.

— Бегите вперед! Прикрою! — донесся до меня голос механика.

Бронированная глыба вздрогнула. Я бросился что есть силы

по шоссе, в котором заложены тысячи килограммов взрывчатки. В нескольких метрах за спиной громыхал танк. Мозг отчетливо работал. Было не до выстрелов. Только бы не споткнуться и не упасть! Отчаянными прыжками добежал до канавы. Тридцатьчетверка пошла дальше.

Ко мне, пригнувшись, подбежал Шестаков и повалился рядом. Вдогонку ему неслись трассирующие пули.

— Живой, земляк? Думал, под танком ляжешь...

На дорогу выскочил еще один танк. Знаков на камуфляже не разобрать.

— Гранатами! Связками! — скомандовал Шестаков. Но потом крикнул: — Отставить! Свой!

Танк шел стремительно и, поравнявшись с нами, открыл пулеметный огонь. Лежавшие бойцы вобрали головы в плечи. Я с недоумением смотрел на красноармейцев, плотно облепивших моторную площадку.

— Своих не разбирает, холера! — выругался Шестаков.

Потом стало тихо. Все наши прошли. Перед нами был только противник. На взгорке виднелись два немецких танка, но они не стреляли. В напряженной тишине слышался осипший, беспокойный голос радиста:

— «Кама», я «Волга»! Я «Волга»! Войска прошли! Ожидаю приказа! [91]

Радиста не услышали. А в хмуром небе послышался гул.

Из облаков выплыло звено «хеншелей». Справа и слева от шоссе взметнулись султаны разрывов. Танки снова открыли огонь.

— У них, видать, связь работает! — зло сплюнул Шестаков.

Но связь работала и у нас. К нам стремглав летел мотоцикл. Это Хосе.

— Шестаков! Где Шестаков?! Взрывать! — кричал он.

Начальник штаба поднялся:

— Вперед, орелики! К фугасам! За Родину-у!

Наступила тяжелая пауза. Мне казалось, что никто, кроме самого Шестакова, не сможет подняться: кругом рвались бомбы и снаряды, скрежетали пулеметные и автоматные очереди. Но нет! Между фонтанами взрывов выросли фигурки людей. Сгибаясь, побежали к шнурам. Впереди Шестаков и Шаров. За ними Лазнюк и Егорцев, парторг батальона Гудков, лейтенант Слауцкий. Затем их опередили Худолеев, Чихладзе, Кругляков, Юдичев, Лягушев, Дешин. Следом бежали фельдшера Молчанов, Петрушина, Павлюченкова... Увидел на бегу и Володю Утевского. Вместе со всеми он торопился поджечь шнур. Где-то в уголке памяти на миг шевельнулось воспоминание о секретаре парткома Марии

Утевской: она просила меня присматривать за Володей — он такой юный...

Красноармейцы подбегали к шоссе и отскакивали назад. По снегу ползли тонкие струйки дыма. И как-то внезапно десятки взрывов, слившись в один, раскололи воздух. Образовалось густое, черное облако. А люди, не ожидая, когда осядут комья и пыль, бежали к другим фугасам. И новые десятки взрывов сотрясали землю. Самолеты противника, прошивая очередями густую пыль, пытались отогнать батальон от дороги. Но тщетно. Бойцы медленно отходили в сторону Солнечногорска. А вслед за ними раздавались взрывы. В воздух тяжело вздымались куски асфальта и комья земли.

Машина Морозова застряла у лесной опушки. К ней подбирались немецкие автоматчики.

— Отделение! Дай отделение! — дернул я за рукав начальника штаба.

Шестаков, казалось, не слышал меня. Он следил за танками. [92]

— Пошли взвод Бреусова с гранатами! — крикнул он Лазнюку. Потом, взглянув на меня, добавил: — Выдели отделение доктору!

Отделение Круглякова ринулось к танкам, а Кругляков, Худолеев и еще один боец с ручным пулеметом открыли огонь по автоматчикам. Остальные бойцы навалились на кузов «санитарки» и вытолкнули ее на дорогу. Автоматчики были уже близко. Кругляков и Худолеев бросили в них гранаты и крикнули мне:

— В машину! Мы прикроем!

Я вскочил в машину. Морозов погнал ее через рытвины и канавы. Вдогонку летели пули. Несколько снарядов послали и танки. Тогда водитель на ходу открыл мою дверцу:

— Вылезайте! Ползите!

Я не собирался оставлять его одного. Но вдруг почувствовал, что вываливаюсь из кабины и лечу в снег. Морозов меня вытолкнул. Машина рывками пошла вперед. Вслед за ней летели разноцветные огоньки — трассирующие пули. Я пополз по канаве.

Отделение Круглякова вскоре отогнало автоматчиков.

* * *

Возле Покровки роты собрались. Там я отыскал Морозова. Бойцы окружили санитарную машину и считали пробоины. Их было много — маленьких и больших. Один из снарядов

разворотил заднюю дверцу кузова. Другой прошил спинку сиденья и ветровое стекло. Непонятно, как уцелел водитель.

— А вы не хотели уходить, — натянуто улыбаясь, сказал Александр Морозов.

Я крепко пожал ему руку.

— Запомни на всякий случай: двадцать третье число, ноябрь.

Противник где-то остановился. За нами на полтора десятка километров лежало взорванное шоссе. А в воздухе еще висело густое, черное облако пыли.

Батальон двинулся в новый район. Изнуренные солдаты на ходу клали в рот горсточки снега. Позади урчала «санитарка». Покалеченная, она все-таки шла: Морозов кое-как ее подремонтировал. Я шагал рядом с Шестаковым. [93]

Пройдя немного по шоссе, мы увидели большую воронку от авиабомбы и исковерканную санитарную автомашину какой-то части. Вокруг валялись пакеты с ватой, бинты, марля, склянки, порошки. Здесь же лежала убитая девушка с медицинской эмблемой на зеленых петлицах. Неподалеку распластались еще два трупа в черных куртках и шлемах. Танкисты. Несколько часов назад они просили подбросить их к Солнечногорску. Всех похоронили в одной могиле.

И у нас потери. Убит Пантелей Лепешинский, комсомолец, племянник старого большевика, профессионального революционера Пантелеймона Николаевича Лепешинского. Пантелей отстаивал Москву.

Только что мне с большим трудом удалось отправить на попутной машине в госпиталь бойца Володю Алексеева. Его тяжело ранило, а пока Зое Первушиной удалось пробраться, он обморозился. Когда Володю поднимали в кузов машины, я мельком взглянул на маленькую хрупкую Зайку и не без удивления подумал, как она сумела дотащить такого здоровенного парня.

Низко опустив голову, шел Зевелев. Рядом не было его друга Феликса Курлата. Он вернулся к фугасу, который остался невзорванным, и, возможно, погиб.

Возле леса стояли автомашины. На опушке укрывалась танковая засада. Левее, перед открытым полем, построились аэросани — «снежная кавалерия». Впереди обозначилась окраина Солнечногорска, одного из последних опорных пунктов перед столицей...

...Около города создалась пробка. Шоссе и проселок запрудили тягачи и дальнобойная артиллерия.

— Плохо будет, если немцы налетят, — сказал Шестаков, поглядывая на небо. — Скорее бы стемнело!

Подошел Морозов и доложил, что горючее на исходе. Я попросил у Шестакова разрешения съездить в Солнечногорск заправить машину.

Начальник штаба, посмотрев в сторону города, нехотя согласился:

— Давай. Заодно пусть едут и другие шоферы. Ты за старшего. А мы до Мостков пешком. Сейчас пешком быстрее получится.

Машины с трудом протиснулись по городской окраине к станции. Вокруг больших цистерн с бензином собралась толпа людей, приехавших за горючим. Они атаковали [94] цистерны. Туда же побежал с ведром и Морозов. Кто-то в форме железнодорожника с наганом в руке пытался отогнать шоферов от цистерн и кричал, кривя посиневшие губы:

— Поджигаю, немцы в городе! Р-расходись!

На него никто не обращал внимания. Но стрельба действительно слышалась совсем близко.

Стало известно, что в западную часть города ворвались немцы.

Наши расторопные шоферы все же успели заправить баки. Выбравшись за переезд, мы свернули к лесной опушке. Позади уже маячили силуэты вражеских танков. В нашу сторону тянулись разноцветные пулеметные трассы. Но нам, что называется, повезло: уехали благополучно.

Около Мостков нас настиг мотоцикл. У автомашины показался начальник штаба.

— Ты здесь, холера тебя возьми?! А ну, посунься чуток. Эдуард из меня душу вытряхнул!

Негромко охнув, Шестаков забрался в кабину, притиснув меня к Морозову, и крикнул мотоциклисту:

— Гони один! Доложи: в порядке!

Огонь зажженной спички осветил обветренное, щетинистое лицо начальника штаба. Шестаков долго раскуривал короткую трубку, потом усмехнулся:

— А меня, паря, пот до костей прошиб! Табак отсырел — от пота, что ли? Не успел прийти в Мостки, говорят: в Солнечногорске немцы! Ну, думаю, угробил я и людей и машины. А тут еще комбат жару подбавил: зачем отпустил?

Я молчал, искоса поглядывая на силуэт Шестакова, и удивлялся непривычной для него разговорчивости. А он после глубокой затяжки продолжал:

— Как приедем, взгляни на мое колено. Мы с этим чертовым Соломоном на немецкие танки напоролись у переезда. Хорошо, что они наш мотоцикл сперва за свой посчитали. Ну и Эдуард не

промах. Я бы не смог так быстро развернуться. А когда колено сшиб — убей не помню!

Я понял, почему Шестаков возбужден и разговорчив. Он по-человечески рад, что наши машины невредимы и что сам он благополучно ушел прямо-таки из-под носа у немцев. [95]

Шестаков вдруг вытащил из кармана четвертинку и предложил:

— Давай, земляк, по глотку. За нашу везучесть!

И огурчик соленый есть, Мария сунула. Кто ее знает, где добыла такую роскошь.. — Он глотнул из четвертинки и, громко хрустнув огурцом, добавил: — А у нас радость. Ребята наши пробились из Вельмогово!

Да, это было большой радостью. Мы долго не знали о судьбе двух отделений, оставшихся у проходов в минных полях.

К своим мы приехали поздно. Роты располагались за избами, на огородах. Под натянутыми плащ-палатками горели небольшие костры. Бойцы сушили сапоги, грели натруженные, покрасневшие ноги. Пользуясь моментом, Петрушина, Павлюченкова, Молчанов и Соболева осматривали их, густо смазывали пальцы зеленкой и бинтовали потертости. За потертости никого упрекать было нельзя: люди давно потеряли счет пройденным километрам и забыли, когда разувались в последний раз.

Теперь все ощутили и осознали, что такое война. Подвиг солдата — это поединок со смертью, тяжелый труд, непрерывное напряжение.

В минуту затишья особенно почувствовался голод. Солдаты пекли картофель. А возле одного костра кипел самовар, добытый где-то бойцом Андреем Едличко. Тоже варилась картошка.

Вместе с бойцами на снегу сидели военкомы Стехов и Шаров. Они еще не успели стереть с лица копоть, налетевшую при взрывах. Здесь же находились начальник инженерной службы бригады, командир сводного отряда майор Шперов и полковой инженер Марченко. А рядом со своими мотоциклами притулились Юрий Король и Рауль Губайдуллин. Все молча слушали, о чем рассуждают красноармейцы. Словно хотели проверить, все ли ими сделано для того, чтобы превратить зеленых юнцов в боевых солдат.

К костру подошел секретарь партбюро батальона Гудков и, раскрыв полевую сумку, достал семь заявлений: люди хотели воевать коммунистами.

Потом бойцы отделений Саховалера и Чернего рассказали, что с ними произошло, когда они оказались в тылу у противника.

Было так. Со стороны Октябрьской железной дороги [96] подошли пять немецких танков. Обстреляв Вельмогово и ссадив с

брони автоматчиков, они направились к лесу. Наши отделения были отрезаны от шоссе. У одного из проходов в минном поле находился Кувшинников. Саховалер и Черний побежали к нему, чтобы усилить пост. Заместитель политрука Новиков и остальные бойцы, приготовив гранаты, заняли оборону. Соловьев протер оптический прицел «снайперки» и приготовился к встрече с немецкими автоматчиками.

Добежав до поста, Саховалер и Черний залегли рядом с Кувшинниковым. Оттуда увидели сигнал помкомвзвода отходить. Кувшинников, посмотрев на лес, сказал:

— Там еще наши. Без нас они не найдут проходов. И не ушли.

В лесу было тихо. Но на рассвете оттуда выскочил взвод красноармейцев. За ним показались еще две группы. Все они, спасаясь от пулеметного огня, который противник вел из Вельмогово, бежали прямо на минное поле. Кувшинников, Саховалер и Черний встали во весь рост и замахали ушанками, указывая проход.

Красноармейцы, пригибаясь, побежали к проходу. Так пропустили несколько групп. Вскоре появился один боец. Он бежал к минному полю, припадая на ногу и держа винтовку наперевес. Добравшись до поста, свалился на землю я проглотил горстку снега. Пожилой красноармеец был ранен и дышал тяжело, с присвистом.

— Спасибо, хлопцы! — сказал он, вставая. — Сами-то тикайте. За мной никого, кроме немца...

Он медленно заковылял к шоссе, опираясь на винтовку и уже не обращая внимания на выстрелы.

Саховалер, Черний и Кувшинников побежали к отделениям. Немецкие автоматчики, забравшиеся на крыши домов, открыли по ним огонь. Но меткие выстрелы снайпера Соловьева заставили гитлеровцев замолчать.

Замполитрука Новиков облегченно вздохнул.

— Помкомвзвода приказал отойти к шоссе, — сказал он. — А мы знали, что вы сюда вернетесь. С ним только Игошин ушел.

Командование группой принял Саховалер. Пошли через лес, держа курс на северо-восток. В пути к ним присоединились бойцы, отбившиеся от других частей. Создался отряд из пятидесяти человек. Саховалер и Новиков разбили бойцов на два взвода, назначили командиров. [97]

Шоссе уже было перерезано немецкими танками, и лишь в Спас-Заулке встретилась наша артиллерийская батарея. Ее командир назначил наших ребят истребителями танков.

Но на улице стали рваться снаряды, орудия поспешно снялись с позиций. Для группы Саховалера мест на тягачах не

оказалось.

— Ничего не поделаешь, — сказал командир батареи. — Пробивайтесь самостоятельно...

В это время на поле, что находилось близ поселка, выскочил наш эскадрон. Кавалеристы сразу же попали под огонь вражеских танков, укрывшихся у шоссе. Группа сержанта, воспользовавшись суматохой, прорвалась в лес. Решили пробиваться к своим, а вопрос о малодушии помкомвзвода, который увел Игошина, обсудить по прибытии в батальон.

Карты под рукой не было. Шли по компасу. Путь безошибочно прокладывал Валерий Москаленко. Недаром он учился на геолога. Разведкой занимались Новиков и Паперник.

Предельно экономно расходовали то, что оказалось в вещевых мешках. Привалов не делали. На одном из участков шоссе натолкнулись на немецких мотоциклистов. После короткой, но яростной перестрелки оторвались от противника и двинулись дальше.

Наконец показался Клин. Там хозяйничали немцы. Клин обошли. Затем приблизились к Солнечногорску. Вблизи города произошла стычка с вражескими автоматчиками. Наконец вышли к Мосткам...

О своих мытарствах и злоключениях окруженцы рассказывали, как о самом обычном. Они с нетерпением ждали, когда сварится картошка в самоваре.

Узнали мы и еще одну радостную новость: явился Феликс Курлат. Когда роты отходили от шоссе, он, несмотря на обстрел, вернулся к фугасу и взорвал его. Потом долго блуждал, разыскивая своих. Особенно довольны были друзья Курлата Зевелев и Гудзенко. Еще бы: вернулись друзья ифлийцы. И как вернулись — пробились из окружения!

* * *

В Мостках командование бригады получило приказ срочно вернуться в Москву. Столица была под прямой угрозой, [98] и надо было усилить секторы обороны. Наш батальон остался закрывать дорогу.

Роты и отдельные группы бойцов с минами и взрывчаткой разошлись в разные стороны: к Рогачеву, Икше, Яхроме, к каналу Москва — Волга. Вслед за ними, буксуя и надсадно гудя, тяжело поползли машины, груженные тоже минами и взрывчаткой.

Со штабом батальона остались несколько бойцов да я с санитарной машиной. Мы кочевали из деревни в деревню,

оставляя возле каждой из них сотни замаскированных мин.

26 ноября передовые части немецко-фашистских войск форсировали канал Москва — Волга и зацепились за его восточный берег. Но вскоре нам показалось, что наступает перелом. Части 1-й ударной армии Кузнецова, просочившись через проходы в минных полях, отбросили врага. Однако 28 ноября немцы ворвались в Рогачево и почти одновременно заняли Яхрому.

Снова мимо нас потянулись войска на восток, снова перед нами оставался только противник. Отступали а наши подразделения, отбиваясь от автоматчиков, заваливая и минируя последние лесные дороги и просеки.

Примостившись у какого-нибудь дерева, радист включал рацию и устало бубнил:

— Как слышишь? Как слышишь?

Но, видно, никто его уже не слышал. Радиосвязь нарушилась. Распоряжения привозили мотоциклисты.

В последний день ноября батальон получил приказ выйти на Ленинградское шоссе, в район Крюкова. Потом его направили к Сходне. Там было много воинских частей, готовившихся к обороне. В районе Сходни получили новый приказ: прибыть в Москву.

...Уставшие солдаты, закончив установку минного поля в районе Химок, медленно шагали по московским улицам, застланным декабрьским снегом. Шли мимо баррикад и ежей, мимо домов с торчавшими из окон пулеметами. Шли занимать свой сектор обороны. [99]

По следу врага

Я должен видеть теми же глазами...

К. Симонов

Под казарму второму полку отвели большой дом возле Белорусского вокзала. До войны в нем размещалась Высшая пограничная школа. Здание не отапливалось, и в помещениях было холодно. Свободные от нарядов красноармейцы грелись, толкая друг друга. В роте лейтенанта Грачева временами слышалась музыка. Пулеметчики раздобыли где-то патефон с двумя пластинками и заводили его, как только выдавалась свободная минута.

Много красноармейцев теснилось в фойе полкового клуба

возле карты, отображавшей положение на фронтах. На нашем участке, откуда только что пришел батальон, два флажка — красный и белый — были воткнуты рядом. Сходня.

Около карты стоял большой стенд. В его левом верхнем углу бросался в глаза заголовок: «Боевая сводка о действиях подразделений за 3 декабря 1941 года». Но под заголовком осталось пустое место. В ночь на третье мы вернулись в Москву. Зато в правой части стенда пестрели совсем свежие надписи: «Боевой привет отважным фронтовикам!», а ниже — «Берите с них пример!»

Краска еще не просохла, и буквы слегка плыли. В торопливой заметке перечислялись отличившиеся при выполнении заданий, рассказывалось о самоотверженных действиях взрывного отряда, выделенного из состава саперной роты Загородникова. В него входили спортсмены Георгий Мазуров, Евгений и Владимир Щербовы, Константин [100] Башкетов, Юрий Абрамов, Павел Смоленко, Дмитрий Распопов, заслуженный мастер спорта Колчинский... Особенно отличились лейтенанты — саперы Авдеев и Токарев. Упоминалось много бойцов и командиров нашего подразделения. Это была даже не заметка, а простое перечисление фамилий. И все же было приятно. Полк становился сплоченным боевым подразделением.

Вечером, когда мы возвратились в Москву, состоялся митинг. Полк собрался в просторном нетопленом зале. Все пришли в шинелях и с оружием.

Митинг открыл начальник политотдела бригады Лев Александрович Студников. Я видел его впервые, но он показался давно знакомым.

В нем все привлекало, особенно манера держаться и говорить. Его выступление не было речью, оно походило на беседу. Как будто он говорил с каждым бойцом в отдельности. Негромким голосом произносил самые обыкновенные, много раз слышанные слова: «Вы сами знаете», «Не мне вам объяснять»... И казалось, говорили мы сами, а не он. Так он умел выражать свои мысли.

— Не буду объяснять, где сейчас проходит линия фронта, — начал Студников. — Вы только что пришли с последнего рубежа и сами знаете. Столица Родины в большой опасности. Там, на этом последнем рубеже, каждый из вас действовал хорошо. Вы не могли поступить иначе. Вы комсомольцы и коммунисты, вы советские люди! А теперь перед нами самое трудное: не допустить врага на московские улицы. Победу добудете вы, солдаты, которых партия, народ, великая революция призвали на защиту страны социализма...

Бойцы заулыбались, когда Студников назвал их солдатами. В то время бойцы официально так еще не назывались. Но это плотное и емкое слово уже тогда крепко полюбилось и начинало входить в обиход. Может быть, потому, что в те дни особенно часто вспоминали о солдатах Кутузова и Суворова... Солдатами революции были Дзержинский и Фрунзе. Первый солдат революции — В. И. Ленин. И наши бойцы считали себя солдатами революции.

Командир бригады Орлов объявил благодарность отличившимся. Секретарь партбюро полка говорил о личном примере комсомольцев при выполнении заданий, назвал бойцов, принятых в партию. [101]

Митинг прошел торжественно. Все чувствовали серьезность момента. Глаза выражали решимость. Словно каждый хотел сказать: умрем, но добудем победу!

* * *

За наше отсутствие в полковой медицинской службе произошли изменения. Военврач Сучков ушел. Вместо него стал военврач второго ранга Ефимов. Меня неожиданно назначили его заместителем. Появились новые фельдшера — Люба Каштанова, Ирина Берчанская, Татьяна Шебалина и даже зубной врач Александра Нефедова.

Все это озадачивало. Было похоже, что здесь собираются развернуть госпиталь. Медико-санитарная часть, под которую отвели правое крыло первого этажа, чем-то уже напоминала его. Кадровые медсестры Елизавета Евтихова и Александра Бурашникова за одну ночь навели лоск в палатах и кабинетах, а Нефедова установила зубоврачебное кресло.

Мы понимали, что затишье продлится недолго. Обстановка на фронте с каждой минутой становилась все более напряженной. Начальник медико-санитарной службы бригады Ткачук однажды на совещании прямо сказал:

— Ваша работа на фронте — только начало. В самое ближайшее время перед бригадой возникнут более сложные задачи. А поэтому тщательно проверьте здоровье каждого красноармейца и командира.

Военком полка Стехов, советуя сосредоточить всю работу в подразделениях, тоже предупреждал, что скоро начнется боевая горячка.

И вот в ночь на 6 декабря наш батальон подняли по команде «В ружье!». Бойцы быстро погрузились в автомашины и снова

поехали к фронту. Морозов внимательно всматривался в темноту, боясь наскочить на впереди идущий автомобиль.

Миновав развилку дорог на Волоколамск и Химки, остановились где-то не доезжая поворота на Крюково. Дальше пошли пешком. Разведчики 16-й армии вывели нас к минному полю, в котором теперь надо было срочно проделать проходы.

В темноте мы не узнавали покрытые снегом поля и рощи, исхоженные и исползанные несколько дней назад. Слышался рокот немецких танков и автомашин. Где-то совсем близко топали сапогами вражеские патрульные. [102]

Прудников и Шестаков шепотом подавали команды. Проделав проходы в минном поле, роты одна за другой, в обход населенных пунктов, занятых противником, бесшумно двинулись к лесным завалам. Батальон выполнял приказ разминировать и расширить проходы в направлении Федоровки и Ольгово.

Готовилось наступление наших войск. Об этом мы уже знали, но не видели наших частей. Лишь в темноте угадывалось скрытое от глаз густое движение. По многим едва уловимым признакам солдаты безошибочно чувствовали, что готовится наступление.

Еще возле Крюково мы встретили наших однополчан — небольшой лыжный отряд старшего лейтенанта Ключникова. Все бойцы были одеты в масккостюмы и вооружены автоматами. Такое количество автоматического оружия тогда считалось роскошью. Но этого требовала задача, поставленная отряду: внезапным налетом на Крюково с тыла посеять среди гитлеровцев панику и подать сигнал для начала атаки.

К этой атаке готовились бойцы 1073-го полка Панфиловской дивизии, с которыми мы встретились в роще. Пока наши саперы проделывали проходы в минном поле, политрук пулеметной роты Фокин беседовал со своими бойцами. Я прислушивался к негромкому голосу и волновался, словно мне самому предстояло на рассвете пойти в атаку вместе с прославленными гвардейцами.

В ожидании чего-то большого и радостного во мне, кажется, напрягалась каждая жилка. Думаю, что такое же чувство испытывали в то время все бойцы.

...Возле очередного лесного завала бойцы, растянувшись цепочкой, бережно, словно детей, передавали из рук в руки снятые мины. Подошел Прудников и шепотом спросил:

— Где лейтенант?

Ковпак словно вырос перед ним из-под земли. Доложил:

— Извлекли последнюю, товарищ капитан!

— Теперь растаскивайте деревья, — приказал Прудников. — Делайте это как можно тише.

Он собрался еще что-то сказать, но не успел. Неожиданно

земля вздрогнула, небо засветилось, снег в лесу заискрился. Воздух наполнился грохотом. Наши войска начали артиллерийскую подготовку. [103]

— Завал! Быстрее растаскивайте завал! — распорядился комбат.

Лейтенант Ковпак побежал к саперам.

— Ну вот и началось, поздравляю, — сказал мне Прудников. — Теперь, думаю, до Берлина не остановимся!

Я не ответил, потому что к нам приближалась группа лыжников. Узнал лейтенанта Бреусова.

— Товарищ капитан! Идет штурмовой отряд, — доложил Бреусов. — Им надо к Рогачевскому шоссе, на Федоровку.

— Проведите, — коротко приказал комбат. — Да сами не наскочите на мины.

Он достал было карту. Но Бреусов сказал:

— Я тут с закрытыми глазами пройду.

Штурмовой отряд ушел. А небо все еще светилось от полета реактивных снарядов. К их грохоту присоединился гул самолетов. На севере и на западе от нас краснело зарево. Прошел еще штурмовой отряд, затем проскакали конники. А следом за ними через проходы загромыхали танки. Все происходившее казалось сном. Наши войска начали наступление!

* * *

Уже рассвело, когда батальон подошел к Федоровке. Ему предстояло в кратчайший срок восстановить разрушенный мост и пропустить артиллерию. Штурмовой отряд, приведенный Бреусовым, уже выбил немцев из села. Там горели два дома. От огородов к лесу, увязая по пояс в снегу, бежали немецкие солдаты в зеленых шинелях. Отступая, немцы оставили этих смертников поджигать избы. Двое из них упали.

— Проклятые факельщики! — сердито сплюнул сержант Егорцев. — Удирают, а все-таки пакостят!

Красноармейцы где-то достали ведра и начали заливать огонь.

Я прошел улицей. Возле домов стояли тяжелые дизельные автомашины и танки противника, не успевшие развернуться и уйти. Трупы вражеских солдат валялись всюду — в канавах и на дороге, во дворах и на огородах. И это от удара одного нашего штурмового отряда!

В избе-читальне и на почте — полный разгром. Стекла выбиты. Разбросанные по полу книги истоптаны и исколоты

штыками. [104]

— Коллега! Товарищ начальник! Скорее! — услышал я со двора почты неестественно громкий голос врача лазарета А. С. Шалита. — Какие мерзавцы!

За избой на снегу лежали два полуголых трупа. Судя по всему, это были раненые красноармейцы, захваченные фашистами.

— Смотрите, сюда смотрите! — гневно кричал Шалит, показывая многочисленные штыковые уколы.

Должно быть, немцы зверски пытали и замучили этих несчастных. Мы установили, что у погибших вывернуты суставы и раздавлены пальцы. У одного из них на спине звезда, вырезанная ножом или шашкой.

Шаров подозвал бойцов.

— Посмотрите и хорошо запомните, — сказал военком. — Вот что несет фашизм.

Трупы истерзанных красноармейцев похоронили возле дороги. Старшина Соколов отыскал фанерку, вырезал из нее звезду и прикрепил к колышку на могиле. Фамилий погибших установить не удалось. С грустью смотрели бойцы на холмик свежей земли, скрывший неизвестных защитников Родины.

Часам к десяти подошел 2-й батальон и, сменив нас, с ходу приступил к восстановлению моста.

— Это наш законный мост! — шутили однополчане, прощаясь с нами.

И не зря шутили. У моста была необычная история. В ноябре, при отходе наших войск, бойцы Молчановского взорвали его и заминировали подходы. Затем, в конце ноября, когда части 1-й ударной армии начали контрнаступление, они под огнем врага восстановили мост. И опять взорвали, как только армия отошла. Теперь им снова предстояло его восстанавливать.

Прощаясь с Асеном Драгановым, который уже отличился однажды при переправе наших войск, я тоже не удержался от шутки:

— Вторую медаль решил заработать?

— Теперь не получишь, — улыбнулся Асен. — В тот раз работали под обстрелом. Зато теперь уже будем строить на вечные времена.

К мосту уже подходили тягачи с орудиями.

Наш батальон перешел в Семеновку. Там мы увидели взорванную школу. Вблизи валялись сломанные парты, столы и шкафы. Село пустовало. [105]

— Немцы всех без разбора повыгоняли на улицу, — рассказала пожилая колхозница, которой я накладывал повязку

на обмороженные руки. — Кур, поросят, коров и прочую живность в первый же день отобрали. Потом по сараям пальбу открыли. А мы прятались в тех сараях! Некоторым удалось в лесу укрыться. И там померзли. Спаслось нас трое.

Словно по кладбищам проезжали мы. О том, что здесь недавно были села и деревни, можно было догадаться только по колодцам и торчавшим из-под снега печным трубам. Отступая, враг уничтожал все, что мог.

Отход вражеских частей превратился в бегство. Попадая на наши мины, немцы несли большие потери. Перед завалом у Мотовилово мы увидели десятки исковерканных автомашин, орудий и танков. Вокруг валялось множество вражеских трупов.

— Не пропала наша работка! — воскликнул Дешин.

Бойцы принялись огораживать минное поле. Времени на разминирование не хватало.

А вечером к нам в Мотовилово заявился пьяный немецкий унтер. Он выбрался откуда-то из леса, без оружия, видно, продрог до костей и лязгал зубами. Вошел в медпункт, уставился на нас мутными глазами. Мы молча наблюдали за ним. А он, отогревшись, неожиданно гаркнул:

— Рус капут! Москау капут!

— Сведите его в штаб, — приказал я Морозову.

— Видать, ошалелый, — заметил шофер. Потом кивнул унтеру на дверь: — Пошли, господин!

Выходя, унтер обернулся, оскалил желтые зубы:

— Москау капут!

Морозов сердито сплюнул.

Позже мы узнали, что накануне наступления наших войск Гитлер объявил всему миру о взятии Москвы. Должно быть, и этот унтер был уверен в успехе фашистских войск. Но спьяну попал не туда, куда ему хотелось.

Преследуя противника, наши войска захватывали богатые трофеи. Доставались они и нам. Эдуард и Хосе Гросс приезжали каждый раз на новых мотоциклах и весело объясняли:

— Трофейный!

Виктор Кувшинников и Валерий Москаленко, вспоминая, как они выходили из окружения, подтрунивали над Лапинским: [106]

— Вася! А ну погляди: может, на этом мотоцикле ехал немец, которого ты принял за Эдика?

Василий незлобиво огрызался:

— Надо было самим в разведку сходить, а то небось меня послали!

Впрочем, у мотоциклистов работы поубавилось. Дело в том, что наш юный радист научился наконец работать. И приказ о

переходе батальона в Вельмогово комбат получил не через связного, а по радио.

* * *

Миновала всего неделя с тех пор, как через проходы в минных полях, проделанные нашими бойцами, прошли первые штурмовые отряды, а за ними части и соединения. Но мы уже отстали от них на многие километры. Советские войска наступали стремительно. В первый день части 30-й армии продвинулись на двадцать километров. А восьмого декабря они освободили Рогачев и, обойдя Клин, перерезали своим правым крылом шоссе, ведущее к Ленинграду. Приблизившись к Московскому морю, эти части заняли Решетниково и Вельмогово — то самое село, где нас впервые атаковали немецкие танки. Быстрыми темпами наступала и 1-я ударная армия, обошедшая Клин с юга. На западе 16-я и 20-я армии вышли к Истре...

Прудников то и дело отмечал на карте освобожденные населенные пункты.

Полковник Орлов получил от начальника инженерных войск Западного фронта генерала М. П. Воробьева приказ обеспечить продвижение наступающих войск на Волоколамск и в направлении Теряевой Слободы. Таким образом, нам предстояло вновь побывать в тех местах, где мы были в октябре — ноябре, закрывая дороги в Москву.

Село Вельмогово, против ожиданий, пострадало меньше других. Оставляя его, противник бросил почти всю свою технику. В лесу и на дорогах стояло много исправных танков, орудий и автомашин. Особенно много оружия и военного имущества осталось около железнодорожной ветки. Богатые трофеи!

Немало вражеских танков и самоходных орудий подорвалось у завала близ Вельмогово. Пытаясь выбраться из западни, вражеские части ринулись прямо на установленное нашими бойцами минное поле.

— Ну вот, а мы тогда печалились, думали, впустую [107] пошла наша работа, — сказал Шестаков, когда подошли к кладбищу вражеской техники. — Но вообще в тот раз кто-то здорово поднапутал с прикрытием.

Об этом же, видимо, шел разговор и среди бойцов. Жозеф Гречаник показывал, где располагались отрезанные от батальона отделения. Указал дом, с крыши которого немцы стреляли в них из пулемета.

Много домов мы уже успели повидать, но этот я узнал сразу. До нашего отхода в нем располагался медпункт. Во дворе кудахтали куры. На полках от канонады вздрагивали иконы. Вспомнилось ворчание хозяйки: «Замок на двери своротили!» Девочка-подросток смущенно звала ее в избу...

Наш БМП в этот раз располагался ближе к минному полю. А на нем насколько хватает глаз виднелись исковерканные немецкие тягачи, орудия, автомашины и танки. В ту памятную ночь наши бойцы поработали не за страх, а за совесть. Теперь они торопились обезопасить продвижение наших войск. Времени было в обрез, и бойцы лишь эскарпировали и обозначали минированные участки.

Здесь и отыскал меня старшина Соколов. Он был сильно взволнован:

— Товарищ военврач! В нашей избе есть девочка... Девушка... Посмотрите ее!

Вместе с доктором Шалитом мы последовали за старшиной. Он привел нас к избе, в которой когда-то размещался БМП. С печи свисали взъерошенные ребячьи головы. На детских лицах застыл испуг. Бросились в глаза простреленные иконы. Женщина, закутанная в рваный платок, упала на колени, причитая:

— Родные! Спасите дочку!

Старшина приподнял ее и заботливо, словно нянька, усадил на скамью. Потом указал на пеструю занавеску, за которой лежала больная.

Девушка с трудом приоткрыла набрякшие синие веки, сухим языком лизнула запекшиеся губы, но ничего не сказала.

Сквозь обгорелое платье проступало воспаленное тело. Клочки одежды прилипли к кровавым струпьям. Мне показалось, что старый доктор Шалит беззвучно плачет.

Скинув шинели, мы сделали больной укол пантопона и молча начали обработку ожога. На помощь подоспели Мария Петрушина и Шура Павлюченкова. Они где-то [108] раздобыли чистую простыню. Сделали второй укол камфоры и кофеина. Девушка не стонала. Она нисколько не походила на ту, которую мы видели, покидая Вельмогово. Мать перестала плакать. Пока я укладывал в сумку инструменты и шприц, она пытливо заглядывала в мои глаза. Наконец спросила:

— Выживет?

— Ожог тяжелый, — уклончиво ответил я. — Если задержимся здесь, еще придем. Лучше бы ее в больницу... Может, нам удастся отвезти.

Пообещал неуверенно. В Клину мы видели сожженную немцами школу — бывший госпиталь и сгоревшую больницу.

Видели дома, заполненные ранеными бойцами: наступление продолжалось. Да мы, пожалуй, и не довезли бы больную до госпиталя. Уж очень она была плоха. Но мои слова обнадежили мать. Она вышла нас проводить, несвязно бормоча слова благодарности.

В сенях я на миг задержался, посмотрел во двор. Там было пусто. А для больной хорошо было бы приготовить куриный бульон. Хозяйка, наверное, вспомнила, при каких обстоятельствах встретила меня первый раз, заплакала:

— Доктор! Прости меня, глупую! Замок я в тот раз пожалела... Они же, ироды, дочку мою сгубили! Прости меня, бога ради!

Я успокоил ее. Сказал, что старшина принесет продукты.

— Конечно, выделю! — обрадованно подхватил Соколов. — Ребятишек покормите...

Он увел плачущую женщину в избу.

— Не умрет она? — спросила Петрушина.

Я не ответил. Шалит тоже промолчал.

Нас нагнал старшина. Спросил:

— Выживет?

— Отчего такой сильный ожог?

— Это они! Уже перед самым бегством. Глумились сперва. После облили какой-то жидкостью и подожгли. Мать одеялом ее тушила. Она от горя обезумела, мать-то. Теперь убивается, ругает себя за какой-то замок... Фашисты, подлые, что творят!

* * *

Все, что нам приходилось видеть, когда мы проходили по освобожденным селам и деревням Московской области, [109] накаляло ненависть к врагу и утраивало энергию. Теперь бойцы при выполнении заданий проявляли еще больше героизма и отваги.

В Решетникове мы встретили бригадное и полковое командование — Орлова и Максимова, Иванова и Стехова. Здесь же находился командир нашего сводного отряда майор Шперов. Они только что вернулись из штаба 30-й армии, а перед этим побывали в селе Ольгово. Шперов рассказал нам подробности подвига командира саперного взвода младшего лейтенанта Николая Бодрова. Многие из нас тоже были его свидетелями. Но может быть, в спешке или потому, что считали это в порядке вещей, сразу не придали ему значения. И только теперь, после рассказа Михаила Никифоровича, все поняли, что Николай

Бодров совершил настоящий подвиг.

При отходе наших частей в конце ноября 1941 года командование поручило Бодрову заминировать старинное здание ольговской школы. Бойцы поднесли ему несколько сот килограммов взрывчатки и, расположив ее серией фигурных зарядов в подвале, тщательно замаскировали. Заключительную часть работы Бодров произвел один. Он замуровал в фундаменте часовой замыкатель электрической цепи от сухих элементов, установив заводную пружину на определенное время, и завалил дровами подвал с оставленным немцам «подарком».

Однако немцы не долго хозяйничали в Ольгово. Наши войска стремительной атакой выбили их. В старинном особняке разместился госпиталь и штаб крупной части. Но о том, что здание заминировано, ни на минуту не забывал майор Шперов, который ставил задачу Бодрову. Он первым явился в штаб и доложил о смертельной опасности, нависшей над ранеными. Предотвратить катастрофу мог только Бодров: он один знал, где заложен взрыватель и как его обезвредить. На все участки срочно были разосланы мотоциклисты. По своим записям Шперов установил, что до взрыва осталось всего полтора часа.

В штабе и по госпиталю объявили тревогу. Начали спешно выносить раненых, имущество и документы. А когда до взрыва оставалось только двадцать минут, во двор влетел мотоцикл. Бодров, оттолкнув часового, который не пропускал его, нырнул в подвал и запер дверь изнутри. Некогда было вызывать дежурного и объясняться. [110]

Вокруг здания, покинутого людьми, установилась гнетущая тишина. Теперь уже не минутная, а секундная стрелка неумолимо ползла к роковой отметке. Взрыва однако не последовало. А еще через минуту дверь подвала распахнулась и оттуда показался Бодров, бледный, без полушубка, в угольной пыли. В руках он держал ящик с обезвреженным замыкателем...

Нечеловечески тяжелые двадцать минут провел Бодров в подвале! Ему пришлось раскидать дрова, которые сам старательно укладывал, маскируя фундамент с замурованным часовым замыкателем. Когда он отбросил последнее полено, с груди сорвался фонарь. В кромешной темноте он киркой выбивал кирпичи уже по памяти. Наконец появилась ниша! Оставалось нащупать и обрезать провода, но нож остался в кармане полушубка, заваленного дровами. Ощупью просунув руки в проем, Бодров схватил ящик с часовым замыкателем и, упершись коленями в стену, сильно рванул его на себя. На мгновение приник ухом к ящику и замер. Внутри послышалось тихое характерное шипение, заработала боевая пружина: наступало

время взрыва. Бодров открыл ящик и пальцами нащупал металлический мостик. Он медленно двигался к контакту. Еще мгновение — и механизм остановился. Николай Бодров вытер со лба холодный пот...

Надо ли говорить, как все мы гордились подвигом комсомольца Бодрова!

В начале января 1942 года батальон снова отозвали в Москву. В те дни наши войска продолжали наступать и продвинулись до четырехсот километров к западу от столицы. Немецко-фашистским захватчикам был нанесен под Москвой сокрушительный удар. В бригаде тоже подводили итоги боевых действий на полях Подмосковья. Эти итоги обсуждали в подразделениях, на совещаниях, на партийных и комсомольских собраниях. О наиболее отличившихся в боях писала бригадная газета «Победа за нами», рассказывали стенды. Сухой язык цифр говорил о многом. В начале ноября наши подразделения на подступах к Москве установили около двенадцати тысяч противотанковых и более семи тысяч противопехотных мин, заложили сто шестьдесят минных фугасов, подготовили к взрыву двадцать мостов и десятки километров шоссе.

Особенно напряженным был конец ноября и первые дни декабря 1941 года. За это время на участках Спас-Заулок [111] — Малинино и Клин — Солнечногорск было минировано и взорвано более шестидесяти километров Ленинградского шоссе, десятки километров Рогачевского шоссе на участках Новоселки — Хабарово и Федоровка — Ольгово. Тогда же наши бойцы установили минные поля у Решетниково, Вельмогово, Головково, Покровки, Драчево, Шустиково, у озера Сенеж, в полосе реки Лотосни и канала Москва — Волга. Они заложили на этих полях более шестнадцати тысяч мин, до пятисот заградительных фугасов и зарядов замедленного действия. Кроме того, они устроили и минировали около ста пятидесяти лесных завалов, взорвали несколько мостов и наш склад боеприпасов, оставшийся в тылу противника.

В 1943 году «Военно-исторический журнал» напечатал статью, в которой давалась высокая оценка действиям бригады на северных и северо-западных подступах к Москве. Даже сами гитлеровские генералы признавали впоследствии в своих мемуарах, что «минная война» и «сплошные диверсии на дорогах» в значительной степени препятствовали продвижению их танковых групп к советской столице...

По ходатайству командования 16-й и 30-й армий семьдесят пять отличившихся бойцов и командиров бригады были награждены орденами и медалями. Особенно большую радость

солдатам нашего полка доставило сообщение о награждении Прудникова, Шестакова, Шарова, Бреусова, Драганова, Саховалера, Круглякова, Петрушиной, Павлюченковой, Молчанова, водителя санитарной автомашины Морозова и других. Первым орденом Красной Звезды был награжден и я.

В боях под Москвой солдаты бригады успешно выдержали суровый экзамен на боевую зрелость. Они доказали, что вполне готовы к выполнению ответственной задачи — для действий в тылу врага.

Началось формирование отрядов для переброски во вражеский тыл. Принимали только добровольцев. Но у нас нелегко было соблюсти этот принцип. Ведь из таких людей состояла вся бригада. И каждый просил, настаивал, требовал включить его в создаваемый отряд.

* * *

В подразделениях бригады в те дни царило необычное оживление. В казармах, в столовой только и разговоров [112] было о подготовке к заданиям, о вражеском тыле. С особой силой вспыхивали они, когда кто-нибудь из однополчан возвращался оттуда на Большую землю.

Тогда я впервые познакомился с партизанами. Однажды поздно ночью меня вызвали в столовую проверить специально приготовленный для них ужин и распорядиться об оказании помощи, если среди прибывших окажутся больные.

— А где же люди? — спросил я дежурного, который заботливо расставлял на столе миски.

За него отозвался повар:

— Я сам ходил их звать. Какой там, говорят, ужин. Иди и не мешай отсыпаться! А ужин, мол, до завтрака сохрани, все съедим да еще прибавки попросим. Понятное дело — устали. Что ни говори. — из-за линии фронта пришли. У нас тут пока одни разведчики. Отряд где-то по дороге заночевал.

Вскоре, однако, трое из них пришли в столовую. В потемневших армейских полушубках и валенках, обвешанные оружием, они не походили на наших солдат. Особенно выделялся плечистый парень с широким добродушным лицом, в залихватски сдвинутой набекрень ушанке. Весь его вид и манеры были подчеркнуто партизанскими. Говорил он торопливо, с азартом. Окинул веселым взглядом повара в белоснежной куртке, аккуратно расставленную посуду и закатился смехом:

— Вот вы как воюете! Из мисочек едите!

— Хватит балабонить, Бум-бум! — остановил его второй партизан. С сухим и строгим лицом он выглядел старше. Зато третий, худощавый, больше походил на того, которого почему-то называли Бум-бумом. У него было смуглое цыганское лицо, смоляные плутоватые глаза. Из-под шапки выбивался вихор курчавых почти черных волос. Он тоже иронически заметил:

— Так воевать — куда ни шло!

— Вот я и говорю, — энергично работая крепкими челюстями, отозвался Бум-бум. — У фрицев так не покушаешь.

Все трое немножечко рисовались, даже тот, молчаливый, своей угрюмостью. Но мы готовы были простить им эту рисовку. Ведь они пришли оттуда, куда готовились идти мы: из самого логова. И хотя подчеркнуто партизанский вид гостей нарушал строгий военный порядок, установившийся [113] в полку, все же чувствовалось, что они хорошие парни. Они были возбуждены и рады возвращению на Большую землю.

Вскоре я близко познакомился с ними. А затем на долгие месяцы сроднился военной судьбой и был рад, что существуют такие люди.

В ту ночь, разговорившись с партизанами, я узнал, что они из отряда капитана Медведева, который только что вышел из вражеского тыла. Высокого звали Михаилом Ерофеевым. До войны он работал инструктором физкультуры и секретарем комсомольского бюро на бумажно-прядильной фабрике в Губино, близ Орехово-Зуево. Там осталась его жена, учительница, с которой он расписался незадолго до начала войны. Ерофеев служил в армии. В бою под Смоленском он попал в окружение, а на Брянщине встретил отряд Медведева. Михаил волновался: у него родилась дочь. Это случилось еще в сентябре, когда он был за линией фронта. Тамаре пошел четвертый месяц...

Второй, широколицый и добродушный, который часто пересыпал свою речь словечком «бум-бум», оказался Николаем Васильевичем Садовниковым. Он, бывший рабочий, горечь войны отведал с самого первого дня, находясь в армии, а затем... в плену. Правда, в плену, а точнее, в колонне военнопленных он пробыл недолго. Где-то на пути к Рославлю организовал нападение на конвоиров и, отобрав у них оружие, с десятком бойцов скрылся в лесу. В родных Брянских лесах группа влилась в отряд Медведева. Там же на Брянщине партизанила вся семья Николая Васильевича.

Третьим был лейтенант Иван Егорычев, сельский учитель из Улемля, Жиздренского района. Окончив перед войной Киевское пехотное училище, он воевал, попал в окружение. Потом пробрался в родную деревню и, убедившись, что фронт уже

далеко, принялся отыскивать партизан, пока не встретился с медведевскими разведчиками...

— А где сейчас ваш отряд? — спросил повар.

— В Калуге отсыпается, — засмеялся Садовников. — А нам в Москву не терпелось. Упросили Медведева. Нам без еды нельзя: разведка! Хотели разведать, как вы тут кормите, на Большой земле? У нас не всегда получалось с этим, — он кивнул на столы. — Иногда только соберешься поесть — и тут тебе гансы бум-бум устроят. Ну мы, известное [114] дело, даем им ответный бум-бум. Словом, у нас не засидишься за столиком.

Он так и сказал: «У нас». «У нас» — это там, в тылу.

А здесь, на Большой земле, Николай Садовников и его товарищи наслаждались отдыхом и немножечко рисовались. Мы хорошо понимали их. Вернуться к своим — большая радость. [115]

Отряды идут за линию фронта

Мир этот твой — не иди ж обратно... Твой это лес... Это твой овраг...

Э. Багрицкий

Наступление наших войск продолжалось. На центральном участке Западного фронта мы овладели несколькими городами, в том числе Козельском и Калугой...

Однако к середине января общий темп наступления снизился. Видимо, войска устали. Теперь и наши, уже обстрелянные, бойцы иными глазами смотрели на карту с флажками. Они заметили, что фронт 10-й армии, которая освободила Козельск и блокировала Сухиничи, сильно растянулся.

— Наверное, и в немецкой обороне полно дырок, — сказал однажды Олег Черний. — Самое время перебираться во вражеский тыл.

То, что в ближайшее время нам придется выполнять эту задачу, уже не являлось секретом.

По возвращении в Москву мне с помощниками сразу же пришлось заняться осмотром бойцов лазнюковской роты.

Все солдаты заметно возмужали, повзрослели. И все-таки при подходе к моему столу многие волновались. Побаивались, как бы «по здоровью» я не исключил кого-либо из списков формируемого отряда.

Валерий Москаленко давно снял гимнастерку и во время

осмотра стоически переносил холод. Валерий был здоров. Но я все же задал обязательный вопрос:

— Жалобы есть?

— Что вы, что вы!

— Можете одеваться. [116]

Валерий медлил. Я не сдержал улыбки, заметив, как он, высунув голову из ворота гимнастерки, словно студент на экзамене, смотрел то на меня, то на командира роты, пытаясь угадать по лицу, какую ему поставили «отметку». Хитровато сощурившись, старший лейтенант Лазнюк сказал:

— Одевайтесь, пойдете.

К столу шагнул Николай Худолеев.

— Тоже пойдет. Боксер и снайпер, — заключил командир.

Один за другим бойцы подходили к столу — Соловьев, Паперник, Лягушев, Захаров. Против фамилии каждого я писал по-латински «здоров», а старший лейтенант Лазнюк давал свою аттестацию:

— Орел! Можете одеваться.

Дешин был немного бледный, и я задержался с его осмотром.

— Кожа у меня такая... — взмолился боец. — Вы же знаете!

— У него частенько случается так, — подтвердил военфельдшер Молчанов.

— Ну вот, и военфельдшер знает! — обрадовался Евгений.

Лазнюк, сдерживая улыбку, посмотрел на своего военкома Михаила Егорцева.

— Дешин не подкачает, — сказал Михаил. — Он отлично действовал против танков. К тому же туляк. А туляки — народ стойкий.

Молчанов что-то записал в блокнот. Я назначил его в лазнюковскую роту. Петрушину неожиданно для меня перевели в роту Горбачева.

Прудников, Шаров и Шестаков подгадали прийти к осмотру командиров — младшего лейтенанта Слауцкого, лейтенанта Лаврова и старшины Бойченко...

Вечером в казарме зазвучали песни. Потом Гудзенко читал стихи — Маяковского, Багрицкого, Киплинга. Как-то многозначительно прозвучали слова:

Отряд, не внесенный в списки, Ни знамен, ни значков никаких, Разбитый на сотни отрядов, Пролагающих путь для других...

Эти стихи писались, конечно, вовсе не о партизанах. Но они, как говорится, оказались к месту, прозвучали [117] символично. Имена добровольцев, которые пойдут во вражеский тыл, уже были известны. Их заявления лежали в ЦК комсомола, в папке инструктора Гриши Егулашвили... На рассвете роты старшего

лейтенанта Лазнюка и капитана Горбачева отправились к линии фронта. Я успел лишь крепко пожать руку Семену Гудзенко и военфельдшеру Саше Цениной. Соскочив с машины, ко мне подбежал Асен Драганов. Тяжело было прощаться с ним.

— А я где-то в тайниках души еще надеялся попасть в Болгарию, — признался Асен. — Встретите Стеллу Благоеву — передайте большой привет. И Вере тоже. После войны встретимся в свободной Болгарии!

Вскоре я узнал, что из первого полка на задание в тыл противника ушел отряд старшего лейтенанта Бажанова. Да и в нашем полку продолжались сборы. Прудников и Шестаков комплектовали свои отряды.

Стало похоже, что и мне пора собираться вместе с ними. Меня вызвали в штаб бригады. Кроме наших командиров там оказались и незнакомые люди. Беседа длилась недолго. Спросили о настроении, о самочувствии. Я ответил, что врачу жаловаться на здоровье смешно, а настроение — как у всех: готов к любому заданию. И поспешно добавил:

— Имею разряд по лыжам.

— Вот и отлично, — сказал полковник Орлов. — Пока вы свободны.

Я вышел, чувствуя, как хорошо застучало сердце.

Стехова и Шперова в штабе не оказалось. Они выехали на фронт с ротами Лазнюка и Горбачева.

У нас стало заметно тише. Полк отдавал солдат: у птенцов выросли крылья.

Через несколько дней меня вызвали в штаб.

— Вам надо срочно выехать в расположение наших отрядов, — сказал озабоченный майор Иванов. — Ранен военком бригады Максимов. Комбриг приказал доставить его в Москву, если возможно, или в ближайший госпиталь. Смотря по обстановке. Встретите там Стехова или Шперова — решите с ними.

С тяжелым чувством ехал я к фронту, в район Сухиничей, где находились наши отряды. Они почему-то не перешли через линию фронта. Мысль о военкоме не выходила из головы. [118]

Алексей Алексеевич Максимов, как и военком Стехов, был для нас идеалом, воплощением наших представлений о комиссарах времен гражданской войны, о солдатах Дзержинского. Он всегда отличался бодростью и энергией. Просто не верилось, что тот, от кого в трудную минуту каждый мог получить помощь, теперь сам нуждался в ней.

Близ Калуги повстречалась крытая грузовая автомашина. Коренастый военфельдшер в нагольном полушубке выскочил из

кабины и, чуть заикаясь, доложил:

— Военком бригады скончался после операции. Оба тела мне приказано доставить в Москву.

— Оба? Чье же еще?!

— Полковника Третьякова.

Еще один тяжелый удар! Заместитель командира бригады Иван Максимович Третьяков тоже был одним из наших любимцев. Я знал, что он выехал вместе с Максимовым в район Сухиничей, где сражалась 10-я армия генерала Голикова. Они должны были встретить выходивший из вражеского тыла отряд Медведева и договориться со штабом армии о переброске новых подразделений лыжников через линию фронта.

Военфельдшер Евгений Мельников был очень взволнован. Большую часть пути до Москвы он молчал и как-то неохотно, односложно отвечал на мои вопросы.

— Сухиничи блокированы частями десятой армии, — рассказывал, заикаясь, военфельдшер. — А немцы, кажется, готовят прорыв или контрудар. Немецкие самолеты как ошалели: за каждой машиной и даже за одним человеком гоняются!

— А где отряды сейчас?

— Отряд капитана Васина — значит, наш — в селе Попково, западнее Сухиничей, почти в тылу у немцев. Нам приказали любой ценой удержать село.

Лишь когда мы подъезжали к Москве, Мельников наконец рассказал о гибели Максимова и Третьякова. Их сразили на железнодорожном переезде пулеметные очереди «мессершмиттов».

Отряд капитана Медведева после четырех месяцев действий в тылу врага вышел к нашим войскам в районе Людинова. В Москву он вернулся в тот день, когда мы хоронили заместителя командира бригады и военкома.

В лазарет бригады привезли раненого медведевца. Мы с Георгием Знаменским немедленно положили его на операционный [119] стол. Боец был возбужден и держался героем. Говорил с белорусским акцентом:

— Долго тут меня будут держать?

— Как только вылечитесь, — отпустим, — ответил Знаменский.

— Лечите быстрее. Мне недосуг прохлаждаться. Я слышал, Лопатин комплектует отряд. В Крупский район Белоруссии пойдет. А это как раз моя родина! Мне непременно надо поспеть к Лопатину!

Всматриваясь в обветренное лицо раненого, я узнал его. Это был Петр Гаврилович Борисов. Раньше он работал проводником

курьерского поезда, ездил по стране от ее восточной границы до западной. Война застала его в рейсе с востока. Из Москвы поезд в Минск уже не отправили. Вся бригада, в которой состоял Борисов с бригадиром Лопатиным, пошла к военному коменданту с просьбой отправить ее на фронт. И вот тогда в одном из наших подразделений появилась группа людей в железнодорожной форме.

В августе 1941 года Медведев, уходивший за линию фронта, взял Лопатина и Борисова в свой отряд. Теперь товарищи принесли Петра Гавриловича на своих плечах. На его теле было множество ран.

Я не предполагал, что мне трижды еще придется оперировать этого отважного человека. Но тогда уже не будет ни операционного стола, ни лампы и почти не будет хирургических инструментов...

Возле операционной встретили еще партизана. Накинув на плечи халат, он ожидал исхода операции.

— Лейтенант Оборотов, — представился он. — Как наш товарищ?

— Держится молодцом, — ответил я. — С таким настроением он быстро подлечится.

Мы вместе пошли в клуб на встречу медведевцев с однополчанами. И как это нередко бывает, Михаил Оборотов разоткровенничался о своей жизни.

...Восемьдесят лейтенантов, окончивших Ташкентское пехотное военное училище, 14 июня поехали в Вильнюс. В Туле узнали, что началась война. Поезд застрял в Смолевичах. Кое-как добрались до Борисова. Военный комендант не мог связаться с центром и направил лейтенантов в лес, за Березину. Там формировался полк майора Георгошвили. Оборотов получил взвод. [120]

Спустя день начались бои. Полк дрался упорно. Потом был окружен. Из окружения выходили группами. В одной из деревень лейтенанта схватили немцы.

Михаил сбежал из колонны военнопленных и, блуждая по лесу, встретил капитана Медведева.

— Вот и все, — закончил Оборотов. Потом добавил: — У Медведева был пулеметчиком. Брали Хотимск и Жиздру. Ну и все остальное...

Рассказ звучал буднично. Но я помню, каково было наше ликование, когда в одной из сводок Совинформбюро мы прочли, что партизаны отряда М. заняли город Жиздру!

Войдя в клуб, я не сразу узнал Дмитрия Николаевича Медведева. Он не походил на того капитана, какого я видел в

августе прошлого года. Тогда Медведев, беседуя с нами и весело улыбаясь, спрашивал: «Белорусы есть среди вас?»

Теперь он стоял на трибуне, высокий и худощавый, рассказывал о делах отряда. В президиуме сидели военком Кулаков и Николай Королев, боксер, чемпион страны, а теперь партизан с пышной светлорусой бородой. Собравшихся интересовали действия наших людей в тылу врага. О них Дмитрий Николаевич рассказывал много. Да и партизаны охотно делились опытом. Это была полезная учеба для тех, кто готовился перейти линию фронта со специальным заданием.

В конце встречи командир бригады полковник Орлов сообщил о награждении двадцати девяти бойцов и командиров отряда Медведева.

* * *

Поздно ночью меня вызвали в штаб бригады. Садясь в машину, увидел в ней Шестакова и Пегова и сразу догадался в чем дело.

В штабе бригады задержались недолго. Поехали в Наркомат к генералу, которому подчинялось наше соединение.

В приемной уже сидели знакомые медведевцы — Ерофеев, Садовников и Егорычев. Они отдохнули и были более сдержанны, чем тогда, в столовой, во время ночного ужина. Даже Садовников притих. Рядом с ними сидел еще один человек с гладко выбритым интеллигентным лицом, со светлыми и внимательными глазами. Но его одежда и [121] обувь — заношенная ватная телогрейка и большие разбитые валенки — показались мне странными, особенно на фоне дивана и ковровой дорожки, протянувшейся к кабинету. Мы молча рассматривали друг друга. «Может быть, тоже вернулся из тыла», — подумал я. Потом не выдержал и спросил.

— Из тыла, — как-то многозначительно ответил он и невесело усмехнулся.

Это удержало меня от других вопросов.

К генералу приглашали по одному. Позвали и незнакомца. Я узнал, что это — Василий Васильевич Рыкин.

Меня вызвали последним. В кабинете кроме командования бригады и полков был представитель ЦК партии.

Генерал встал из-за стола и, улыбаясь, пошел навстречу. Этого генерала я запомнил с того дня, когда меня и Веру ему представила подполковник Зоя Ивановна Рыбкина. Собственно, его решение и определило нашу судьбу. Генерал часто навещал нашу бригаду, присутствовал на партконференции. Держался он просто, многие его называли даже по имени и отчеству... Он пожал мне руку и сказал:

— Поздравляю с правительственной наградой — орденом Красной Звезды! Как вы себя чувствуете?

Я отчеканил:

— Чувствую себя хорошо. Сам врач.

Сидевшие за столом поощрительно улыбнулись, а генерал окинул меня веселым и откровенным изучающим взглядом.

— Вид у вас действительно боевой! Вы готовы к заданию?

Вопрос показался мне почему-то обидным.

— Я — доброволец. Больше ничего не могу прибавить.

Ответив так, я обозлился сам на себя. А генерал продолжал:

— Другого ответа мы не ожидали. Из врачей вас первого направляем в тыл врага. Помимо работы в своем отряде будете помогать в организации медицинской помощи партизанам и населению. Намерены рекомендовать вас парторгом и назначить заместителем военкома.

— Разрешите вопрос: когда отправляться?

Генерал опять улыбнулся, но тут же снова стал строгим. Покосился на карту, висевшую на стене. [122]

— Сегодня утром. Подробности узнаете у вашего командира товарища Шестакова. Вашим медицинским помощником назначен военфельдшер Мельников. У вас есть еще вопросы?

— Разрешите идти?

Павел Анатольевич подошел почти вплотную и заговорил как-то просто, по-отечески:

— Я думаю, вам следовало бы спросить, надолго ли вы отправляетесь.

— Это не имеет значения, — уже без прежней натянутости ответил я. — Думаю, на столько, на сколько надо.

— Правильно думаете. Но все-таки у вас могут быть вопросы или просьба перед тем, как отправиться на такое серьезное задание.

Только после этих слов я вдруг по-настоящему понял действительный характер задания, его опасность и то, что имеет в виду генерал... Ответил волнуясь:

— Прошу в случае моей... задержки в тылу позаботиться о дочери. Она в детском доме. Я отослал денежный аттестат: половину матери, половину в детдом.

— Хорошо. Оставьте адрес детского дома. Девочку возьмем под свою опеку. Адрес матери тоже оставьте. Но почему вы ничего не говорите о вашей жене? У вас же есть жена!

Я окончательно стушевался.

— Есть конечно. Вступали в бригаду вместе. Потом ее направили куда-то, и я не знаю, где она теперь.

Генерал кивнул и посмотрел на командира бригады. Полковник Орлов доложил:

— Давыдова в радиошколе. В Уфе.

— Ну вот! — генерал развел руками. — Школа через день или два вернется в Москву. Жаль, что повидаться не сможете. Поговорите хотя бы по телефону. Товарищ Орлов, помогите связаться.

— Есть!

Генерал протянул мне руку:

— Желаю успехов и благополучного возвращения. Надеюсь, доверие оправдаете. Не забудьте, что вашему отряду дано

наименование «Славный».

Я вышел вслед за командиром бригады в смежную комнату. Он долго и настойчиво вызывал то «Вымпел», то «Ландыш», потом передал мне телефонную трубку:

— Сейчас позовут. Говорите. [123]

В трубке сквозь треск и шорохи едва слышался чей-то голос. А я кричал:

— Ты это, Вера? Ты? Это я! Ты слышишь меня?

Но мы не слышали друг друга. Шестаков открыл дверь.

— Ну как, наговорился? Едем! Надо собираться.

Мы поехали в полк. В машине кроме меня, Шестакова и Пегова, теперь уже военкома, находились трое медведевцев, начальник штаба будущего отряда старший лейтенант Иван Семенович Медведченко и Василий Васильевич Рыкин — наш начальник разведки.

Москва еще спала. На рассвете сон у людей особенно крепкий. К тому же им не надо укладывать вещевые мешки и вспоминать, нет ли еще каких-то нерешенных вопросов.

* * *

Вестибюль возле медчасти был заставлен лыжами, оружием, вещевыми мешками. Там же грудой лежали новые валенки и пропахшие нафталином армейские полушубки.

Военфельдшер Евгений Мельников, студент-медик и спортсмен-пловец, оказался веселым и расторопным человеком. Он хлопотал возле медицинских упаковок. Медицинского груза набралось порядочно.

— Может, оставим часть, товарищ начальник? — спросил Евгений.

Я кивнул в знак согласия. И без наших упаковок солдатам предстояло поднять на свои плечи большие тяжести. Тут были и взрывчатка, и запасные батареи для рации, и боеприпасы, и семидневный запас продуктов. Генерал обещал сбросить отряду груз, как только мы подготовим базу в тылу противника.

Нас провожали однополчане. Они знали, что и сами рано или поздно пойдут за линию фронта выполнять специальное задание.

С нами отправлялась и Мария Петрушина. Для всех это было неожиданностью. В кабинете генерала о ней не было разговора. Она находилась в отряде Горбачева, который ушел раньше, но в дороге повредила ногу. Лечилась в полковом лазарете и побывала у генерала после того, как мы от него уехали: настояла послать ее вместе с нами. [124]

Девушки одобрили ее настойчивость. Конечно, сказали они, никто не имеет права запретить сражаться за Родину. Они все уже подготовили себя к этому. А маленькая аккуратная Зоя Первушина даже примерила чей-то большой вещевой мешок. Потом предложила:

— Давайте на прощание присядем!

Вошел секретарь партбюро полка Василий Сергеевич Пегов. Он был уже в полном снаряжении и не скрывал радости, что назначен военкомом отряда. Пришел Шестаков. В вестибюле собиралось все больше красноармейцев и командиров. Появились Зевелев, Никольский, Утевский. Вслед за ними Прудников. Я услышал негромкий голос комбата:

— Значит, отправляешься? А я думал, со мной пойдешь: я тоже готовлюсь с отрядом.

— Может быть, встретимся там, — ответил я.

Оглядев собравшихся, увидел Зину Чернышеву и вспомнил, что не успел написать ей рекомендацию в партию. Подошел к ней. Девушка стала очень серьезной. Сказала искренне:

— Вы знаете, я подумала... Но ведь я еще ничего не сделала! А за доверие — большое спасибо!

Девушки и бойцы уже пели. Запевала Зоя Первушина. Чудесная, добрая Зайка! Она смотрела на нас искрящимися от восторга глазами, считая героем едва ли не каждого отъезжающего.

Опережая события, скажу, что Зоя Сергеевна Первушина сама оказалась истинной героиней. Находясь в тылу врага с одним из отрядов, она до последнего патрона прикрывала раненых товарищей и была схвачена гитлеровцами. На допросах она, несмотря на пытки гестаповцев, не проронила ни слова. До нас дошли сведения, что Зоя зверски замучена фашистскими палачами. Ряд газет, в том числе и «Комсомольская правда», поместили ее фотографию, посвятили ей статьи, а в родном городе Иванове установили бюст маленькой героини... Однако судьба оказалась милостивой к юной патриотке: благодаря чистой случайности Зоя осталась живой. Потом она отважно сражалась в одном из партизанских отрядов. Много, очень много испытаний выпало на долю нашей звонкоголосой и милой Зайки... Но у меня еще будет возможность рассказать о ней. [125]

С семнадцатью парашютистами в районе Запорожья героически погибнет большеглазая Аня Соболева. Она пришла к нам вместе с Павлюченковой из Научно-исследовательского института авиатоплива. Там она увлекалась парашютным спортом, а до этого училась в медицинском техникуме. Это и помогло молодой патриотке попасть в бригаду. И уже здесь она

приобрела еще одну очень нужную специальность — стала радисткой.

Исключительную отвагу и смелость проявит в тылу врага нежная и женственная Людмила Потанина, вдохновенный, всеми обожаемый комсорг. В бригаду Мила пришла со второго курса Московского текстильного института. Несмотря на юный возраст и хрупкое телосложение, девушка в институте стала спортсменкой-парашютисткой, окончила вечернюю школу медицинских сестер.

Все наши девушки прекрасно проявили себя в дни боев под Москвой. Но в тыл врага мы уходили одними из первых и потому на каждого из нас они смотрели с таким же восторгом, как Зайка.

В вестибюль вошел новый военком бригады Арчил Семенович Майсурадзе. Его сопровождали Шаров и только что вернувшийся из-под Сухиничей Стехов. Полчаса назад у Стехова побывали Шестаков, Пегов и я, отдали ему свои партбилеты. Сергей Трофимович не говорил громких слов напутствия, а только крепко пожал руки. Захлопнув дверцу сейфа, сказал:

— Расписок не выдаю. Вам все равно негде будет их хранить.

За завтраком в столовой командир полка майор Иванов пожелал нам успехов...

Наконец распрощались. Часовой распахнул ворота. Машины двинулись по улице Горького к Замоскворечью. До Калужской заставы нас провожали командир бригады Орлов, военком Майсурадзе, командир полка Иванов и военком Стехов.

До свидания, родная Москва! До свидания, полк! До свидания, друзья!

* * *

Поздней ночью мы приехали в Козельск и вошли в один из домов. Там еще не спали. На полу, на печи, на скамьях задвигались, поднимаясь, люди. Шестаков пробрался к столу, набил трубку и прикурил от светильника, [126] устроенного из снарядной гильзы. На нас поглядывали с нескрываемым любопытством.

Немногословный от природы, Шестаков долго молчал и наконец, потрясая кисетом, спросил:

— Что же, паря, никто не закурит?

Невоенное обращение и сибирское слово «паря» вызвали оживление. Люди заулыбались, напряженность растаяла. Из затемненного угла послышалось:

— Вагон у нас некурящий: одни спортсмены.

Это были бойцы из отряда капитана Васина.

Пока мы рассматривали друг друга, кто-то скомандовал:

— Шатов! Смени на посту Милка!

Поднялся коренастый боец, тщательно застегнул полушубок, осмотрел винтовку, проверил штык. Потоптавшись возле порога, приложил к ушанке ладонь:

— Разрешите идти?

— Тоже спортсмен? — спросил Шестаков.

— Так точно. Штангист Николай Шатов.

Незримый комментатор в углу добавил:

— Заслуженный мастер спорта. Король мировых рекордов.

— Гляди ты! — добродушно усмехнулся Шестаков.

Бойцы весело засмеялись. В этот момент широко распахнулась дверь и на пороге выросла фигура в маскировочном костюме. Редко приходится видеть такого крупного человека. Это впечатление усиливал маскировочный капюшон.

Пришедший, угадав в Шестакове нового командира, доложил:

— Александр Долгушин. Снайпер.

И опять из угла донесся голос:

— Восьмикратный чемпион СССР на одиночном скифе. Заслуженный мастер спорта.

— Ну и ну, — покачал головой Шестаков и вдруг решил: — Вот что, отдыхать! Утром будем знакомиться.

Утром в штабную избу один за другим входили бойцы. Это был своеобразный парад атлетов. С некоторыми из них я встречался и раньше или знал их фамилии из газет. Бегун из спортивного общества «Медик» Григорий Ермолаев. Стайер, щуплый на вид, но жилистый — заслуженный мастер спорта Моисей Иванькович. Они вместе с братьями Знаменскими выступали на кроссах в Париже. [127] Дискоболы — чемпионы СССР Леонид Митропольский, высокий, с густой шапкой вьющихся волос, и под стать ему — смуглый даргинец Али Исаев. Маленький крепыш, гимнаст и цирковой акробат Михаил Семенов. Затем пловец, чемпион Москвы Кондратий Мадей... Этого я сразу узнал по голосу: ночной «комментатор», острослов и выдумщик.

Эти люди, всего несколько дней назад вышедшие из тяжелых боев, просили командира и военкома зачислить их в новый отряд. Начальник штаба Медведченко, заменивший Васина в последнем бою, каждому из них давал хорошую боевую характеристику.

Мне хотелось увидеть военфельдшера Рождественского. Из Москвы я снаряжал его в отряд капитана Васина. Но начальник штаба сказал:

— Рождественский погиб. В последний раз его видели, когда

отбивали пятую или шестую атаку.

И еще одну группу своих бойцов представил командиру начальник штаба. В основном это были работники милиции — лейтенант Григорий Головин, Митрофан Диваков, Михаил Егоров, Иван Блащук, Михаил Плетнев... Они тоже были как на подбор и по внешнему виду мало в чем уступали спортсменам.

Мы с Мельниковым и Петрушиной приступили к медицинскому осмотру бойцов. Это было необходимо только для формальности. Атлеты снисходительно улыбались. А вечером, чтобы ближе познакомиться с новыми людьми, Шестаков, как это он умел хорошо делать, завязал с ними непринужденную беседу.

* * *

Незадолго до нашего приезда отряды, находившиеся сейчас в Козельске, понесли большие потери. За линию фронта они не успели перейти, а выполняли боевую задачу в полосе 10-й армии. Бойцы рассказали нам о последней тяжелой схватке с противником, которая произошла 23 января 1942 года.

Отряд Васина, насчитывавший семьдесят семь человек, с группой шоферов из 328-й дивизии оборонял Попково. 22 января после гибели полковника Третьякова и военкома Максимова бойцы внезапно атаковали Масловку и захватили «языка». От него узнали, что гитлеровцы готовятся к наступлению. [128]

В тот же день начала активно действовать вражеская авиация. Особенно сильной бомбардировке подверглось Меховое, где располагался штаб 10-й армии. Интенсивный огонь вела и артиллерия противника. Словом, все подтверждало правильность показаний «языка». Поэтому Васин, отправив пленного в штаб, подготовил отряд к отражению вражеских атак. Сам он со взводом и двумя отделениями занял оборону в центре села, а для прикрытия фланга со стороны Брыни поставил два отделения во главе с лейтенантом, известным борцом Григорием Пыльновым. Два взвода и группа шоферов под командованием военкома отряда Утяшева расположились севернее.

Утром 23 января гитлеровцы перешли в наступление. Наши бойцы оборонялись стойко. В самом начале боя Митропольский и Магер подбили гранатами два танка. Метко разило вражескую пехоту отделение Зайпольда.

Однако фашисты, не считаясь с потерями, продолжали нажимать. Их атаки следовали одна за другой.

Во время одной из контратак погиб военком отряда Утяшев. Его заменил парторг Валентин Фролов.

Бойцы стояли насмерть и подбили еще один танк. Но обороняющихся становилось все меньше.

Одному из вражеских танков удалось прорваться в центр села. Ведя огонь на ходу, он устремился к дому, за которым укрывались Васин и Исаев. Разрывом снаряда Васин был убит. Али Исаев, пропустив танк, метнул в него две противотанковые гранаты. Машина окуталась клубами черного дыма.

Два отделения Пыльнова, пытаясь помочь товарищам, ударили по фашистам с фланга. Тогда против них развернулась целая рота вражеской пехоты, поддерживаемая уцелевшим танком. Бойцы залегли, подпустили гитлеровцев на близкое расстояние и стали забрасывать их гранатами. Танк с перебитой гусеницей остановился. Тогда Пыльнов повел своих ребят в рукопашную схватку. Но тут же упал, сраженный пулей. Вслед за ним погибли Гайнанов и Власов.

После смерти Васина и Утяшева боем руководил начальник штаба отряда старший лейтенант Медведченко. Бойцы продолжали мужественно обороняться и отошли только по приказу командира 328-й дивизии полковника Еремина, которому оперативно подчинялся отряд...

С болью в сердце выслушали мы рассказ товарищей. [129]

Наступившую тишину нарушало лишь потрескивание лучины.

— Выходит, паря, пять танков подбили, — сказал Шестаков.

— Точно, — ответил Медведченко, — пять. А убитых гитлеровцев не подсчитывали: не до того было. Но примерно около полутораста человек. Они, черти, пьяные были, лезли в полный рост. Бой длился семь часов.

Я прикинул в уме: на каждого нашего бойца приходилось пятнадцать гитлеровцев, а на каждых пятнадцать лыжников — вражеский танк. И все-таки дальше Попково противник в этот день не продвинулся.

— Молодцы, — похвалил Шестаков. — Ну а в тыл врага идти не раздумали?

— Таких не водится, — за всех ответил Фролов.

На рассвете все разошлись спать. В штабной избе остались Шестаков, военком Пегов и начальник разведки. Склонившись над картой, они тихо обсуждали различные варианты перехода линии фронта.

Шестакову, как и всем нам, понравились люди васинского отряда.

— С такими орлами, — сказал он, — можно смело идти на любое задание.

Вошел начальник штаба и сообщил, что прибыли два

горбачевца. Командира обрадовало это известие: о судьбе роты Горбачева мы пока ничего не знали.

Прибывшие выглядели неважно. Сержант Сергей Константинов, с потемневшим худым лицом, пытался еще бодриться. А низкорослый боец Мартынов смотрел невесело, лицо опухло. Обоих колотил озноб, хотя в избе было жарко.

Я налил им по маленькой чашечке спирту, а Петрушина подала сало и консервы. Подкрепившись, они почувствовали себя бодрее и рассказали о последнем бое.

— Много людей потеряли, — начал сержант. — Вместе с Горбачевым погибло четырнадцать. А военком Николаенко попал фашистам в лапы.

Константинов и Мартынов рассказали, что рота, которая теперь называлась отрядом, вышла из Гульцева в ночь на 23 января. Командир 328-й дивизии поставил Горбачеву боевую задачу блокировать Чваново и Сорочку, не пускать противника на большак, ведущий к Сухиничам. Горбачев послал к Сорочке два отделения под [130] командованием лейтенанта Кривцова, а с остальными бойцами направился к Чванову.

Разведчики выяснили, что немцев в Чванове не больше роты. Однако из Брыни к ним идет подкрепление: около шестидесяти подвод по пяти-шести гитлеровцев на каждой. Командир отряда решил обойти село и атаковать санную колонну на марше. Но она оказалась очень растянутой и не вся попала под обстрел. Бой затянулся.

Под утро и без того сильный противник, получив подкрепление, начал обходить лыжников с флангов. Положение создалось тяжелое. Военфельдшер Александра Ценина едва успевала перевязывать раненых.

Горбачев подал сигнал отходить, а сам с пятнадцатью бойцами остался прикрывать отход главных сил. Там он и погиб.

Николаенко и несколько бойцов отстреливались из автоматов на другом фланге. Под покровом темноты группа немцев подкралась к военкому сзади и захватила его в плен.

— Мало кому удалось уйти, — сказал в заключение сержант.

Тяжело было слушать его рассказ. Стало нестерпимо жалко Карпа Ивановича Николаенко, Никиту Семеновича Горбачева и остальных товарищей. Помню, когда мы еще находились в Москве, капитан Горбачев не раз мечтательно говорил:

— Эх, послали бы меня партизанить на Брянщину, например в наш Жуковский район...

В отряде Горбачева находился и Драганов. Я давно не получал от него вестей и беспокоился.

— А что с Асеном? — спросил я.

— Знаю, что его ранило, — ответил Мартынов, — а где он сейчас — не знаю! Поищите в госпитале.

Мне разрешили съездить в госпиталь. Не дожидаясь утра, я выехал. Наших раненых еще не успели эвакуировать, и я застал там Чихладзе, Драганова, Круглякова, Гудзенко, старшину Пяткова и многих других товарищей. Борец-тяжеловес Чихладзе, поддерживая здоровой рукой забинтованное предплечье, как всегда, запальчиво заговорил:

— Понимаете, доктор, кровь из меня, как из кабана текла. Спасибо фельдшеру — не растерялся... Не думал, [131] что в одном человеке столько крови! А сколько же крови пролил отряд? За Родину. Понимаете?

— Где фельдшер? — спросил я.

Лицо Чихладзе потемнело.

— Фельдшер Алеша Молчанов погиб... Геройски погиб.

Асен Драганов несказанно обрадовался встрече со мной. Поговорили о родных и знакомых. С гордостью он рассказывал, как сражались товарищи.

— Вы все герои, — сказал я, прощаясь. — Но как же сплоховал ваш военком?! Теперь фашисты, наверное, мучают его.

— Он с нами, — воскликнул Асен. — Лежит в соседней палате. Обморозил руки и ноги. Вот кто настоящий герой! Когда его вели в Брынь, он вырвал у конвоира автомат, дал по фашистам очередь и убежал. Потом долго блуждал в лесу, обморозился: немцы сняли с него полушубок и валенки... Состояние у него тяжелое... Хотели зайти к нему, но врачи нас выпроводили.

Семен Гудзенко страдал терпеливо и мужественно. Он сказал мне:

— Одно прошу: не старайтесь меня ободрить, от этого только хуже. Знаю, что ранения в живот обычно смертельны. У меня хватит силы умереть с сознанием выполненного долга перед партией и товарищами.

Это были слова настоящего зрелого бойца. И может быть, поэтому наши глаза остались сухими. Только неприятный комок подступил к горлу.

Семен был ранен уже после гибели отряда Лазнюка, в разведке. Как это произошло — он не рассказывал. Лишь вспоминал и жалел погибших в бою друзей.

— Три дня — и нет такого отряда, — сокрушался он.

К счастью, в тот раз предчувствие обмануло поэта-бойца: он поправился.

В соседней палате, где лежал укутанный бинтами Николаенко, я неожиданно встретил лейтенанта государственной

безопасности Ф. П. Васютина. Он улыбнулся:

— Знаю, о чем вы подумали: «Особист за работой» — так, что ли? А я приехал навестить приятеля. Мы с Карпом давние друзья — учились, а потом и служили вместе... Да вот не сберег его.

Лицо лейтенанта страдальчески искривилось, хотя он старался держаться бодрее в присутствии своего друга [132] военкома. Попрощавшись с Николаенко, мы вышли на улицу.

— Сразу трех отрядов не стало, — с горечью сказал лейтенант. — А о бажановцах еще ничего не известно.

Васютин рассказал, что произошло с отрядами, когда они прибыли в район Сухиничей.

...Майора Шперова, военкома Стехова, работника политотдела бригады Воробьева и капитана Старосветова срочно отозвали в Москву. Начальнику разведки Васютину и командирам отрядов надо было прежде всего договориться со штабом армии о времени и месте перехода через линию фронта. Поскольку вражеские самолеты постоянно обстреливали дорогу, гонялись буквально за каждым человеком, Васютин решил отправиться в Меховое один, на лыжах. Но там лейтенант застал только начальника разведотдела полковника Колесова. Штаб перебрался в Охотное.

Полковник посоветовал переходить в тыл врага самостоятельно — мелкими группами. Сказал, что помочь не в состоянии, а почему — не объяснил. Узнав об этом, командиры трех отрядов решили вести бойцов в Охотное и обязательно встретиться с командармом. Баженов с ними не согласился и ночью увел своих бойцов на Думиничи. С тех пор от него не получали вестей.

Три отряда, обойдя Сухиничи, через сутки достигли Охотного. Ф. И. Голиков пригласил командиров к себе. Изба была нетоплена, и генерал сидел в шубе. Вместе с ним находились член Военного совета армии бригадный комиссар Николаев, начальник штаба генерал-майор Любарский, бригадный комиссар Вяземский и начальник разведотдела Колесов, успевший каким-то образом опередить отряды.

Командарм развернул карту и, не в пример Колесову, подробно и откровенно объяснил обстановку. Противник прорвал фронт на участке Думиничи — Брынь, намереваясь соединиться со своей группировкой, обороняющей город. Армия оказалась в трудном положении, фронт ее сильно растянулся.

Оказалось, что Ф. И. Голиков уже согласовал с Москвой свое решение задержать переход отрядов через линию фронта и использовать их в районе Сухиничей. Васин получил задачу

оборонять Попково. Лыжные отряды [133] Лазнюка и Горбачева направили в распоряжение командира 328-й дивизии.

* * *

Об отряде Лазнюка мне рассказали командир 328-й дивизии полковник П. А. Еремин и оставшиеся в живых однополчане.

...Лазнюковцы прибыли в село Гульцево через несколько часов после того, как противник занял Кишеевку. Эта деревня расположена на возвышенности, поэтому штаб соединения сразу же оказался под обстрелом.

У дивизии имелось достаточно орудий и снарядов, но мало было пехоты. Между тем становилось ясно, что противник намерен продолжать наступление и пробиться к Сухиничам.

Отряд Лазнюка начал действовать по соседству с горбачевцами, вместе с небольшой дивизионной группой, которой командовал капитан Горшков. Ночью, в сильную пургу, лыжники под прикрытием артиллерийского огня атаковали Кишеевку и ворвались в неё.

Бой продолжался до рассвета. Гитлеровцы, получив подкрепление, начали окружать наших бойцов. Тогда Лазнюк приказал Егорцеву отвести главные силы отряда, а сам с шестью стрелками и снайпером Худолеевым остался прикрывать их отход, отвлекая на себя огонь противника.

Бойцы под командованием военкома Егорцева пробились к лесу. Лазнюк с оставшимися бойцами тоже вышел из вражеского кольца. Погиб только Николай Худолеев, прикрывавший своего командира.

После выяснилось, что в оперативной группе дивизии неправильно поняли замысел командарма. Лыжников предполагалось использовать для нанесения ударов по противнику с флангов и тыла. А начальник оперативного отделения дивизии потребовал фронтальной атаки укрепленного пункта! Разобрались, да поздно.

Отдых после боя в Кишеевке был недолог. Комдив поставил отряду задачу выбить немцев из Хлуднево. И вот в ночь на 23 января, оставив в Гульцево раненых и обмороженных, отряд, насчитывавший уже тридцать шесть лыжников, двинулся в путь. Село и железнодорожную станцию Хлуднево гитлеровцы укрепили. Накануне туда прибыл свежий батальон, усиленный танками и артиллерией. К сожалению, в штабе дивизии об этом не знали. [134]

Отослав в Гульцево донесение с новыми данными о

противнике, Лазнюк решил действовать, не дожидаясь ответа. Этого требовал и начальник оперативного отделения. Бесшумно сняв часовых, лыжники ворвались в село, забросали противника гранатами. Снайперы Паперник и Соловьев уничтожали выбегавших из домов вражеских солдат. Раненый накануне Михаил Соловьев не захотел оставаться в Гульцеве и догнал отряд, когда он выходил на задание.

Вначале все шло хорошо. Но затем противник догадался, что против него действует лишь небольшая группа советских бойцов. Кольцо вокруг лазнюковцев смыкалось. Особенно тяжело пришлось взводу младшего лейтенанта Слауцкого, попавшему под перекрестный огонь. Большие потери понес и взвод младшего лейтенанта Лаврова.

Упали раненые Лазнюк и сержант Кругляков.

— Лазнюка! Уноси Лазнюка! — крикнул Егорцев.

В этот момент Лазнюк и Кругляков были вторично ранены. На помощь Круглякову подполз Ануфриев, и они оба вынесли командира в безопасное место.

— Занять круговую оборону! — послышался голос Егорцева.

Все оставшиеся в живых лыжники — двадцать один человек — собрались у сарая. Вскоре к ним подполз раненый военфельдшер Молчанов...

Все труднее становилось и взводу Лаврова. Кроме командира там осталось всего четыре человека — раненый старшина Пятков, Юдин, Новиков и Перлин. Позже к ним вернулся сержант Ануфриев, выносивший с Кругляковым Лазнюка. Отстреливаясь, горстка храбрецов еще пыталась помочь и первому взводу, прикрывая его огнем с левого фланга.

Обещанное подкрепление почему-то не подходило. А судьба взвода Слауцкого складывалась трагически. Несколько атак ему удалось отбить. Тогда гитлеровцы открыли по лыжникам огонь из пушки прямой наводкой. Вскоре полуразрушенный сарай загорелся. Оставшийся в живых заместитель политрука Паперник подпустил группу фашистов к себе вплотную и с возгласом «Большевики не сдаются!» взорвал гранату. Дорого заплатили гитлеровцы за гибель героя. [135]

...К концу января обстановка в районе Сухиничей изменилась. Подоспевшие войска 16-й армии под командованием К. К. Рокоссовского нанесли по врагу мощный удар. Побросав технику, гитлеровцы бежали в Попково. В Сухиничах обосновался штаб 16-й армии.

Сформированный Шестаковым новый отряд из пятидесяти человек готовился к переходу линии фронта. Остатки отрядов Горбачева и Лазнюка во главе с лейтенантом Кривцовым все еще

действовали в полосе 328-й дивизии. Васютина отозвали в Москву.

Шестаков и Рыкин, побывав в штабе 16-й армии, возвратились в Козельск не в духе. Шестаков молча расхаживал по избе и дымил трубкой. Рыкин тоже молчал.

За короткий срок я успел полюбить этого спокойного, уравновешенного ленинградца с умными светлыми глазами. Все в нем — и внешняя подтянутость, и манера держаться — выдавали опытного чекиста. Рыкину очень шла военная форма, и я не без улыбки вспомнил, каким впервые увидел его когда-то — в залатанной телогрейке и старых валенках.

Позже, уже в Козельске, я как-то не удержался и, оставшись с Василием Васильевичем наедине, спросил, что означал его «маскарад» на приеме у генерала. Он внимательно посмотрел на меня и уклончиво ответил:

— В жизни всякое бывает с человеком.

Я понял, что этой темы он не хочет касаться.

Взаимоотношения с командиром у Рыкина вначале были сугубо официальные и даже несколько натянутые. Сдержанный Шестаков присматривался к начальнику разведки. Однажды он откровенно сказал мне:

— Похоже, паря, наш разведчик прямо из отдаленных мест прибыл. Но зачем ему от нас таиться? Мало ли что могло случиться с ним когда-то. Что было, быльем поросло. Воевать-то нам вместе!

Впоследствии Шестаков переменил свое мнение о Рыкине. Он увидел в Василии Васильевиче человека большой души, и они крепко подружились.

Но в тот вечер, после их возвращения в Козельск, каждый мог заметить холодок в отношениях командира и начальника разведки. Не зная еще результатов их визита в штаб армии, я ждал, когда они начнут говорить.

Наконец Шестаков, расхаживавший по избе, остановился возле Василия Васильевича и сухо сказал: [136]

— Ну что прикажешь делать? Жаловаться на них? А. ведь они по-своему правы — и Малинин, и Вавилов... И люди, видать, хорошие!

Рыкин усмехнулся:

— Полковник Малинин — начальник штаба. Его понять можно: туго с личным составом. А вот позиция Вавилова непонятна. Как начальник разведотдела армии, он должен настаивать на переброске нас за линию фронта, чтобы заодно лучше изучить оборону противника. А он упирается!

Военком Пегов сидел в стороне и молча чистил маузер.

— Надо немедленно доложить в Москву, — решительно сказал Василий Васильевич.

Шестаков нехотя достал из планшета лист бумаги и опять принялся раскуривать трубку.

— Вижу: не хочешь людей обидеть, — прищурился начальник разведки. — Но для обиды нет оснований. Мы добиваемся выполнения приказа. Пиши: «Переход отряда задержан штабом 16-й. Мотив: отсутствие указаний фронта, недостаток проводников. Прошу вмешательства». Вот так. Потом разберемся.

Шестаков, хмурясь, вызвал радиста:

— Подготовь и передай с грифом «Срочно».

Потом мы все сели за стол и молча пили остывший чай. Когда же радист Толбузин, вернувшись в избу, доложил, что радиограмма передана, военком вдруг обрушился на начальника разведки:

— Вы поторопились! Надо было сперва поговорить с Рокоссовским или с членом Военного совета. В Москве только и дел, что заниматься нами...

Рыкин ничего не ответил. А Шестаков, поперхнувшись чаем, ядовито заметил:

— Долго же ты обдумывал свое мнение!

...Утром Шестаков выехал в Сухиничи. Вместе с ним отправился и я. Надо было повидать начсанарма, выяснить наши возможности для эвакуации раненых и договориться об обеспечении нас медикаментами на случай, если мы не получим их из Москвы. Не скрою: хотелось и повидать генерала Рокоссовского, прославившегося в боях за столицу.

В штабе армии мы прежде всего встретились с начальником штаба Малининым и начальником разведотдела [137] Вавиловым. Они приняли нас любезно. Даже не верилось, что именно они не хотят содействовать в переброске нашего отряда за линию фронта.

Потом в комнату, где мы находились, вошел коренастый широкоплечий дивизионный комиссар. Он с каждым поздоровался за руку и назвал себя:

— Член Военного совета Лобачев.

Старший лейтенант Шестаков подал ему документ и коротко доложил суть дела. Лобачев внимательно прочел бумажку и задумался, что-то припоминая.

— Это ваши подразделения были под Клином и Солнечногорском? — спросил он после некоторой паузы.

— Да, наши, — отозвался Шестаков. — Но они воевали не только там. Лыжники-автоматчики во главе с Ключниковым действовали под Крюковом. Да и здесь отряды нашей бригады,

кажется, неплохо воевали.

— Отлично сражались, — кивнул головой член Военного совета. — Особенно отряд Лазнюка.

— Рота Лазнюка получила боевое крещение под Москвой...

Дивизионный комиссар еще более оживился:

— Хороших, настоящих солдат воспитали! Кстати, вас наградили за операции под Москвой? Мы с командующим, помню, ходатайствовали.

— У нас наградили семьдесят пять человек, — сказал Шестаков.

— Михаил Сергеевич! — Лобачев обернулся к начальнику штаба. — Надо помочь отряду.

— Понятно, — ответил полковник Малинин. — Но вы сами знаете, как плохо с людьми, а главное... Вот и Вавилов говорит...

— В самом деле, трудно сейчас, Алексей Андреевич, — поддержал Малинина начальник разведотдела. — Разведчиков мало, чтобы перевести за линию фронта пятьдесят человек! Дело не шуточное. Нужна хорошая подготовка.

Лобачев, вставая из-за стола, сказал:

— Во всяком случае, об этом отряде надо обязательно доложить командарму. Надо найти возможности перебросить их.

Минут через пятнадцать член Военного совета представил нас Рокоссовскому:

— Вот, оказывается, как бывает, Константин Константинович! Это и есть невидимки, заочно знакомые по [138] Клину, Крюкову и Солнечногорску. Теперь можете лицезреть их. А комсомольцы-лыжники, геройски погибшие в Хлудневе, из батальона Шестакова.

Чисто выбритое лицо командарма озарила улыбка.

— Что ж, согласен, надо помочь. — Рокоссовский обернулся к начальнику штаба. — Обдумайте хорошенько с Вавиловым, где лучше их провести. На мой взгляд — в районе станции Пробуждение. Заодно разведчики уточнят стыки в обороне противника.

Взглянув на часы, командарм шутливо предложил:

— Надеюсь, товарищи партизаны не откажутся позавтракать с нами?

— Если мы их хорошо попросим, — в том же тоне добавил член Военного совета.

Скромный, почти спартанский завтрак прошел в оживленной беседе. Рокоссовский интересовался действиями наших подразделений на Калининском фронте и под Москвой. Лобачев подробно расспрашивал об отряде Лазнюка. Потом он спросил у меня, готовы ли медики к действиям за линией фронта. Я

рассказал, как вели себя наши товарищи во время Подмосковной битвы.

— Теперь вам придется труднее, — заметил дивизионный комиссар. — У вас не будет ни тыла, ни госпиталя... Я бы советовал прихватить с собой волокушу. На ней можно везти и груз и раненого.

Не ожидая ответа, Лобачев вызвал начальника санитарной службы армии Потапова и распорядился выдать мне волокушу и упаковку с перевязочными материалами. Я поблагодарил, но высказал опасение, что в тылу противника будет трудно с большим грузом.

— Запас кармана не тянет, — возразил Алексей Андреевич Лобачев. — А перевязочный материал раздайте на руки по два-три пакета каждому.

После, находясь уже во вражеском тылу, я не раз с благодарностью вспоминал члена Военного совета. Бинты и пакеты долго нас выручали.

Рокоссовский и Лобачев проводили нас по-отечески тепло.

— Глядите, не зазевайтесь в тылу, — весело пошутил командарм, пожимая нам руки. — Как бы мы при наступлении вас не окружили вместе с немцами!

Шестаков и Рыкин условились с начальником разведотдела встретиться на станции Пробуждение. [139]

— Название-то какое символическое! — улыбнулся Константин Константинович.

В Козельске нас ожидал сюрприз. Радист, встретив Шестакова, подал ему бумажку. Это была копия радиограммы, посланной командованием нашей бригады в штаб Западного фронта. В ней говорилось, что штаб 16-й армии задерживает переброску отряда Шестакова. Наше командование просило дать соответствующее указание Рокоссовскому.

— Нехорошо получилось, — сокрушенно сказал Шестаков.

— Я же говорил, что вы спешите с жалобой, — заметил военком Пегов.

— Все мы задним умом крепки, — возразил Рыкин. И успокаивающе добавил: — Думаю, это не помешает делу. После нас пойдут другие отряды, им тоже понадобится помощь. Профилактика не вредит, как говорят врачи. — И он посмотрел в мою сторону.

Я промолчал, но подумал: «Рокоссовский, конечно, очень удивится, читая строгое указание штаба фронта».

* * *

Вместе с февральскими вьюгами на фронт пришло некоторое затишье. Время от времени слышалась лишь артиллерийская перестрелка. Зато у разведчиков работы было, что называется, по горло. Днем и ночью они исследовали оборону и ближний тыл врага. Надев белые халаты и рассовав по карманам гранаты, патроны, куски колбасы и хлеба, разведчики уходили на очередное задание.

На картах начальника разведотдела и начальника штаба армии все отчетливее вырисовывались особенности вражеской обороны. Шестаков и Рыкин почти не отлучались от полковника Вавилова — обсуждали с ним различные варианты перехода линии фронта.

Наш отряд уже перебрался в Сухиничи и разместился в нескольких домах на окраине города. Бойцы проверяли оружие, подгоняли снаряжение, опробовали лыжные мази, прикидывали, как захватить с собой побольше боеприпасов и продовольствия.

Однажды ночью военком собрал партийное собрание. Нужно было довести до коммунистов поставленную задачу и избрать парторга. [140]

С докладом выступил старший лейтенант Шестаков. Он говорил кратко:

— Прежде всего, нужна строжайшая дисциплина при переходе линии фронта. Мы должны пробраться в тыл врага без единого выстрела. Пусть коммунисты и сами хорошо уяснят это, и проведут разъяснительную работу с товарищами.

Дополняя Шестакова, военком В. С. Пегов тоже подчеркнул, что нужно сделать все для перехода линии фронта без боя, а следовательно, без потерь.

— Наша главная работа — в тылу врага. Для нее и нужно сохранить все силы отряда.

Далее военком объяснил, как бойцы должны вести себя по отношению к местному населению на оккупированной территории, напомнил о бдительности, о необходимости лучше использовать помощь советских людей в борьбе с гитлеровцами.

Никто из собравшихся не спрашивал, на какой срок мы уходим, как будет организовано снабжение. Каждый знал: о нем позаботятся на Большой земле.

Один вопрос меня все-таки беспокоил; видимо, он волновал и многих других. Поэтому я выступил и сказал, что незаметно перейти линию фронта — это, конечно, главное. Но не все зависит от нас. Схватка может произойти, даже если мы проявим максимум осторожности. И если вспыхнет бой, каждый должен твердо соблюдать правило: сам погибай, а товарища выручай. Надо чаще говорить о взаимной выручке. Ни один раненый не

может быть оставлен без помощи, а тем более брошен на произвол судьбы.

— Правильно, — поддержал меня Шестаков. — Об этом не лишне напомнить, хотя мы не сомневаемся, что все именно так и будут действовать.

Командир взглянул на часы. Пора было кончать собрание. По предложению военкома коммунисты избрали меня парторгом. С этого дня я стал и заместителем военкома.

Мы разошлись поздно ночью. И все-таки утром я решил побывать в подразделениях.

В одной избе я увидел Александра Долгушина, склонившегося над вещевым мешком. Он аккуратно укладывал [141] пакеты с продуктами, бельем, толом и бикфордовым шнуром... Многое потребуется солдату за линией фронта!

А тут еще всем дали дополнительный груз — сухие батареи для рации и свертки с перевязочными материалами. И хотя в отряде не было ни одного хлипкого бойца, мне их стало немного жалко. Выкладка получилась далеко не уставной.

Наблюдавшая за сборами хозяйка дома тоже, видимо, подумала об этом. Потрогав сухонькой рукой туго набитый мешок Долгушина, она сказала:

— Сыночки, я хочу вам предложить... В сарае Ваняткины салазки остались. Не знаю, как немцы не успели их сжечь: они все подряд палили. Возьмите их. Ванятке моему все одно уже не кататься...

Не окончив фразы, маленькая худенькая женщина заплакала.

— А где он, Ванятка ваш? — участливо спросил Валентин Фролов.

— Сама не знаю, — сквозь слезы ответила хозяйка. — Пятнадцать годков ему было. Сперва хоронился от немцев, а потом совсем пропал.

— Может быть, к партизанам ушел или через фронт пробился к своим, — ободрил женщину Али Исаев. — Вернется еще!

— Спасибо, сынок, на добром слове, — сказала хозяйка и ласково посмотрела на рослого смуглого горца. — Я и сама иной раз так думаю... Ну идемте, достану санки. У соседок еще спрошу.

В избу вошел Михаил Семенов, с порога объявил:

— Трофеи!

В руках у него была немецкая ручная граната: небольшой железный стакан с длинной деревянной ручкой, шнурком и шариком. Исаев и Митропольский тут же забраковали гранату. Оба они, как дискоболы, привыкли к увесистым снарядам.

— Легка! — засмеялся Али. — А вот картошку толочь в чугуне сойдет.

Хозяйка испуганно отступила к печке.

— Выбросьте прочь! — сказала она. — От такой вот напасти моя соседка взорвалась.

— Как так — взорвалась?

— А вот так, как вы сказали. Подобрала на огороде и принесла домой: сгодится, мол, картошку толочь. Два дня [142] толкла... Ей и в голову не пришло, что толкушка эта заряжена. Как-то утром граната и грохнула в чугунке. Бедная соседка и часу не прожила...

В избе стало тихо.

* * *

Полная луна светила мягко и, казалось, тревожно. Отряд лыжников, растянувшись в цепочку, тихо шел вдоль линии фронта. Многие бойцы тащили на веревках санки с вещевыми мешками и ящиками с боеприпасами. Второй взвод вез еще и до отказа нагруженную волокушу. Впереди легко скользил на лыжах головной дозор — Фролов, Коржуев, Долгушин и Ермолаев. С тыла колонну прикрывали пулеметчики Али Исаев и Иван Захаренков.

Слева совсем близко то и дело взлетали осветительные ракеты. Временами слышались басовитые очереди крупнокалиберных пулеметов. К ним присоединялись отрывистые залпы артиллерийских батарей.

Неспокойно чувствовали себя оккупанты после трепки под Москвой. Было приятно, что и наши бойцы не раз задавали им жару.

И все-таки слишком много родной земли находилось еще в лапах фашистов. Сколько надо положить наших замечательных парней, чтобы очистить Родину от гитлеровской нечисти и окончательно разгромить фашизм! Эти горькие мысли с особой силой охватили меня, когда отряд вошел в Хлуднево.

У обгорелого, полуразрушенного сарая остановились. Лыжники замерли возле высокого могильного холма, аккуратно застланного хвойными ветками. На нем виднелась доска с неумело выжженной пятиконечной звездой и двумя неровными столбцами фамилий.

Капитан Шестаков (ему только что сообщили по радио о присвоении звания) подал команду «Смирно» и глуховатым голосом сказал:

— Это братская могила наших однополчан, солдат роты старшего лейтенанта Лазнюка.

Пегов прочитал вслух все двадцать три фамилии:

— «Сержант Егорцев Михаил Тимофеевич, военком;

Красноармеец Паперник Лазарь Хаймович, замвоенкома;

Младший лейтенант Слауцкий Петр Никифорович; [143]

Красноармеец Соловьев Михаил Васильевич;

Военфельдшер Молчанов Алексей Петрович...» Неожиданно появился дивизионный комиссар Лобачев. Он специально приехал сюда, чтобы выяснить картину недавнего боя наших однополчан с превосходящими силами противника.

— Героев представим к наградам, — сказал член Военного совета. — И обязательно надо написать о них в «Правду». Пусть весь народ узнает о подвиге.

— Посмотрите, — сказал он затем, указывая на могилы вдоль шоссе, — на каждой — крест и немецкая каска. Пятнадцать могил и пятнадцать немецких фамилий. Но не верьте надписям! Мы точно установили, что под каждым из этих крестов лежит по десять гитлеровских солдат. Такова истинная цена подвига ваших товарищей. Фашисты хотят скрыть правду. А она состоит в том, что ваши однополчане — коммунисты и комсомольцы — сражались с врагом так же храбро, как панфиловцы.

В недвижном строю замер отряд возле братской могилы. Грозна была его молчаливая клятва. Об этом хорошо написал потом Семен Гудзенко:

> Мы не рыдали. На краю селенья
> Однополчан погибших погребли.
> Последний заступ каменной земли —
> И весь отряд рванулся в наступленье.
> Испуганно ударил миномет.
> Но разве можно устоять пред нами?!
> Нам души жжет пожара пламя,
> Глаза сожженных нас зовут вперед.

Почтив память однополчан, мы пошли дальше. Член Военного совета немного проводил нас. Позже мы увидели его статью в «Правде». Затем вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о посмертном награждении двадцати трех наших лыжников орденом Ленина. Лазарю Паперник первому в нашей бригаде было присвоено звание Героя Советского Союза.

Время, правда, внесло небольшую радостную поправку. Оказалось, что Кирилл Захарович Лазнюк не погиб. Несмотря на тяжелые ранения, он остался жив. Спасшие своего командира сержанты Ануфриев и Кругляков были награждены орденами Красного Знамени...

...За околицей Хлуднева мы неожиданно встретились с лейтенантом Кривцовым. В его отряде осталось меньше [144]

половины бойцов, которых он объединил под своим командованием. Отряд оставался в подчинении командира 328-й дивизии. Три раза он атаковал Хлуднево. Потом уничтожил вражеский гарнизон в Куклино, первым ворвался в Поляны...

Я смотрел на молодых бойцов и радовался. Они стали настоящими богатырями, словно к каждому из них перешли мужество и силы их погибших товарищей.

Перед самым уходом с Большой земли нам встретились и бажановцы. Они рассказали много интересного.

Пробравшись в тыл врага, лыжники этого отряда взорвали полотно железной дороги севернее Зикеево и дезорганизовали движение между Брянском и Рославлём. Они разведали силы противника в Гусее, Клинцах, Бруснах и собранные сведения передали командиру 322-й дивизии. Рейдируя вдоль коммуникаций, лыжники наводили панику на гитлеровцев. Теперь, выйдя из тыла, они держали оборону близ станции Пробуждение.

— Командир дивизии объявил отряду благодарность, а на душе все равно тяжко, — сказал Шестакову старший лейтенант Бажанов. — Хороших людей мы потеря ли. Погиб военком Борис Евгеньевич Назарецкий... Нет и заслуженного мастера спорта Сергея Рогачева... Многих нет... Но ребята горят желанием снова идти в тыл и мстить за товарищей. К тому же мы теперь опыт приобрели, поняли, что черт не так уж страшен, как вначале казалось. Сперва-то мы думали: раз это тыл, значит, там за каждым пеньком сидит немец. А фашисты сами до смерти перепуганы. Партизаны здорово дают им жару!

— Почему же опять не идешь туда? — спросил Шестаков.

Бажанов показал листок бумаги:

— Видно, мои бойцы пришлись по душе комдиву. Не отпускает. Я уже рапорт командующему шестнадцатой посылал. Дивизия теперь в его подчинение перешла. И вот читай!

Ответ был краток: «Старшему лейтенанту Бажанову. Впредь до особого распоряжения оставаться в подчинении 322 сд. Рокоссовский, Лобачев».

Шестаков, покосившись на начальника разведки, сказал:

— А ты, Бажанов, брось рапортами заниматься! Советую [145] лично обратиться к командующему или к члену Военного совета. Так быстрее вопрос решится... Мы тоже сперва горячку спороли.

Встреча наших спортсменов с бажановскими получилась радостной и волнующей.

— Поддайте немцам как следует! — напутствовали нас товарищи.

* * *

На станции Пробуждение мы в последний раз пили горячий чай, перед тем как покинуть Большую землю. Потом проверяли оружие и лыжи, писали письма, разговаривали с бойцами дивизии, которые держали здесь оборону.

Вначале они приняли нас за пополнение. Удивились только, почему мы одеты не по «табелю» и почему у каждого из нас так много оружия. Некоторые пробовали поднимать наши квадратные вещевые мешки — и опять недоумевали: слишком тяжелы.

Из Печек и Маклаков гитлеровцы то и дело открывали минометный огонь. Но он не причинял ущерба бойцам, укрывшимся в окопах среди сугробов.

— Фрицы хотят на нас страх нагнать, а у самих поджилки дрожат, — шутили красноармейцы.

Ночью отряд построился. Нас осталось сорок девять. Пятидесятого пришлось отослать в медсанбат с острым приступом аппендицита. Санки оставили. Вещевые мешки взяли на плечи.

В двадцать два часа тридцать минут бойцы встали на лыжи и по условному сигналу двинулись мимо боевых дозоров. Капитан Шестаков и начальник разведотдела немного задержались, пропуская отряд вперед. Я тоже на минуту остановился, чтобы пожать руку полковнику Вавилову и всем, кто нас провожал. На душе было тревожно и вместе с тем радостно.

Белые фигуры одна за другой исчезали за снежным бруствером, словно растворялись на искрящемся под луной поле. Первыми пошли бывалые партизаны Михаил Ерофеев и Николай Садовников вместе с армейскими разведчиками. За ними — Фролов, Долгушин, Коржуев, Мадей, Ермолаев. Покидая Большую землю, многие на миг оборачивались. Я знал, что тоже оглянусь. [146]

Впереди на белом поле темнела небольшая деревушка Шерстневка. За ней начиналась уже оккупированная территория. А где-то далеко за спиной осталась родная Москва. Где-то моя семья, которую разметала война?

В лунном мареве утонули Хлуднево и большая братская могила однополчан... Наш отряд принял сегодня от погибших товарищей эстафету подвига. Завтра ее примут другие. Сотни солдат бригады перейдут, переползут и перелетят через линию фронта. Растекутся по всей временно оккупированной врагом территории и будут беспощадно мстить захватчикам за поруганную родную землю, за гибель тысяч советских людей.

Ракеты непрерывно взлетали справа и слева — в Печках и

Маклаках. Гулко стучали дежурные пулеметы, отзываясь на каждый шорох. Страшно было врагу на захваченной им, но не покоренной земле. В бурный и крепнущий поток партизанского движения вливался еще один отряд, имя которому — «Славный». [147]

За фронтовой чертой

Чуть свет проснулся Брянский лес...

И. Грибачев

Пять суток почти без отдыха при сорокаградусном морозе двигался отряд, обходя опорные пункты вражеской обороны. С тяжелым грузом за плечами даже самые выносливые спортсмены почувствовали страшную усталость. А тут вдобавок пришлось дважды столкнуться с разведкой противника. Только отчаянный, стремительный бросок позволил нам оторваться от гитлеровцев. И все-таки переход «Славного» через линию фронта завершился удачно. 23 февраля 1942 года, как раз в годовщину Красной Армии, сорок девять рослых, широкоплечих людей, одетых в добротные полушубки и белые маскировочные костюмы, вошли в небольшое село Думлово. Стояло морозное солнечное утро. Над крышами домов клубился дымок затопленных печей.

На улицу высыпали все жители села. Они вышли встречать... родную армию. Что ж, так оно, по существу, и было! Наш отряд действительно представлял собой частицу Красной Армии, которую с нетерпением ожидали томившиеся в оккупации советские люди. Не боясь показаться сентиментальным, скажу, что в этот момент и у жителей и у многих из нас выступили на глазах непрошенные слезы радости.

Высокий, с мужественным лицом староста Зайцев преподнес Шестакову каравай хлеба с солью и, волнуясь, сказал:

— Не удивляйся, дорогой командир, что народ слезу пустил! Ведь немцы нам твердили: Москву, мол, они взяли, а Красную Армию загнали за Урал и там добивают... [148]

А как проверишь, когда ни в одном доме радио не осталось. Мы, конечно, так и думали, что брешут фашисты. Не могли они нашу армию уничтожить! Теперь видим: не ошиблись в своих надеждах. Не потерпела наша Москва позора, ни единого часу не была под немцем!

Каюсь, я не записал тогда имени старосты. И были для этого некоторые основания. Многие из нас, в том числе командир и

комиссар, усомнились в искренности его слов. Обстановка была очень сложной и напряженной. Мы узнали, что Зайцева назначили старостой оккупанты, что он добросовестно выполнял их задания по заготовке продуктов.

Наши подозрения усилились, когда староста, окинув бойцов проницательным взглядом, сказал Шестакову:

— Медведевский лагерь немцы уничтожили, и незачем туда идти. Твоим ребятам нужен хороший отдых. Поэтому располагай их по избам и пусть до вечера отдыхают. Когда отоспятся, покормим чем-нибудь горячим... К вечеру мужики вернутся из леса с подводами, тогда мы вас куда угодно доставим!

— С какими подводами? — настороженно спросил командир, присаживаясь за стол, но все еще не раздеваясь и не снимая оружия.

— Обыкновенными, — с лукавой усмешкой ответил староста. — Хотя мы и под надзором живем, но у нас тоже есть хитрость... мужицкая. На день мы всех молодых мужиков и лошадей отправляем в лес — подале от вражьего глазу. А то возьмут и мобилизуют мужиков и подводы.

Капитан Шестаков торопливо полез в карман за кисетом, хотя в трубке у него еще был табак. По его насупленному лицу я понял, что он страшно досадует на себя за недоверчивость к старосте. Мягкий и добрый по натуре, Анатолий Петрович привык с душой относиться к людям, верить им.

Вдруг он решительно встал и, обращаясь к начальнику штаба, распорядился:

— Распредели людей по домам и выставь посты. Особо — со стороны Людинова.

И опять староста своим искренним стремлением помочь нам вызвал обратный эффект. Он сказал:

— Послушай меня, командир! Народ твой уморился... Говорю ж — пускай отдыхают! А что касается города — [149] за ним у нас зорко следят. В момент узнаем, если немцы сюда направятся. В любом случае ты со своими бойцами успеешь укрыться в лесу. А туда немец пока побаивается углубляться.

После минутного колебания командир уточнил задачу начальнику штаба:

— Ты вот что, снаряди посты только самые необходимые... На Людиновскую сторону. Только часовых меняй почаще: пять суток люди не спали.

Старший лейтенант Медведченко козырнул и, мягко ступая стоптанными валенками, вышел на улицу, где озябшие и усталые бойцы ожидали команды.

По тому, как сдвинул брови комиссар и как закуривал

начальник разведки, можно было заключить, что они не одобряли решение командира. В тот момент и я был мысленно на их стороне, считая, что староста неспроста предложил нам остаться до вечера под боком у вражеского гарнизона. Да еще не посоветовал выставлять постов! Невольно пришел на память эпизод из кинофильма «Чапаев»: под покровом ночи беляки с ножами по-пластунски ползут к уснувшим чапаевцам...

За подозрительность и недоверие, пусть даже минутные, мы остались виновны перед старостой Зайцевым. Именно этот «немецкий ставленник» обеспечил нам хороший отдых, снабдил продуктами, а с наступлением темноты перевез на подводах к небольшой железнодорожной станции Волынь, расположенной в гуще Брянского леса. Он же помог нам установить связь с Людиновским партизанским отрядом, которым командовал Золотухин. Позже мы узнали, что вскоре после нашего отъезда из Думлово туда нагрянули немцы и потребовали от старосты, чтобы он указал наш след. Они нещадно избивали Зайцева, грозили расстрелом. Староста долго водил карателей по непролазным местам, пока не вывел их к давно разгромленному лагерю, оставшемуся от медведевского отряда.

— Сюда привел их, а куда девались — один бог знает, — развел он руками.

Эсэсовцы с еще большим остервенением избили его и бросили в снег. Его случайно нашли и спасли от смерти мужики. Когда наши разведчики побывали в Думлово, они не узнали Зайцева. С опухшим от синяков лицом, он лежал, скорчившись на широкой скамье, и часто сплевывал кровью. Хриплым глухим голосом, то и дело умолкая, [150] чтобы откашляться, он подробно объяснил разведчикам, как лучше подобраться к Людинову. Зайцев не стонал и не жаловался, даже словом не обмолвился о себе. Обо всем, что произошло с ним, нам рассказали его соседи...

В феврале 1942 года в Дятьковском районе, примыкавшем к фронту, обстановка была благоприятной для нас. Здесь уже действовал партизанский отряд, созданный еще в августе 1941 года, то есть незадолго до прихода немцев. Командовал им Н. М. Сентюрин, комиссаром был С. С. Качалов. Затем организовались другие отряды, развернувшие активные действия в районе Людинова, Дятькова, Цементного и Любохны. Появились партизанские подразделения в Жирятинском, Жуковском, Рогнединском, Дубровском и других районах. Контролируемая ими территория расширялась.

12 февраля 1942 года Дятьковский райком партии и райисполком приняли решение восстановить в районе все

советские учреждения и организовать активную помощь Красной Армии людьми и продовольствием.

Это решение имело под собой прочную основу. Накануне состоялось совещание, на котором командиры партизанских отрядов и представители регулярных фронтовых частей договорились, как им лучше координировать свои действия. Связь между собой они, начиная с середины января 1942 года, поддерживали через коридор, образовавшийся в районе Кирова. По этому тракту партизаны направляли Красной Армии хлеб и молодежь призывного возраста. С Большой земли они получали оружие, боеприпасы, взрывчатку, медикаменты, а также хорошо обученных разведчиков, связистов, минеров и других специалистов, которых недоставало для организации широкой партизанской борьбы.

В Дятькове на легальное положение перешли не только райком партии и райисполком, возглавляемые товарищами С. Г. Туркиным и И. В. Дымниковым, но и районный военкомат. Возобновили работу паровозное депо, пошивочные и сапожные мастерские, хлебозавод, парикмахерская и даже фотоателье. Был оборудован и партизанский госпиталь.

Дятьковский советский район сыграл исключительно важную роль в развертывании и активизации всенародной борьбы против немецких захватчиков. Его влияние [151] чувствовалось не только на Брянщине, но и в других соседних областях.

Такова была обстановка, в которой мы начали свою боевую деятельность...

1 марта на станцию Волынь, где расположился отряд, приехал худощавый человек среднего роста, с большой седой бородой и с огромной копной таких же седых волос. Это был командир Бытошского партизанского отряда П. Г. Дробышев, или, как его именовали здесь, Дед. Он долго тряс Шестакову руку, молча разглядывая его. Потом, за чаем, между ними произошел такой разговор, какой случается между родными братьями после долгой разлуки: они больше любуются друг другом, чем говорят.

— Пришел, значит? — спросил Дед.

— Пришел, — отозвался Шестаков, попыхивая короткой трубкой.

— А Москва, говоришь, стоит?

— Угу, стоит, паря.

— Ну, то-то!

Минут пять они молчали, громко прихлебывая горячий чай. Выходя из-за стола, Дед сказал:

— Ты смотри, дорогой: сильно не зазнавайся... В случае чего — дай знать. На майские праздники приезжай...

Капитан Шестаков по какому-то делу задержался в избе, а мы с Василием Васильевичем вышли проводить Деда. Кивнув на окно, Дробышев сказал:

— Редкой души человек! С таким командиром воевать не страшно.

Симпатией к Шестакову проникались все, с кем ему доводилось встречаться: руководители Дятьковского района, командир армейской бригады, действовавшей в тылу врага, майор Георгий Иванович Орлов, командир Жуковского отряда Ефим Михайлович Воробьев, командир и комиссар Рогнединской партизанской бригады Г. В. Мальцев и И. И. Мураль... Надо сказать, что вообще «московский» отряд пользовался добрым расположением партизан и местного населения.

Буквально на второй день после перехода линии фронта в отряд заявилась группа молодых рабочих поселка Ивот, расположенного близ Дятьково, и стала осаждать командира и комиссара просьбами принять их в наши ряды. Но у нас нужды в людях пока не было, и Шестаков при всей его доброте вынужден был отказывать новым [152] добровольцам. Исключение он сделал для тех, кто когда-то активно содействовал медведевскому отряду. Были приняты Михаил Шурупов, Николай Башкиров, Павел Баранов, Сергей Дворецкий и несколько юных патриотов — Коля Курлапов, Толя Званский, Вася Горохов, Порфирий Кондрашов, Польгуев. Зачислили в отряд и пять девушек — Аню Польгуеву, Лиду Кузовкову, Катю Снежкову, Зину Маркину и Люсю Соловьеву. Почти всех новичков включили в разведку, поскольку они хорошо знали свои родные места.

Вскоре к Шестакову заявился наш неугомонный Бум-бум — Николай Садовников. С ним пришли еще три человека.

— Привел пополнение, товарищ командир, — скороговоркой выпалил он, кивнув на своих спутников.

Самый молодой из них, со смуглым широким лицом, так походил на Николая, что командир сразу догадался, в чем дело.

— Сколько же лет твоему брательяику? — спросил он.

— Ильке-то? — смущенно переспросил Николай. — А чего там лет? Два пуда есть, — значит, под ружье годится. Да вы не бойтесь, товарищ командир: за Ильку я больше, чем за себя, ручаюсь!

Командиру понравился Илька Садовников, и, наверное, прежде всего своей молчаливостью.

К словам старшего брата он не добавил ни слова. А такие «собеседники» — сущий клад для Шестакова.

А Николай уже подталкивал к командиру другого парня, ничуть не похожего на «садовниковокую династию».

— Это тоже брательник, только двоюродный, — тарахтел он. — Но и его обязательно надо принять в отряд. Он страсть какой отчаянный!

Белобрысый Николай Соколов смотрел на Садовникова-старшего влюбленными глазами. Чувствовалось, что он готов пойти за ним в огонь и воду. В тот момент никто из нас, конечно, не думал, что эта «отчаянность», поощряемая Бум-бумом, через два дня приведет Соколова к печальному концу.

Третий парень, пришедший с Николаем Садовниковым, был невысокого роста, с рябоватым лицом. Держался он степенно и все время пристально наблюдал за командиром и начальником разведки. Когда очередь дошла [153] до него, он встал по стоике «смирно» и по-военному отчеканил:

— Лейтенант Красной Армии Григорий Харитонович Софонов. Оставлен разведкой десятой армии для работы в тылу врага. В последнее время связь нарушилась, и я пришел сюда, чтобы восстановить ее.

Николай Садовников удивленно уставился на него и еще менее разборчиво, чем обычно, пробормотал:

— Вот те раз! А я-то думал, что ты к моей сеструхе Таисье в блиноеды пристраиваешься, значит, ко мне в зятья... Как будущего родственника я и привел тебя к командиру.

Но Шестакову и Рыкину после доклада лейтенанта стало не до шуток. Отправив Садовникова вместе с его «брательниками» в подразделение, они попросили Софонова подробнее рассказать о себе и о своих делах. Григорий Харитонович обо всем доложил кратко, но обстоятельно. Этим он и понравился командиру.

— Моим последним заданием, — заключил Софонов, — было организовать разведку аэродромов: в первую очередь Сещенского, как основного, а затем запасного — в Олсуфьево.

Василий Васильевич метнул быстрый взгляд на Шестакова и, с любопытством разглядывая лейтенанта, спросил:

— И что вы успели сделать?

— Устроился жить у кохановского старосты Никшова. Как родственник...

— Вы его родственник?

— Нет. Просто договорились так. После он как своего родственника устроил меня работать на аэродроме...

— И что же?

Софонов едва заметно передернул плечами:

— Толку в этом оказалось мало!

— Почему?

— Сведения я добывал хорошие, иногда удавалось узнавать, когда прибывают новые самолеты... А вот передавать данные

было трудно: немцы не разрешали отлучаться с аэродрома, следили за каждым шагом.

— Так ничего и не придумали?

— Нет, почему же — кое-что придумал: сказался больным. Отпустили на несколько дней в Сещу. Там, на явке, передал сведения в штаб 10-й армии. Потом еще [154] несколько раз передавал. Теперь познакомился в полиции со своим человеком. Сведения через него пойдут. Парень толковый. А я пришел сюда, чтобы установить связь с каким-нибудь военным отрядом.

Василий Васильевич Рыкин удовлетворенно кивал головой, и его светлые глаза лучились. Я понял, что для начальника разведки Григорий Софонов оказался дорогой находкой. Одним из заданий, полученных нашим отрядом, был сбор данных об аэродромах Брянска и Сещи, с которых вражеские самолеты вылетали бомбить Москву.

Командир сразу проникся доверием к Софонову. У него было какое-то природное чутье на хороших и плохих людей. А вот Василий Васильевич решил было проверить лейтенанта, чтобы убедиться в нем до конца. Но капитан Шестаков сказал Софонову:

— Ты вот что, Харитоныч... Отдохни получше и отправляйся назад... А для помощи тебе подключим наших разведчиков Ерофеева и Садовникова. Так, пожалуй, Василь Васильевич?

Начальник разведки кивнул в знак согласия. Затем они уточнили перечень данных, которые нужно собирать, явки, даты, код. Словом, обговорили все, что необходимо для постоянной и прочной связи. Утром лейтенант Софонов выехал в Сещу.

В то время радиосвязи не было не только между отрядами. Многие из них не могли связаться даже с Большой землей. Поэтому Шестаков направил своих людей сразу в несколько районов — в Жирятинский, Клетнянский, Жуковский, Дубровский, Любохинский. Нужно было хорошенько познакомиться со всеми партизанами и договориться о совместных действиях.

Станция узкоколейной дороги Волынь находилась в нескольких километрах от рабочего поселка Ивот, где мы базировались раньше. Севернее, в десяти километрах от нее, в поселке Бытошь, стоял отряд Деда. Западнее, в небольшой лесной деревушке Волынь, располагался Людиновский отряд. В этом лесу и мы соорудили свой лагерь.

Бойцы по-разному воспринимали переход отряда сначала из поселка на станцию, а потом в лесной лагерь. Что и говорить: в населенном пункте есть хоть какие-то бытовые удобства. А ведь большинство наших добровольцев составляли москвичи, которые были почти не знакомы с [155] сельской, а тем более с «лесной»

жизнью. Жители тоже чувствовали себя увереннее под прикрытием хорошо вооруженного отряда.

Надо заметить, что и некоторые командиры партизанских отрядов недолюбливали лес. Они считали, что размещение партизан в населенных пунктах придает советскому району в тылу врага внушительный, воинственный вид.

Капитан Шестаков держался иного мнения.

— Создание советского района в тылу врага — хорошее дело, — говорил он, — но держать отряды в населенных пунктах не следует.

Однажды, когда мы ходили по лесу, выбирая место для базы, сопровождавший нас партизанский командир заспорил с Шестаковым.

— Ты посмотри, — убеждал он, — как жители радуются, если мы у них останавливаемся! Они видят своих защитников. И отряду в селе легче, особенно с питанием.

Анатолий Петрович заметил:

— Верно, рады, тут ничего не скажешь. Вечером по улице не пройдешь — сплошные танцы... И откуда у них столько гармошек взялось?! А поближе к весне, гляди, и свадьбы начнут играть...

Помолчав немного, Шестаков уже серьезно сказал:

— В населённом пункте отряд как на ладони! А когда потребуется, немцы, располагая авиацией и артиллерией, без особых усилий вышибут нас из населенных пунктов... В лесу — наоборот: отряд что игла в сене!

Начальник разведки Рыкин полностью разделял мнение Шестакова. Он тоже хотел что-то сказать, но молчаливый командир на этот раз разошелся.

— Вот ты говоришь: в селе отряду с питанием легче, — продолжал он, возражая собеседнику. — Конечно, население может кое-что оторвать от себя для партизан, но ему самому живется не сытно... Главным источником партизанского снабжения должны стать вражеские склады, обозы и эти, как называют их немцы, «показательные хозяйства». Не просить у населения, а помогать ему надо!

Позже я убедился, что Шестаков даже в самые трудные для отряда дни не отступал от этого правила. Да и тогда, несмотря на то что в тылу врага мы находились мало, он уже имел основание так заявить. Буквально [156] через три дня после перехода линии фронта взвод пол командованием Рыкина и Медведченко совершил дерзкий налет на вражеские склады, расположенные в Желтовичах, Яблоне и Гатькове. Разогнав охрану, наши бойцы захватили богатые трофеи — сотни мешков зерна и муки, много другого продовольствия. Большую часть этих продуктов капитан

Шестаков передал жителям поселка Ивот.

...Станцию Волынь отряд покидал днем.

Василий Васильевич досадовал на это решение командира.

— Вся конспирация к чертям полетела! — ворчал Рыкин. — Чтобы уйти тихо и незаметно!

— А куда ты спрячешься от народа? — отшучивался Шестаков. — Вот возьмем сейчас вещевые мешки, и, что ты думаешь, наша хозяйка не выйдет за нами на крыльцо?

— Беспременно выйду, — отозвалась хозяйка. — Я и сухариков вам насушила. Берите, не стесняйтесь. Если немец нас не порежет, как-нибудь не помрем. А потоньше станем — ходить будет легче.

Я взглянул на нее, и мое сердце сжалось от боли: худеть было некуда. В поселке доедали последний картофель.

Когда мы вышли на крыльцо, нас ожидал сюрприз. Комиссар Василий Сергеевич Пегов уже организовал... митинг. Даже речь произнес, как всегда, энергичную и немного высокопарную. Надо сказать, что люди любили его слушать.

Потом жители с песнями под гармонику проводили нас далеко по узкоколейной железной дороге. Теперь это может показаться странным, даже притуплением бдительности, но такова правда жизни: от людской заботы и внимания тогда просто невозможно было уйти.

С первых же дней пребывания за линией фронта отряд развернул активную боевую деятельность. Он вел разведку, производил диверсии, осуществлял налеты на полицейские гарнизоны. В марте «Славный» провел несколько боевых операций, которые не на шутку всполошили гитлеровских оккупантов.

Десятого марта 1942 года группа лыжников под командованием Пегова получила задачу организовать засаду на шоссе между Жиздрой и Брянском. По этой магистрали [157] противник перебрасывал свежие подразделения на кировский участок фронта.

Группа была немногочисленной. Она включала в себя взвод лейтенанта Егорычева, несколько партизан из Людиновского отряда, которые шли в качестве проводников, двух разведчиц — Люсю Соловьеву и Катю Снежкову, а также недавно принятых бойцов — Васю Горохова и Ивана Чижикова. Лыжникам предстояло преодолеть около восьмидесяти километров.

Прощаясь, комиссар пошутил:

— Думаю, что командиру в течение года придется изучать мой боевой опыт. Прошу к нашему возвращению вызвать самолет, чтобы отправить «языка». Рассчитываю захватить немецкого

генерала.

Спустя несколько дней мы действительно анализировали ценный опыт. Несмотря на недостатки в организации разведки, группа Пегова в открытом бою уничтожила сорок гитлеровских солдат и двух офицеров.

Наши потери были незначительны. Погиб партизан Людиновского отряда, получили ранения боец Чижиков и помкомвзвода заслуженный мастер спорта Николай Шатов...

Вот как сложилась эта операция. Большую часть пути до места засады лыжники проскочили благополучно. Достигнув поселка Любохна, лейтенант Егорычев выслал разведку в село Пупково, расположенное за перелеском. Оттуда очень удобно было наблюдать за шоссейной дорогой.

В разведку отправились боец Вася Горохов, Соловьева и Снежкова. Они поехали на подводе. Горохов, спрятав автомат в соломе, правил лошадью. Девушки сидели позади с узлами на коленях. Недалеко от села из ельника, подступавшего к дороге, вышли немецкий офицер и солдат. Офицер подал знак остановиться.

— Кто есть такой? — спросил он, подозрительно оглядывая Горохова и разведчиц.

Девушки протянули немцу узлы с тряпками, а Горохов пояснил:

— Хлеб, хлеб... Кушать надо, понимаете? Менять едут, попросили подвезти...

Офицер, вынув пистолет, потребовал, чтобы они сошли с саней. Казалось, выхода нет. Пока девушки под пристальным взглядом солдата и офицера выбирались из розвальней, [158] Горохов выхватил автомат и двумя короткими очередями уложил немцев. Затем быстро развернул подводу и, когда разведчицы вскочили в сани, погнал лошадь назад.

Несмотря на сильный огонь из ельника, наши бойцы успели проскочить открытый участок местности.

— Сколько же гитлеровцев было в засаде? — спросил комиссар Горохова.

Разведчик пожал плечами.

Ничего не могли ответить и девушки. Им показалось, что в ельнике находилось не более десяти немцев, которые убежали в село. Василий Сергеевич решил атаковать Пупково.

Приблизившись к селу, бойцы развернулись в цепь. Неожиданно с фланга, из того самого ельника, затрещали автоматные очереди. Лыжники залегли на открытом поле. Их спасали только белые маскировочные костюмы. А из Пулкова в это время стали выдвигаться новые группы фашистов с явным

намерением обойти партизан. Положение наших бойцов еще больше осложнилось. И вот три смельчака — Александр Долгушин, Николай Шатов и Вася Горохов вскочили на лыжи и, стремительно перебежав открытое место, повели огонь по фашистам, засевшим в ельнике. Автоматные очереди Горохова и Шатова и снайперские выстрелы Долгушина заставили гитлеровцев на время замолчать. Воспользовавшись паузой, пулеметчик Кабир Абашев тоже переместился и, заняв удобную позицию, открыл огонь. Фашисты не выдержали и, выбравшись из ельника, бросились бежать. Лишь немногим из них удалось добраться до Пупкова. Повернули назад и те вражеские солдаты, которые спешили из села на подкрепление.

В этом бою проявил мужество и военфельдшер Евгений Мельников. Под сильным огнем противника он подогнал подводу и вывез с поля боя убитого партизана Людиновского отряда и тяжело раненного Ивана Чижикова. Затем подполз к Николаю Шатову и сделал ему перевязку...

Позднее удалось установить, что группа Пегова вела бой против маршевого батальона противника, который по пути на фронт останавливался на отдых в Пупкове. Так еще вдали от переднего края гитлеровцы не досчитались сорока солдат и двух офицеров. [159]

За отвагу, проявленную в бою, капитан Шестаков объявил перед строем благодарность Василию Горохову, Александру Долгушину, Николаю Шатову, Ивану Чижикову и фельдшеру Мельникову. Но возвратившись в штабную избу, он недовольно сказал:

— Как зайцев, могли пострелять вас!.. Василь, надо было как следует проинструктировать разведчиков!

Начальник разведки кивнул головой. Но комиссар ничего не ответил. Мне показалось, что он не согласен с командиром в оценке боя: мол, победителей не судят.

Очередную операцию силами взвода лейтенанта Головина успешно провели начальник разведки и начальник штаба. Совершив рейд за Десну, они выследили и разгромили вражеский обоз, захватили много скота, хлеба и уничтожили одиннадцать фашистов.

Замечательно прошла так называемая «Юбилейная» операция, которой командир решил ознаменовать месячный срок пребывания отряда в тылу врага.

По замыслу Шестакова, врагу нужно было нанести не только военное, но и моральное поражение. Поэтому местом действия он избрал поселок Сукремль, который фашисты считали неотъемлемой частью города Людиново.

В Сукремль ежедневно приезжали «сборщики продовольствия». Население презрительно называло их куродавами. На санях у них были установлены ящики с крышками, куда они складывали отобранных у жителей кур.

Но Шестаков решил сделать засаду не на куродавов, а на роту эсэсовцев, которая иногда выдвигалась в поселок для наблюдения за партизанским лесом.

Правда, на ночь фашисты не решались оставаться и убирались в город. Этим и решил воспользоваться капитан Шестаков.

Ожидание было томительным. На следующий день мы с Василием Васильевичем не выдержали и выехали Шестакову навстречу.

Стояло прозрачное и тихое утро. Март был уже на исходе, а зима будто и не собиралась уходить. Долго тогда мы с Василием Васильевичем, не снимая лыж, наблюдали в бинокли за Сукремлем, где Петрович притаился с засадой. [160]

В десять часов утра на улице поселка, выходящей к Людиново, послышалась густая стрельба. Треск автоматов и пулеметов иногда заглушался взрывами гранат...

Напрасно мы с Рыкиным старались что-нибудь рассмотреть. В бинокль видны были только крайние дома поселка. Хотелось вскочить и ринуться туда, где бой, на помощь друзьям.

Стрельба неожиданно оборвалась. Мы посмотрели на часы. Пять минут показались вечностью.

Что же произошло за это короткое время?

На рассвете взвод лыжников вошел в поселок и расположился тремя группами.

Ровно в десять часов к поселку сомкнутым строем подошла рота эсэсовцев. Позади нее двигался санный обоз.

Наша первая группа пропустила фашистов. Как только они подошли к домам, где засели две другие группы, капитан Шестаков, стоявший за углом, в упор выстрелил в офицера. Это был сигнал. Бойцы, замаскировавшиеся в укрытиях, открыли по гитлеровцам дружный огонь. Эсэсовцы в панике бросились назад. Но там их встретила свинцом первая группа, где находился с ручным пулеметом ефрейтор Кабир Абашев. Он-то и ускорил развязку боя. Когда небольшая горстка уцелевших фашистов стала бросать из огорода гранаты, пулеметчик кинжальным огнем заставил ее замолчать. Отличился и снайпер Александр Долгушин, прикончивший эсэсовца, который подкрадывался к командиру отряда.

На улицах поселка осталось более пятидесяти трупов гитлеровцев, в том числе офицер и четыре унтера. Тех, кто успел

унести ноги, никто не считал. Но их, очевидно, было совсем немного. Партизаны погрузили на сани свои лыжи, захваченное оружие и умчались в лес. Напуганные фашисты людиновского гарнизона в течение двух суток не решались войти в поселок. Трупы их солдат все это время валялись на улице. Лишь на третий день, после минометного обстрела и тщательной разведки, два батальона гитлеровцев отважились войти в Сукремль.

Оккупанты распространили слух, что в район Людинова из-за линии фронта проникло крупное соединение Красной Армии и пыталось занять город. Но, мол, встретив сильное сопротивление в Сукремле и понеся большие потери, красные снова ушли за линию фронта. Сказка [161] сказкой, а мы от души радовались тому, что наш небольшой отряд показал такую исполинскую силу.

* * *

В конце марта «Славный» провел еще несколько боевых операций. Некоторые из них осуществлялись совместно с партизанскими отрядами Золотухина, Аксенова, Воробьева и Андрюшина.

Очень трудный бой пришлось выдержать однажды группе В. В. Рыкина и Жуковскому партизанскому отряду, которым командовал К. Г. Андрюшин. Он же руководил всей операцией.

Им была поставлена задача уничтожить железнодорожный мост на реке Ветьме между Жуковкой и Олсуфьево. Партизаны и раньше несколько раз пытались это сделать, но безуспешно. Мост усиленно охранялся. Теперь же Андрюшин надеялся на успех. Он полагал, что объект и система его охраны изучены хорошо, что даже силами своего отряда сумеет подавить огневые точки противника.

— Со взрывным делом только неважно, — пожаловался он Рыкину.

— Взрыв моста беру на себя, — заверил Василий Васильевич. — У нас специалистов и взрывчатки хватает. Только бы к мосту подобраться, там осечки не будет!

— Добро! — сказал Андрюшин. — Подход обеспечим. На том и порешили. Но уже при обсуждении плана действий тому и другому стало ясно, что операция предстоит нелегкая. На деле оказалось еще сложнее.

Под покровом темноты бойцы группы Рыкина приблизились к мосту и, затаившись, стали ждать, когда жуковцы начнут атаку казармы, чтобы отвлечь внимание охраны. Но оборона у

гитлеровцев была организована хорошо. Как только партизаны стали приближаться к казарме, послышался лай сторожевых собак и вспыхнул мощный прожектор. Он осветил сначала жуковцев, темными пятнами расположившихся на снегу, а затем бойцов Рыкина, которые начали проделывать проход в проволочном заграждении перед мостом.

Все подходы к мосту и к казарме оказались пристрелянными, и партизаны попали под сильный перекрестный огонь противника. Вскоре по цепи передали, что командир отряда Андрюшин тяжело ранен. К нему поспешил наш [162] военфельдшер Мельников и тоже получил ранение... Ураганный огонь и ослепляющий свет прожектора парализовали действия партизан, и они вынуждены были отойти. После отхода жуковцев гитлеровцы сосредоточили всю огневую мощь на подступах к мосту. Бойцы Рыкина тоже вынуждены были отойти.

Все партизаны тяжело переживали гибель одного из прославленных своих командиров — К. Г. Андрюшина. Эту скорбь разделяли и наши бойцы.

Операция, таким образом, закончилась неудачно и все-таки имела для нас большое значение. Она в значительной мере помогла нам через несколько дней уничтожить тот же мост «бескровным» способом.

Операция предстояла трудная и опасная. Командир, комиссар и начальник разведки остановили свой выбор на Кондратии Мадее, Михаиле Семенове и Федоре Бухмане. Все трое были отличными спортсменами и хорошо знали подрывное дело...

Мадей, Семенов и Бухман, преодолев на лыжах более ста двадцати километров, незаметно подошли ночью к тому месту, где несколько дней назад кипел жаркий бой. Сняв лыжи, они бесшумно проползли под мост по льду, где не было проволочного заграждения, и стали терпеливо ждать, когда начнется очередная смена патрулей. Во время движения по мосту так или иначе возникнет небольшой шум; этими несколькими минутами и можно будет воспользоваться.

Для трех сильных и ловких бойцов, конечно, не представляло трудности уничтожить двух патрульных, но их исчезновение было бы сразу замечено из расположенной неподалеку казармы.

Долго лежали лыжники, выжидая удобного момента. Наконец он наступил. На мосту послышались окрики, шаги, покашливание. После успешного боя с партизанами охранники явно успокоились и не ожидали нового нападения на мост.

Не теряя ни секунды, три смельчака приступили к делу. Их здорово выручила спортивная закалка. Упершись ногами в лед, борец Федя Бухман ловко поднял на плечи младшего сержанта

Мадея. По спинам товарищей, точно кошка, вскарабкался цирковой акробат Михаил Семенов. В тени высокой железобетонной опоры возникла необычная пирамида. Наибольшая нагрузка [163] выпала на долю Феди. На плечах он держал двух парней, а на шее висели три вещевых мешка, набитых взрывчаткой. Кроме того, он еще передавал тол Кондратию. А Семенов уже закладывал взрывчатку в нишу.

Наконец был уложен последний кусок тола и мина с капсюлем-детонатором. Мадей, укрывшись мешком, щелкнул зажигалкой. Шустрый огонек, совершенно невидимый с моста, побежал по бикфордову шнуру.

Бойцы бесшумно отползли в укрытие, встали на лыжи и отправились в обратный путь. Когда они подошли к лесу, позади раздался мощный взрыв.

В ту же ночь взвод лейтенанта Головина и группа партизан из отряда Золотухина совершили налет на железнодорожную станцию Людиново. Перебив охрану, она подорвали шесть железнодорожных стрелок, восемнадцатиметровый мост и на протяжении трех километров повредили железнодорожное полотно. Одновременно группа в составе Ерофеева, Садовникова и Баранова взорвала железнодорожный мост близ станции Бетлица.

* * *

Начало апреля ознаменовалось новыми диверсиями на шоссейных и железных дорогах. Теперь отряд действовал небольшими группами, так как с наступлением весенней распутицы стало трудно передвигаться. Главные удары наносились по коммуникациям противника на участке Киров — Людиново — Жиздра. Здесь шло усиленное сосредоточение вражеских войск.

Несмотря на распутицу и плотность вражеской обороны, живая связь с Большой землей не прекратилась. В середине апреля за линией фронта в штабах 16-й и 10-й армий побывали группы Ерофеева и Софонова. Бойцы Михаила Ерофеева принесли с собой много боеприпасов и медикаментов. Это снова проявил о нас заботу член Военного совета Лобачев. Лейтенант Софонов передал в штаб 10-й армии важные сведения о Сещенском аэродроме и новые пароли для связи с агентурной группой, которую он создал.

Однако не все у нас шло гладко, случались и неприятности. Неудачно вначале сложился, например, розыск одного из наших

отрядов, который так же, как и мы, перешел линию фронта. В радиограмме, полученной с Большой земли, говорилось, что он находится где-то в [164] районе Брянска в тяжелом состоянии: большинство бойцов получили в пути обморожения. На розыски отряда лейтенанта Чупеева отправилась специальная группа — Леонид Митропольский, Григорий Ермолаев и Михаил Шурупов. Через неделю они вернулись, удрученные неудачей. На них жалко было смотреть. Заслуженный мастер спорта Митропольский осунулся, словно после тяжелой болезни. А ведь обычно он мог легко отшагать за сутки шестьдесят километров, выполнить задание и как ни в чем не бывало вернуться. Не лучше выглядел и известный стайер мастер спорта Ермолаев. А Михаил Шурупов совсем обессилел. Даже он, коренной житель Брянщины, на этот раз не сумел найти участок для переправы через Болву, которая вышла из берегов и соединилась с болотом. Да если бы они и перебрались на другой берег, им было бы очень нелегко отыскать небольшой отряд, затерянный в бескрайних Брянских лесах.

В пути бойцы узнали лишь подробности гибели мастеров спорта Валентина Фролова и Бориса Газаева. Направляясь на задание в Брянск, спортсмены остановились на ночлег в лесной землянке близ Любохны. А утром их внезапно окружили фашисты. В течение двух часов жители поселка слышали перестрелку и взрывы гранат. Потом, когда кончился бой, они видели, как гитлеровцы провели по улице рослого человека, который сильно хромал. По описанию это мог быть Борис Газаев. Никто из нас не склонен был думать, что борец тяжелого веса, чемпион Москвы сам поднял руки. Скорее всего, его схватили, когда он получил ранение. Валентина Фролова, павшего смертью героя, жители Любохны похоронили возле лесной землянки.

На розыски отряда Чупеева капитан Шестаков направил новую группу — Федора Бухмана и Сергея Константинова с разведчиками Сергеем Дворецким и Павлом Барановым, которые хорошо знали свою Брянщину.

— Разрешите и мне, товарищ командир, — попросил Митропольский.

— Ты же еле на ногах стоишь! — возразил капитан. — Отдохнешь немного — и догонишь их.

— Разрешите сейчас!

В его голосе было столько мольбы, что командир не выдержал.

— Ладно, собирайся, — махнул он рукой. [165]

Среди нас не было человека, которого бы не волновала судьба товарищей, попавших в беду. Лейтенанта Андрея Чупеева многие хорошо знали. Вместе с нами он воевал под Москвой...

Распутица осложнила боевую и разведывательно-диверсионную деятельность отряда. Болота стали непроходимыми. Из-за бездорожья заметно ослабла и активность партизан, находившихся в Дятьковских лесах.

Противник тоже вел себя тихо, но мы знали, что, как только подсохнут дороги, гитлеровцы попытаются предпринять все для ликвидации советского района в своем прифронтовом тылу. Поэтому мы не сидели сложа руки, совершенствовали оборону и связь, обучались подрывному делу, добывали взрывчатку, разряжая неразорвавшиеся авиабомбы противника.

Насыщая брянский участок фронта свежими войсками, гитлеровцы постепенно закрыли последние бреши, через которые осуществлялась живая связь партизан с Красной Армией. И все-таки к нам через линию фронта просачивались отряды.

30 марта 1942 года мы устроили теплую встречу отряду Курыленко. Среди прибывших оказались мой друг Василий Гордюк — заслуженный мастер спорта, рекордсмен-стрелок и партизан Борисов, которого я когда-то оперировал вместе с Георгием Знаменским. Петр Гаврилович еще заметно прихрамывал.

— А ведь догнал вас! — возбужденно говорил он. — И обгоню! Мы в Крупский идем. Помните, я говорил, что там моя родина...

Не один я радовался в этот день. Василий Васильевич встретил друга по прежней работе — начальника разведки курыленковекого отряда Дениса Лысенко. Всю ночь они шептались, вспоминая общих знакомых. А утром, потирая красноватые от бессонницы глаза, Василий Васильевич сказал мне, немного смущаясь:

— Знаешь, перед тем как идти сюда, Денис видел мою жену. Наше командование ей сообщило, где я нахожусь! Здорово, а?

Я хорошо понимал его состояние. У меня тоже будто крылья выросли за плечами, когда Гордюк передал привет от жены. Вера, окончив радиошколу, возвратилась в бригаду и тоже готовится на задание. Гордюк сказал, что она просила командование направить ее в «Славный». [166]

Мы снабдили Курыленко всем, чем могли, и пожелали успехов. Провожая однополчан, никто, конечно, не предполагал, что скоро их постигнет большая беда...

24 апреля мы снова встретили однополчан. Прибыл отряд капитана Павла Шемякина. Опять объятия, расспросы и разговоры. На этот раз многие получили письма из дому. Они показались нам дороже боеприпасов, которых мы, кстати, тоже с нетерпением ждали.

В отряде Шемякина оказался мой однокашник Саша Бронзов. До ухода на задание он почти ежедневно видел Веру, вместе с ней делал операции. Провожая Сашу во вражеский тыл, моя жена напутствовала его пожеланием встретить меня... Ее отъезд задерживается. Похоже, что Веру готовят к заброске в Болгарию с группой болгарских антифашистов.

Из-за половодья дальнейшее продвижение отряда Шемякина задержалось. Мы крепко подружились с его бойцами и даже после, когда он перешел в другой район, поддерживали связь и нередко вместе проводили боевые операции.

Накануне майских праздников вернулся Леонид Митролольский и доложил: лейтенант Чупеев наконец найден. Он оказался за Болвой в районе Орловых двориков. Отряд действительно находился в очень тяжелом положении: большая часть бойцов получила сильные обморожения, двое умерли от гангрены...

Выслушав Митропольского, капитан Шестаков долго смотрел в окно и курил.

Наконец он обернулся и, взглянув на меня, спросил:

— Как ты думаешь поступить с больными?

Вопрос не застал меня врасплох. Я доложил свои соображения. Командир согласился. Теперь требовалось уточнить количество больных и характер обморожений.

Разыскав Митропольского, я еле разбудил его. Он сел и с минуту смотрел на меня, силясь понять, о чем его спрашивают.

— Честное слово, не знаю, — ответил он наконец. — По-моему, они все еле передвигаются. Мы с Федей многих на руках в лодку переносили.

Под вечер я с Мельниковым и Петрушиной выехал в поселок Ивот.

Ивотская поселковая больница оказалась пустой: ни единой кровати, ни одного шкафчика. Никаких инструментов, [167] не говоря уже о медикаментах. Я ходил по палатам и думал, с чего начать. Решил попросить поселковых женщин помыть полы и узнать, где можно достать койки и постельные принадлежности. Хирургические инструменты у меня были. Хуже обстояло дело с перевязочным материалом. Но поселковые женщины уже не раз выручали отряд бинтами, нарезанными из холщевой ткани.

Пришли женщины и дружно взялись за уборку. А я пошел к председателю поселкового Совета договориться о постелях и молоке для больных. Он выслушал меня и с хитроватой ухмылкой сказал:

— Вам такие женщины пришли помогать, которые черта из-под земли достанут. Потолкуйте с ними. Среди них, между

прочим, есть медсестры.

Вернувшись в больницу, я не поверил своим глазам. Евгений Мельников и Мария Петрушина ликовали. В палатах стояли заправленные белоснежным бельем кровати, тумбочки, в операционной две медсестры приводили в порядок стол. В стерилизаторах кипятился хирургический инструмент...

Все это показалось мне сном. Женщины, довольные, что приподнесли сюрприз, объяснили, в чем дело.

Когда противник первый раз занял поселок, в больницу явились комендант людиновского гарнизона и военный врач. Осмотрев палаты, они объявили, что здесь будет немецкий госпиталь, и приказали персоналу привести все в порядок. Затем гитлеровцы доставили сюда медикаменты и медицинское оборудование. Когда комендант и врач вскоре приехали проверить, как идет работа, они увидели, что больница пуста. Медсестры и санитарки сокрушенно качали головами и оправдывались:

— А что же мы поделать могли? Налетели партизаны и все забрали до ниточки!

На самом же деле медперсонал, выполняя распоряжение райисполкома, в течение одной ночи «спрятал» госпиталь. А теперь вот укрытое имущество пригодилось. Буквально в течение нескольких часов больница была приведена в полную готовность.

Лейтенанта Андрея Чупеева и его бойцов мы привезли в поселок утром 1 мая. Там не было почти ни одного человека, который бы не нуждался в какой-либо хирургической операции и другой медицинской помощи. После осмотра и перевязки Чупеев и начальник штаба Михаил [168] Шульгин отправились к Шестакову. Порывался ехать и комиссар, но я задержал: у него уже начиналась гангрена стопы, требовалась срочная операция.

Это был один из самых напряженных дней в моей хирургической практике. Больше мне никогда не довелось делать так много операций. Хорошо, что помог Миша Тарасов — военфельдшер чупеевского отряда. Он и сам во время операции держался мужественно и все время подбадривал бойцов. Такая моральная поддержка была очень нужна: у нас не хватало обезболивающих средств.

Несмотря на трудную обстановку в операционной, я не мог удержаться, чтобы не узнать, при каких обстоятельствах обморозились почти все люди отряда. И вот что выяснилось из разговоров с лейтенантом Оборотовым, Тарасовым и некоторыми бойцами.

Когда отряд собрался переходить линию фронта, началась оттепель. Командир принял решение всем идти в сапогах. Он не

предвидел, что через два дня вновь ударят морозы. Сразу после перехода линии фронта отряд был обнаружен и, преследуемый вражескими лыжниками, стал уходить все глубже в лес. Наконец ему удалось оторваться от противника, но он далеко уклонился от намеченного маршрута. Путь преградили топкие болота. Вскоре кончилось продовольствие. Морозы усилились...

— Могли погибнуть, если бы случайно не встретились с отрядами Ромашина и Дуки, — рассказывал мне потом лейтенант Оборотов. — Они поделились с нами продуктами и медикаментами...

Михаил Оборотов сообщил мне фамилии двух бойцов, умерших в лесу от гангрены и дистрофии. Я чуть не вскрикнул от боли в сердце, когда узнал, что одним из них был Володя Утевский. Перед моим мысленным взором снова возник образ этого спокойного, тихого юноши с огромными умными глазами. Вспомнилась и его мать, Мария Утевская, врач-хирург и секретарь парткома института. Как она просила присматривать за Володей!

Второй погибший — боец Давлетшин. У борца-богатыря бурно развивалась гангрена, его знобило. Заботливый Игорь Экгольм пытался согреть товарища своим телом и на: рассвете обнаружил, что обнимает труп. У самого Игоря были обморожены обе ноги. Сильно пострадал и мой московский знакомый Глеб Щелкунов... [169]

Поздно вечером 1 мая я закончил последнюю операцию. Саша Зевелев, для которого у меня совсем не осталось новокаина, держался хорошо. У него даже хватило воли пошутить, когда его увозили из операционной.

— А помните, доктор, — сказал он, — как мы ночью лес прочесывали под Москвой? Я тогда лицо веткой оцарапал... По-моему, в тот раз вы волновались больше, чем теперь.

— Возможно, — ответил я рассеянно, поразившись силе духа этого человека.

Спустя двадцать лет, в 1962 году, на встрече однополчан ко мне подошел, прихрамывая, солидный человек и стиснул меня в своих объятиях. Это был тот самый Саша, а теперь доктор исторических наук, профессор Зевелев.

* * *

Несколько ночей подряд я с помощниками провел около оперированных бойцов. Но дежурили мы уже не в больнице, а на партизанском аэродроме, расположенном близ Дятьково. Обстановка вокруг советского района резко ухудшилась.

Гитлеровцы стали вторгаться в партизанскую зону. Было решено эвакуировать самолетами всех раненых на Большую землю.

В небе творилось что-то невообразимое. Наша авиация бомбила Брянский железнодорожный узел, на который прибывали вражеские эшелоны со свежими войсками, а также наносила удары по гарнизонам, где концентрировались каратели.

Самолеты пролетали над партизанским аэродромом. Их то и дело атаковали ночные истребители противника. Здесь же кружили и сбрасывали на нас бомбы самолеты противника, а их атаковали наши истребители: партизанский район, в том числе и наш аэродром, систематически бомбила вражеская авиация. Ночное небо гудело от пулеметных очередей, земля содрогалась от взрывов.

И сквозь этот кромешный ад самоотверженно пробивались маленькие По-2 и садились на наш аэродром. А поскольку каждый из них мог забрать не более двух раненых, самолетов требовалось много.

В одну из ночей на аэродроме появился капитан Шестаков. Он возвращался из Дятьково с совещания командиров отрядов, созванного райкомом партии в связи с [170] начавшимся наступлением оккупантов на партизанскую зону.

— Быстрее управляйся, — сказал мне командир. — Ты в отряде нужен.

Он, конечно, знал, что прилет самолетов зависел не от меня. К счастью, все самолеты пробились, и я благополучно закончил эвакуацию оперированных бойцов.

Вернувшись в отряд, я сразу заметил, что народу там стало значительно меньше. Дороги подсохли, и Шестаков разослал бойцов для выполнения диверсий и на разведку. За Десну, в Жирятинский район, для подготовки новой базы ушел с группой начальник разведки Рыкин. Отправились на задание разведгруппы Шемякина и Кочуевского...

Группа в составе лейтенантов Чупеева и Оборотова, Николая Садовникова, Янки Писарева и Михаила Егорова пустила под откос вражеский воинский эшелон с танками и автомашинами. Это произошло близ станции Батагова, на железнодорожной линии Брянск — Москва. Возвращаясь в отряд, группа Чупеева близ станции Стеклянная Радица повредила около трех километров телефонной линии противника и уничтожила десять немецких солдат-связистов.

Лейтенант Егорычев с Мадеем и Семеновым взорвали железнодорожный мост и более двух километров полотна на Урицкой железной дороге. Наши бойцы успешно осуществили ряд налетов на полицейские гарнизоны: группа старшины

Элердова — в деревне Коконово, лейтенанта Головина — в нескольких деревнях Рогнединского района, Рыкин со своими разведчиками — в Санниках и Неделке. В общей сложности было уничтожено около трехсот вражеских солдат и полицейских.

С хорошими результатами возвратился из Сещи лейтенант Григорий Софонов. Он окончательно оформил связи с подпольной разведывательной группой на вражеском аэродроме и помог ей связаться с нашей разведкой. По дороге в отряд Софонов «прихватил» переводчика Сещенского аэродрома, которого в одной из деревень задержала юная разведчица Зина Маркина. Пленного ефрейтора немедленно отправили самолетом на Большую землю...

* * *

«Славный» по распоряжению из Москвы перебирался в другой район. Но мы переходили, как говорится, не на [171] пустое место. Отправившийся туда первым Рыкин установил связь с местными партизанскими отрядами — Глебова, Понасенкова, Силыча и майора Рощина. Их базы находились в клетнянском лесу, недалеко от Рославля.

В конце мая 1942 года на новую базу, расположенную в деревне Упрусы Жирятинекого района, прибыла вторая группа нашего отряда. Ее возглавлял комиссар Василий Сергеевич Пегов. Капитан Шестаков с остатками отряда покинул Дятьковский район последним, когда в партизанской зоне уже развернулись тяжелые бои с карателями. Обстановка была напряженной. Если партизаны Золотухина все еще сдерживали натиск гитлеровцев, наступавших со стороны Людиново, то П. Г. Дробышев со своими бойцами вынужден был оставить населенные пункты Сельцо и Бытошь и отходить к Дятьково. Отряды Орлова, Орешина, Емлютина, Ромашина и Дуки, оборонявшиеся на Болве, вели бои с противником, который во много раз превосходил их по численности и вооружению. Не лучше было положение и на Десне. В районе тринадцатого километра с трудом отбивали атаки отряды Михалыча (Ефима Михайловича Воробьева) и Виноградова. Два наших отряда — Шемякина и Кочуевского, входившего в бригаду П. Л. Червинского «Смерть фашизму», — взаимодействовали с Михалычем. После тяжелого боя в районе Старое Лавшино, Умысличи, Годуновка они погрузились на бронепоезд и отошли сначала в Дятьково, а затем в Придеснянский лес.

Партизанский бронепоезд был, разумеется, примитивный:

маленький паровозик, несколько теплушек, защищенных мешками с песком, и две платформы с легкими пушками. Тем не менее с его помощью наши бойцы отбили несколько крупных атак противника.

Итак, наша группа, возглавляемая Шестаковым, уходила последней. Тяжело нам было расставаться с жителями Ивота. В отряде насчитывалось более двадцати местных юношей и девушек, которые пришли к нам в самые первые дни. Теперь они покидали родной поселок, а их родственники оставались — и Таисия Садовникова, сестра Николая и Ильки, и мать молодой учительницы Лиды Кузовковой, и родители Ани Польгуевой и ее юного брата. Не уезжали из поселка семьи Шурупова, Башкирова, Холопова, Дворецкого, Баранова и многих других. [172] Трудно было предугадать, как сложится их дальнейшая судьба.

Расставание еще более омрачилось гибелью самого юного партизана — Коли Курлапова, тоже местного жителя.

Как ни торопились мы с уходом, все же Шестаков решил задержаться и похоронить разведчика, со всеми почестями.

На кладбище состоялся траурный митинг. Анатолий Петрович произнес короткую речь. Прогремел троекратный залп.

Я всматривался в горестные лица людей,; и горло сжимали спазмы. Многие здесь были мне хорошо знакомы. Я часто бывал в поселке, оказывая жителям медицинскую помощь. Люди, казалось, забыли о себе, о том, что через день-два в их поселок нагрянут гитлеровцы. Они думали и беспокоились о тех, кто уходит. Нет, не только о своих близких, а о нас, москвичах, о нашем отряде. Мы уходили и боялись встретиться с вопрошающим взглядом Матрены Дмитриевны Кузовковой. Ее дочь, разведчица Лида, была на задании. Связь с ней оборвалась, и о судьбе командир пока ничего не знал.

А вскоре стало известно, что с Лидой стряслась беда Ее и Аню Польгуеву гитлеровцы схватили в селе Мужиново. После зверских пыток разведчиц перевезли в Акуличи и передали в руки гестапо. Но и изощренные гестаповцы не смогли заставить патриоток выдать тайну. Истерзанных, их расстреляли на кладбище.

Правда, Матрена Дмитриевна так и не узнала о гибели дочери. Через несколько дней после нашего ухода из поселка каратели сожгли ее в собственном доме...

...Доехав до Стари, мы оставили бронепоезд и пошли к Десне пешком. Путь предстоял неблизкий. К тому, же надо было пересечь сильно охраняемую железную дорогу Брянск — Рославль, а после форсирования реки преодолеть большой участок открытой местности.

Ночь была темная, но местные проводники ориентировались

хорошо, особенно пожилой лесничий Тихон Герасимович Мортиков. Он безошибочно вывел нас к железнодорожной линии. Разведчики уползли вперед, а мы затаились в мокрой траве, в ста с лишним метрах от насыпи. Слышалось только тихое гудение проводов телефонной линии. [173]

Но вот вернулись наконец разведчики. Я услышал, как Семенов шепотом доложил командиру:

— В четырехстах метрах слева стоит бронепоезд. Мы установили мину... на случай, если двинется в нашу сторону.

Мы знали, что здесь курсирует вражеский бронепоезд, причем настоящий. Но то, что именно теперь он окажется на нашем пути, никто не предвидел.

Пауза затянулась. Мне показалось, что командир колеблется. Но нет, он просто выжидал удобный момент. Внезапно по железнодорожному полотну хлестнул мощный сноп света. Затем луч прожектора метнулся к лесу, и тотчас же бронепоезд открыл мощный артиллерийский и пулеметный огонь. Все вокруг загудело, над насыпью взвились осветительные ракеты. Стало светло как днем. Бойцы лежали не шелохнувшись, и, видимо, многие решили, что нас обнаружили.

— Спокойно, — раздался сильный и твердый голос Шестакова. — Он, холера, наугад стреляет!

И словно в подтверждение слов командира, вражеский бронепоезд перенес огонь на другую сторону дороги. А еще через две-три минуты стрельба и пляска прожектора оборвались так же внезапно, как и начались. Нас снова захлестнула кромешная тьма, вокруг опять воцарилась гнетущая тишина.

— Вперед! — прошелестела по цепи команда.

Развернутый по фронту отряд словно одним прыжком перескочил через насыпь и стремительно пошел к реке. А примерно через час бойцы, подымая над головами вещевые мешки и оружие, по горло погрузились в холодную Десну.

Над землей уже поднималось солнце. Река и прибрежные заливные луга были окутаны густым туманом.

Мы шли, увязая в раскисшей земле, падали, вставали и снова продвигались вперед...

Еще через день, 11 мая 1942 года, мы добрались до лесного поселка Витлус. Группы начальника разведки, комиссара и лейтенанта Чупеева находились уже там. Теперь «Славный» был в сборе, если не считать нескольких диверсионных групп, которые Рыкин отправил на боевые задания.

На какое-то время мы остановились в поселке Новая Эстония, расположенном неподалеку от Козелкина Хутора. [174]

Здесь же находились штаб и санитарная часть отряда «За

Родину», которым командовал И. А. Понасенков.

В начале войны Иван Александрович был младшим политруком. В боях под Лубнами с горсткой бойцов попал в окружение. Пробившись в родные места, на железнодорожную станцию Белоглавая, он установил связь с жуковскими партизанами, а позже и с нашим отрядом. Капитан Шестаков направил к нему тогда двух наших замечательных коммунистов — Василия Гордюка и Дениса Лысенко.

И вот мы встретились снова. Но теперь это была уже не группа, а полнокровный боеспособный отряд «За Родину». Выросли и наши посланцы. Гордюк стал заместителем командира, а Лысенко возглавлял разведку.

Здесь необходимо пояснить, что Василий Гордюк и Денис Лысенко — это двое из пяти уцелевших бойцов отряда Курыленкова. Остальные погибли в жестоком и неравном бою на подступах к Стародубу.

На следующий день к нам в санчасть доставили тяжело раненного партизана. Я узнал в нем старого знакомого Петра Гавриловича Борисова. Он находился в очень тяжелом состоянии: девять ран на руках и ногах были сильно загрязнены.

Во время операции в избу вошел невысокий подвижный человек со смуглым лицом.

— Может, вам помочь? — спросил он с порога.

— Спасибо. Уже заканчиваю. А вы кто будете?

— Павел Григорьевич Гриненко, врач отряда «За Родину», — представился он. — Мне о вас начальник разведки рассказывал...

Так я познакомился еще с одним коллегой. Наше знакомство переросло потом в дружбу.

Вскоре из клетнянского леса в поселок прибыли командир и комиссар одного из отрядов Константин Васильевич Рощин и Лев Михайлович Лещинский. С ними приехал и начальник медицинской службы. От Митропольского, ходившего к ним на связь, я слышал, что в этом отряде, состоявшем в основном из офицеров, оказавшихся в окружении, есть профессор хирург. Увидев его теперь, я даже оторопел от неожиданности. Передо мной в залатанной военной форме стоял доцент нашего медицинского института Николай Григорьевич Кузнецов. Он тоже узнал меня. [175]

Устроившись в моем тесном шалашике, мы проговорили всю ночь напролет. Я узнал тяжелую, но поистине героическую историю из жизни своего учителя.

Пятидесятилетний корпусной хирург, военврач первого ранга Н. Г. Кузнецов, оказавшись отрезанным от своей части, собрал группу таких же, как он, окруженцев и повел их к фронту в

направлении Смоленска. В прифронтовой полосе гитлеровцы захватили их в плен.

Через два дня Николай Григорьевич бежал из колонны военнопленных. Блуждая по лесу, он встретил нескольких красноармейцев и опять создал группу. Но теперь военврач знал, что без оружия невозможно пробиться к своим. На шоссе Могилев — Рославль группа остановила вражескую штабную автомашину, захватила несколько автоматов и бросилась в лес. Но следом шла другая машина — с солдатами. Они открыли огонь. Раненный, Николай Григорьевич вновь оказался в плену. Там он заболел тифом. Пленные тщательно укрывали больного от лагерной жандармерии. Иначе его постигла бы участь многих сотен тифозных: фашисты их сбрасывали в огромный ров...

От верной смерти хирурга спас Хуан Родригес.

— Я вас сразу узнал, доктор! — радостно воскликнул он, когда первый раз Николай Григорьевич пришел в себя. — По Испании хорошо запомнил: вы делали мне операцию... Я счастлив помочь вам!

Бурная радость Хуана повлекла за собой новые неприятности. Слышавший его предатель донес фашистам, что Кузнецов — коммунист и воевал добровольцем в Испании. Комендант лагеря вызвал Николая Григорьевича к себе и, угрожая виселицей, потребовал, чтобы он публично отказался от коммунистических убеждений. За отречение фашист обещал отпустить врача.

Николай Григорьевич ответил, что он еще слаб для роли изменника, что ему нужно поправиться после болезни. Комендант не понял иронии пленного и отправил его долечиваться. Затем Кузнецова опять вызвали к коменданту. Николай Григорьевич увидел рядом с ним одного из своих московских знакомых врачей. У старого врача чуть сердце не лопнуло от гнева.

— Николай Григорьевич! — обратился тот. — Вам, как профессору, предлагают возглавить клинику в Могилеве. [176]

И опять хирург попросил отсрочки. Сутулясь и кашляя, он сказал:

— Дайте, господа, поправиться... В Борках у меня свояченица живет... У нее корова, куры... Разрешите поехать туда, отдышаться!

«Коллега» смерил взглядом сгорбленного старика с худым лицом и предложил коменданту:

— Может, ему дать возможность подкормиться? Сейчас из него толку не будет.

Комендант согласно кивнул. Кузнецова выпустили из лагеря. Он вышел и всю дорогу озирался по сторонам: боялся, как бы фашисты не устроили за ним слежку. Ведь в Борках у него не

было никакой свояченицы. Он назвал эту деревню только потому, что она находилась рядом с лесом. А там он надеялся встретить партизан.

Так он оказался в отряде Рощина.

— А что же с тем... с вашим бывшим учеником? — спросил я.

Николай Григорьевич признался, что у него к нему двойственное чувство.

— С одной стороны, я ненавижу его за малодушие, с другой — мне до сих пор непонятно его отношение ко мне. Если бы не он, меня не отпустили бы из лагеря.

Утром я рассказал о профессоре Шестакову, и мы вместе составили радиограмму в Москву. Вскоре пришел ответ: за Николаем Григорьевичем Кузнецовым прилетит самолет!

Но прилетел он только через месяц. Все это время мы находились вместе. Он не раз оказывал помощь мне и другим врачам.

Гордый и непреклонный армейский хирург Н. Г. Кузнецов даже не догадывался, что Иван Иванович Пулин был одним из организаторов лагерного подполья. Он помог спасти от смерти десятки советских командиров и бойцов, немало медицинских работников. Благодаря ему и самого Николая Григорьевича отпустили из концлагеря в лесную деревню. А он ушел к партизанам.

* * *

На просторной лесной поляне собрались все бойцы и командиры «Славного». Партийно-комсомольское собрание открыл новый парторг заслуженный мастер спорта Николай [177] Иванович Шатов. Он уже поправился после ранения и возглавлял теперь одну из диверсионных групп.

Сообщение об обстановке сделал начальник разведки. Василий Васильевич подчеркнул, что она в целом благоприятна для активных партизанских действий.

— Противник начал усиленную переброску к фронту живой силы и техники. Движение на коммуникациях настолько интенсивно, что гитлеровцы не в состоянии обеспечивать охрану автоколонн и проверять дороги. Может быть, поэтому, — сделал вывод начальник разведки, — противник применяет сейчас новую тактику: формирует колонны небольшие, но пускает их почаще, чтобы в дороге они прикрывали одна другую. Наши подрывники должны учитывать это и проявлять больше бдительности. И действовать! Но у нас маловато взрывчатки.

— Взрывчатка есть! — послышался голос Оборотова.

Сидевший рядом с Рыкиным капитан Шестаков улыбнулся. Он догадывался, какую взрывчатку имеет в виду лейтенант.

Взрывчатка и в самом деле лежала вокруг. Осенью 1941 года здесь проходила линия фронта. На полях и лесных опушках остались тысячи мин — наших и немецких. Они мешали и местному населению и партизанам. Но беда в том, что карт минных полей — ни своих, ни вражеских — у нас не было.

И все-таки решили действовать.

Была создана специальная группа. В нее вошли лейтенант Оборотов, Михаил Егоров, Илья Садовников, Ян Писарев, Алексей Усачев и несколько других бойцов. Возглавил ее начальник штаба Медведченко.

Минеры проявили исключительную отвагу и мастерство. Они работали без миноискателей. Смерть подкарауливала их буквально на каждом шагу. И все-таки они блестяще справились со своей задачей. В отряд потекла взрывчатка. Группы подрывников укладывали ее в вещевые мешки и уходили к шоссейной и железной дорогам... В дневнике начальника штаба под рубрикой «Отмечаем годовщину войны» стали все чаще появляться лаконичные записи о новых взрывах.

> «...6 июня первый взвод внезапно напал на вражеский гарнизон, охранявший участок Клетня — Красное, сжег казарму, подорвал два километра железнодорожного полотна и уничтожил шесть километров связи. [178]
>
> 7 июня группа младшего сержанта Кондратия Мадея на одном из перегонов Брянск — Рославль подорвала три железнодорожные платформы с военным грузом.
>
> 8 июня рота лейтенанта Головина разгромила вражеский гарнизон в селе Кучеево.
>
> 9, 10 и 11 июня на железные и шоссейные дороги Брянск — Рославль и Брянск — Гомель вышли одновременно пятнадцать групп. Они вывели из строя несколько мостов и подорвали много километров железнодорожного полотна.
>
> 12 июня днем группа Мадея под носом у фашистов заминировала дорогу на участке Леденево — Брезготка. Две грузовые машины с боеприпасами взлетели на воздух.
>
> 13 июня на том же участке бойцы лейтенанта Головина подорвали на минах пять вражеских автомашин с солдатами и одно орудие.

14 июня группа Эдуарда Бухмана, заложив мины на шоссе в районе Песочное, подорвала три грузовые автомашины с боеприпасами и одно орудие...»

Так же успешно действовали подрывники и в последующие дни. Особенно отличились группы Николая Шатова, Михаила Семенова, Михаила Плетнева, Виктора Зайпольда, Али Исаева и Павла Мартынова.

Другие отряды тоже усилили «дорожную» войну. На некоторых коммуникациях движение противника было полностью парализовано.

Приближалась годовщина начала Великой Отечественной войны. Ее мы решили отметить мощным ударом по гитлеровским захватчикам. Все группы стягивались на базу.

Капитан Шестаков, посоветовавшись с командирами рот, решил произвести ночной налет на крупный вражеский гарнизон, расположенный в Брезготке. Это большое село находилось вдали от леса, и оккупанты считали здесь себя в относительной безопасности, проявляли даже некоторую беспечность.

Ночь перед выходом отряда на задание выдалась особенно тихая. Но мне не спалось. Я лежал на сеновале рядом с военфельдшером Евгением Мельниковым и думал о совещании, которое недавно закончилось. На нем обсуждался план боевой операции, каждому подразделению ставилась конкретная задача. [179]

Шестаков решил оставить меня здесь. Я, по молодости, вскипел. Как же так? Ведь выступает весь отряд... Я обязан лично организовать медицинское обеспечение!

Шестаков посмотрел на меня своими добрыми глазами и, протянув кисет, спокойно сказал:

— Закури-ка лучше... Добрый самосад попался! А кипятишься зря. В бою мы и без тебя обойдемся, а вот после боя... Кому оперировать раненых? Мне, что ли?

По этому вопросу мы часто сталкивались с Петровичем. Он, конечно, был по-своему прав. Раненых у нас стало много. Кроме того, мне часто приходилось оказывать медицинскую помощь местному населению.

Но и у меня были свои мотивы. Я был убежден, что место врача — на поле боя. Чем раньше делается хирургическая обработка раны, тем успешнее потом идет лечение. Кроме того, медики своим присутствием оказывают на бойцов психологическое влияние. Все это я выпалил на совещании. Последний аргумент вызвал у многих улыбки.

— А ведь верно говорит, — заметил комиссар. — Когда врач

рядом, как-то веселее на душе. Правда, голову на место он все равно не пришьет, но чувствуешь себя лучше, когда рядом.

— Точно! — подал голос начальник штаба. — Бойцы того же мнения. Человек всегда человек.

— Ладно, — хмуро согласился Анатолий Петрович. — Потом потолкуем... А задачу тебе не ставлю, сам решай. Медицина!..

* * *

На другой день отряд выступил в путь. Я ехал на лошади рядом с командиром и несколько раз пытался с ним заговорить. Но капитан Шестаков не отзывался даже на шутки. Лишь вечером, когда мы перед броском через открытое место сделали последний привал на опушке леса, Шестаков подобрел и вдруг спросил:

— Ты в котором часу родился?

Я не ожидал такого вопроса и ответил:

— Не знаю. Как-то не приходилось говорить об этом с матерью.

— Когда же тебя поздравлять? — буркнул он, не вынимая изо рта трубку. — Ну ладно, после боя поздравлю... [180]

А ты, слышь, особо не зарывайся. Ко мне поближе держись: обстановка будет яснее.

Наконец вернулись разведчики. Мадей доложил, что в селе кроме охранного гарнизона расположились на ночлег две маршевые пехотные роты. У них три тягача с орудиями и бронемашина.

Данные Мадея почти полностью совпадали с теми, которые Рыкин получил от своих разведчиц — Ани Сидоровой и Ольги Шандыба, вернувшихся в отряд в связи с тем, что гестапо напало на их след.

— Вот и отлично, — сказал Шестаков, словно уже разгромил врага. — Значит, не зря столько километров протопали!

Когда до села оставалось не более полусотни шагов, в воздух взлетела ракета. Это означало, что все вражеские посты сняты. Цепочки бойцов молча пошли вперед, а потом побежали. Вскоре по селу прокатилось мощное «ура!», утонувшее в трескотне автоматов и пулеметов.

Вокруг подорванной бронемашины метался с пучком горящей соломы старшина Яковлев. Диваков и Блащук прилаживали к тягачам и орудиям гранаты и кирпичики тола... Бойцы работали быстро, сноровисто. Застигнутые врасплох гитлеровцы сначала вели редкий беспорядочный огонь. Но потом, когда пламя пожара охватило караульное помещение и казарму, когда вспыхнули

тягачи и бронемашина, они, укрывшись в домах, начали вести прицельную стрельбу по нашим бойцам, фигуры которых уже отчетливо выделялись на фоне пожара. Нам становилось труднее. Али Исаев и Кабир Абашев бросились к одному из домов, с крыши которого беспрерывно строчил вражеский пулемет.

Шестаков зычным голосом подавал команды, стараясь в первую очередь уничтожить пулеметные точки противника. Одна из них была особо опасной. На другой стороне шоссе, куда пожаром отогнало ночную мглу, красноватыми вспышками полыхал проем двери. Оттуда доносился басовитый зык крупнокалиберного пулемета... Шестаков оглянулся, но адъютанта не оказалось рядом.

— Побьет, холера, ребят! — ругнулся командир. — Гляди, как садит! Ему только гранатой можно заткнуть глотку...

Я тоже хорошо видел этот красноватый вздрагивающий [181] прямоугольник двери. И только тут до меня дошел смысл слов капитана. Отцепив противотанковую гранату, я пригнулся и побежал по канаве. По дороге увидел Шатова. Выкуривая фашистов, он стрелял из автомата по окнам избы.

— Этих без нас добьют... Давай сюда! — крикнул я ему, и мы вместе перемахнули через шоссе. Потом поползли, не спуская глаз с мерцающей от выстрелов двери. На мгновение пулеметное рычание прекратилось, и красноватый прямоугольник исчез.

Неожиданно рядом послышалось частое дыхание и хриплый шепот старшины Яковлева:

— Командир приказал вернуться... Вам, доктор, вам!

Я хорошо расслышал его слова, но в этот момент вновь засветился дверной проем и басовито загудел пулемет. Мне показалось, что он находится так близко, что слышно звяканье стреляных гильз. Повернувшись на бок, я что было силы бросил гранату. Шатов и Яковлев приникли к земле...

А позади, там, где вздымалось пламя пожара, в небе заколыхалась ракета: Шестаков подал сигнал выходить из боя. Я еще раз взглянул на то место, откуда только что стрелял крупнокалиберный пулемет. Он уже не мешал отряду.

Мы выскочили на освещенное пожаром шоссе. Но гулкая, сыпучая очередь загнала нас обратно в канаву. Я опять оглянулся: неужели ожил? Нет. Теперь пулеметные очереди обдавали шоссе откуда-то сбоку. Отряд уходил все дальше, а мы втроем лежали в придорожной канаве, отрезанные огнем.

— Похоже, станкач Башкирова бьет... Собака! — выругался старшина.

Я вспомнил: перед пулеметной тачанкой Николая Башкирова командир поставил задачу — во время выхода отряда из боя

отсечь противника огнем станкача. Но раздумывать было некогда. Мы ринулись через шоссе. Бежали и падали, крича и ругаясь. Мы выкрикивали наш пароль «Кремль», но голоса тонули в пулеметном рокоте.

Отряд настигли в лощине. Он уже давно был в сборе, ожидали нас. Когда мы подошли, Шестаков вдруг грубовато и неуклюже обнял меня.

— Поздравляю... с днем ангела! А пулемет ты здорово рубанул, не то бы он много накосил, холера! [182]

— Мы бросали... одновременно, — ответил я.

— А я не знал, что у доктора день рождения, — отряхивая с куртки землю, сказал Шатов. — По этому случаю прошу, товарищ командир, уничтоженный крупнокалиберный пулемет противника занести на личный счет доктора.

— И я об этом прошу, — поддержал его старшина.

Подходили поздравлять и другие, но мне было не до того. Нервное напряжение проходило. По телу разливалась неприятная усталость. А в стороне от нас с присвистом рвались мины: оставшиеся в живых гитлеровцы пускали их наугад.

Над лощиной послышался тревожный голос начальника штаба!

— Не видно их — до самой Брезготки ползали...

— Здесь они, — ответил ему командир. — Сейчас тронемся: рассвет скоро!

Минут через пять в лощину лихо вкатила пулеметная тачанка. Николай Башкиров спрыгнул на землю и, похлопав ладонью по кожуху станкача, бойко доложил:

— Товарищ командир! Задача выполнена. Когда отряд отходил, какие-то три ошалелых гитлеровца бегали по шоссе... Вот уж я им подбросил огоньку! Так и пришил к шоссе!

— Спасибо, — угрюмо усмехнулся я, растирая ушибленное колено.

Башкиров растерянно замолчал, а Петрович слегка подтолкнул меня:

— Тогда вдвойне — с днем рождения!

Потом он скомандовал:

— Шагом марш!

Отряд, все более растягиваясь, направился к лесу. Позади на догорающих складах противника взрывались боеприпасы.

А впереди, над кромкой векового леса, близкого и родного, все больше алело небо. Оно возвещало наступление нового дня, светлого и большого, насыщенного благородной борьбой с врагами Родины. Бойцы «Славного» шли к новым боям и походам. [183]

В клетнянских лесах

Нам было все отпущено сверх меры — Любовь, и гнев, и мужество в бою.

Н. Рыленков

Клетнянский лес полнился птичьим гомоном и пьянил запахами трав. Шалаши и шелковые палатки утопали в зелени. Возле них в козлах стояли винтовки и ручные пулеметы. К лету 1942 года из Жирятинского, Клетнянского, Мглинского и Почепского районов Брянщины образовалась обширная партизанская зона. Народные мстители действовали также вокруг и Трубчевска. Клетнянский лес стал местом базирования многих отрядов, разведывательных и подрывных групп. Попытки гитлеровцев очистить эти районы от партизан, предпринятые в мае и июне, потерпели провал. Наступило относительное затишье. Но вскоре оно снова нарушилось. Противник проник в лес и внезапной атакой захватил партизанский центр — деревню Мамаевку, где находилась рота Чувилина.

Заслышав стрельбу, командир нашего отряда Шестаков подал команду «В ружье!». Бойцов «Славного» торопить не пришлось.

Спустя полчаса мы подошли к Мамаевке. Там уже орудовали фашистские факельщики. Наши соседи из отряда «За Родину» пытались вернуть населенный пункт, но их атаки были пока безуспешными.

— Надо предупредить Глебова, чтобы он организовал засаду на главной просеке и перекрыл ее, — сказал Шестаков Понасенкову. — Скорее всего, противник именно по ней пришел сюда из Клетни. Надо полагать, что этим путем он будет и отходить назад. [184]

Едва гонцы, посланные Шестаковым в клетнянский отряд, скрылись в лесных зарослях, по противнику ударили наши орудия. После нескольких выстрелов, вызвавших замешательство среди оккупантов, мы поднялись в атаку. На этот раз они не выдержали удара двух хорошо вооруженных партизанских отрядов и стали поспешно покидать Мамаевку. Но факельщики все же успели поджечь несколько изб.

Пленный немецкий ефрейтор на допросе показал, что их карательный батальон, усиленный отрядом полиции, насчитывал около 500 человек. Он имел задачу дотла сжечь Мамаевку и уничтожить ее гарнизон.

Внезапное вторжение оккупантов в глубь лесного массива насторожило нас. Обычно они не отваживались малыми силами так далеко заходить в партизанский лес.

...Вечером я подошел к небольшому костру, чтобы доложить командиру о делах медицинской службы. У нас кончались медикаменты и перевязочные средства.

Возле костра кроме командира находились комиссар и начальник разведки. Шестаков лежал, подперев голову рукой, и молча смотрел на огонь. Его лицо было хмурым, казалось нездоровым. Выслушав мой доклад, Петрович вдруг вспылил. Быстро достал из планшета листок бумаги, подал мне его и недовольно сказал:

— Читай!

Это была радиограмма, полученная из Центра. Прочитав ее, я сразу понял, почему у командира такое плохое настроение. Пришел ответ на радиограмму, которую мы передали несколько дней тому назад. Шестаков тогда не хотел ее посылать. Настояли мы с комиссаром. В радиограмме говорилось о наших нуждах и деликатно напоминалось об обещании Центра вывести отряд на Большую землю по прошествии четырех месяцев. А с момента перехода нами линии фронта прошло уже значительно больше времени. В результате активных боевых действий отряд понес значительные потери, а за Десной оторвался от основной базы. Жаркие схватки с фашистами в Жирятинском районе окончательно истощили запасы продовольствия, оружия, боеприпасов и медикаментов. Личный состав нуждался в отдыхе...

И вот пришел ответ. Центр разъяснял, что положение на фронтах очень тяжелое. Присутствие «Славного» в тылу врага сейчас просто необходимо. Нам обещали доставить [185] самолетом оружие, боеприпасы, медикаменты и оказать другую помощь. Самолюбивый и мнительный по натуре Шестаков воспринял этот ответ, как выговор.

Я почувствовал себя виноватым и перед командиром, и перед бойцами. В самом деле, что могли подумать о нас в Центре, получив из отряда, который имел уже немалый список побед, «жалобную» депешу. «Славный» успешно осуществил десятки засад, разгромил не один вражеский гарнизон. Его бойцы вели активную разведывательную и диверсионно-боевую работу. Еще в начале мая группа Николая Садовникова подорвала близ станции Батагово крупный вражеский эшелон с танками и автомашинами. Сержант Кондратий Мадей, Михаил Семенов и Тихон Мортиков, действуя близ Тросны, пустили под откос эшелон с живой силой и воинским грузом.

Вскоре наши соседи попросили помочь им вывести из строя

железнодорожную ветку Клетня — Жуковка, чтобы воспрепятствовать оккупантам вывозить по ней строевой лес в Германию. Эту задачу выполнили сержант Мадей и Александр Максимец из отряда «За Родину». Они почти одновременно взорвали два состава с лесоматериалом и сильно повредили железнодорожное полотно. А спустя немного времени Кондратий Мадей с четырьмя минерами отправился на выполнение нового опасного задания. Вернулись они через несколько дней, усталые, но радостные, и после их доклада командир отправил в Москву радиодонесение: «9 июля на дороге Брянск — Рославль подорван эшелон противника. Разбито 7 платформ с танками и автомашинами. Движение приостановлено на 12 часов...»

Редкую по дерзости диверсию на перегоне Почеп — Красный Рог совершила группа, состоявшая из трех мастеров спорта — Николая Шатова, Григория Ермолаева и Сергея Коржуева. Железная дорога здесь усиленно охранялась, и нашим бойцам никак не удавалось установить фугасы. Выход из положения нашел Коржуев. Он предложил привязать две небольшие, но мощные мины к концу палки и в момент прохождения поезда бросить под колеса паровоза.

— Ну что ж, попробуем сыграть в городки, — согласился Шатов.

Ермолаеву тоже понравилась выдумка товарища. Бойцам долго пришлось лежать у полотна железной дороги. [186]

Составы, не представляющие военной ценности, они пропускали. Наконец средь бела дня показался паровоз, который тащил длинную вереницу платформ с танками и другими военными грузами. Не ожидая опасности, машинист вел состав на большой скорости. Сергей Коржуев приподнялся и изо всей силы метнул палку с минами прямо под колеса локомотива.

В этот же период усиленное движение противника началось у на шоссейной дороге Рославль — Брянск. Туда немедленно направились не только наши диверсионные группы, но и несколько подразделений. И гитлеровцы сразу почувствовали наш приход. Только 11 июля 1942 года на минах, установленных старшим лейтенантом Григорием Головиным, лейтенантом Иваном Егорычевым и ефрейтором Эдуардом Бухманом подорвалось пять вражеских автомашин с военными грузами. На другой день в воздух взлетели шесть машин, одна из которых с орудием на прицепе. В последующие сутки на участке между Леденево и Брезготкой подорвалось восемь автомобилей с прицепами и живой силой. Все они направлялись к фронту.

На этой же дороге действовал и отряд «За Родину». Совместными усилиями нам удалось парализовать движение на

шоссейной магистрали Рославль — Брянск.

* * *

Стояли тихие, теплые дни. Они были своеобразной платой природы за минувшую суровую зиму. Но в эту летнюю благодать не утихали взрывы и выстрелы.

Придя в Жирятинский район, «Славный», взаимодействуя с отрядом «За Родину», разгромил несколько мелких гарнизонов и нацелился на большой немецко-полицейский куст в Мужиново. К этой операции мы готовились особенно тщательно. Находившаяся в селе группировка карателей была многочисленной, хорошо вооруженной и немало досаждала партизанам. Приходилось учитывать и хорошую связь мужиновского куста с вражескими гарнизонами Клетни и Акулич, которые могли прийти на подкрепление.

Несмотря на многочисленность мужиновского куста (наша разведка не ошиблась), мы почему-то не встретили здесь ожидавшегося сопротивления. Бой, правда, был жарким, но продолжался он не более пятнадцати минут. [187]

Затем гитлеровцы вдруг прекратили огонь и попрятались. Отыскать их в таком большом селе было нелегко...

Меня, как врача, беспокоили свои заботы. Хотелось найти местный медпункт и хоть немного пополнить медицинскую сумку. И как только огонь противника стал ослабевать, мы с ординарцем — юным казахом Вахидовым направились к дому, который мне указал один из крестьян, но вместо медпункта мы попали в хоромы священника. И не пожалели, что ошиблись. В сарае духовного отца оказался целый склад с продовольствием. Пришлось часть его (правда, не насильно, а с согласия хозяина) конфисковать для нужд отряда. У нас даже раненые получали очень скудное питание.

— Ты не шибко разгуливай, — резковато, но с чувством заботы сказал Шестаков, когда я доложил ему о найденном продовольствии. — Могут из-за угла стукнуть. А в местном медпункте уже побывали Мельников и Маша. Там — хоть шаром покати. Фельдшер говорит, что немцы все под метелку забрали, даже гормональные препараты, срок действия которых давно истек.

Было уже светло, когда отряд покидал Мужиново. Справа от села, раскинувшегося по взгорью, лежало невспаханное поле, слева виднелся луг, густо поросший травой. Доносившиеся оттуда прелые запахи напоминали, что уже давно наступила пора

сенокоса. Но выстрелы сразу оборвали мои лирические размышления и вернули к суровой военной действительности. Они послышались позади — в Мужиново ожили затаившиеся фашисты. А когда до леса осталось не более километра, стрельба открылась и из Алени. Это каратели из Акулического куста спешили на помощь мужиновскому гарнизону.

Мы ускорили продвижение. Устроившись на повозке на каком-то мешке, Вахидов безмятежно щурился на солнце и тихо напевал казахскую песню. Внезапно он дернулся и умолк. Кивнув на правую ногу, сказал:

— Наверно, немного попадал... Вот шайтан!

Я хотел разрезать голенище сапога, но он не позволил, сам осторожно снял сапог. При виде крови Вахидову стало дурно, пришлось дать ему понюхать нашатыря. Ординарцу повезло: пуля прошла навылет через икру, не задев кости. Я наклеил ему две маленькие заплатки, и он сразу схватил карабин, собираясь стрелять по Алени. Я остановил его: стрельба с такого расстояния бесполезна. [188]

Внезапно обстановка изменилась. Оказывается, предусмотрительный Шестаков заблаговременно выслал одно из подразделений для удара во фланг противнику. Увлеченные обстрелом обоза, гитлеровцы не заметили наших бойцов, подбиравшихся по лощине. И вот зарокотал наш станковый пулемет, в воздух взметнулось громогласное «ура!», и мы увидели, что ошеломленные оккупанты стали прыгать в кузова автомашин, чтобы поспешно покинуть деревню. Однако удрать безнаказанно им не удалось. Едва они подъехали к большаку, как попали под огонь отряда «За Родину». Обе немецко-полицейские группы потеряли сорок человек только убитыми.

В ту ночь, когда мы громили мужиновский гарнизон, группа Николая Шатова устроила на дороге Брянск — Гомель крушение вражеского эшелона с военной техникой, а «главный конструктор» партизанских мин — Михаил Коробицин со своими помощниками подорвал состав с лесоматериалами, направляемыми немцами к фронту для строительства укреплений. Снова отличился сержант Мадей. Он устроил крушение эшелона с танками и бронетранспортерами.

Радисты Толбузин и Поляков ежедневно передавали на Большую землю донесение о количестве и характере войск противника, направлявшихся в сторону Брянска. Эти донесения стали все чаще заканчиваться просьбой прислать боеприпасов. Активные действия с каждым днем истощали и без того скудные запасы тола и патронов, как отечественных, так и трофейных. Особенно много требовалось взрывчатки. Вскоре у центра

появилась возможность выслать нам самолет.

Подготовка к приему груза проводилась в глубокой тайне. В назначенное время мы разместились возле пирамид из хвороста, облитых бензином, и стали ждать. Небо было звездным, спокойным. Но вот послышался гул и над нами, словно тень огромной летучей мыши, проскользнул «фоккер»: немецкий разведчик высматривал партизанские костры. А поскольку их не было, он больше не возвратился. В половине второго ночи снова послышался гул моторов. Но теперь он, нарастая, приближался с востока.

— Зажигайте костры! Живее! Чего спите?! — закричал начштаба старший лейтенант Медведченкр, хотя никто в эти минуты даже не собирался спать. [189]

Разом вспыхнули три костра, образовав треугольник. Но самолет словно пропал. Каждого из нас охватила тревога. А вдруг первый посланец Большой земли не заметил костров? Но самолет вскоре вернулся, шел он значительно ниже, то и дело включая посадочные фары. Потом от него начали отделяться белые парашюты. Самолет сделал несколько кругов, каждый раз сбрасывая по четыре контейнера. Наконец, он помигал аэронавигационными огнями и, погасив их, взял курс на восток. А мы стояли недвижно, прислушиваясь к удаляющемуся гулу моторов.

— Шестнадцать мест сбросил! — зычно объявил старший лейтенант Медведченко и стал рассылать бойцов на поиски упаковок.

Костры сразу же погасили. Оставили один, небольшой, к которому бойцы подтаскивали подобранные грузы. На одной из упаковок стояла моя фамилия, написанная мелом. Шестаков, улыбнувшись, сказал:

— Персональная! Должно быть, Ткачук тебе всю полковую аптеку запаковал.

Конечно, каждый из нас горел нетерпением заглянуть в контейнеры. Там оказались оружие, ящики с патронами, обмундирование, соль и сахар, шоколад и табак, коробки с подарками. Большая земля не поскупилась! О том, что к нам в течение ночи сбрасывался парашютный «десант», быстро узнали во всех отрядах. Партизаны ликовали. Появление советского самолета над нашим расположением среди оккупантов вызвало настоящий переполох.

В полдень у Шестакова собрались командиры и комиссары всех ближайших партизанских отрядов. Командир отряда «За Родину» младший политрук Иван Александрович Понасенков выделялся своей статью, выправкой. Комиссаром у него был

коренастый, невысокого роста Николай Макарович Сухоруков, бывший председатель Морочевского сельсовета. Но слово «бывший» к нему менее всего подходило. И после оккупации района Макарыч, как его любовно величали партизаны и жители, оставался настоящим хозяином своих мест. Люди тли к нему за советом и за помощью, выполняли только его указания. Когда организовался отряд «За Родину», Сухоруков получил возможность оказывать своим избирателям и вооруженную помощь. [190]

Под стать спокойному, неунывающему, с улыбкой на широком лице Николаю Макаровичу оказался энергичный и жизнерадостный парторг Захар Андреевич Лозицкий. Приехавший с ним политрук роты Иван Афанасьевич Ильиных отличался степенностью. В нем сразу же угадывался педагог. Он и в самом деле до войны работал преподавателем одного из московских вузов.

В поселок Новая Эстония, где стоял «Славный», приехали и наши старые друзья из Жуковского отряда — посланцы Воробьева и Мальцева, а также из брянского городского отряда Горбачева.

Наш рослый дискобол мастер спорта Леонид Митропольский не раз уже ходил на связь с партизанскими отрядами, базировавшимися под Рославлём. Он приводил к Шестакову Данченкова и Рощина, их фельдшера Григория Самотесова, с которым мне пришлось поделиться остатками медикаментов, а также десантников Николая Майдана. На этот раз Леонид привел секретаря подпольного райкома партии и комиссара клетнянского отряда А. Ф. Семенова. Встреча с ним вызывала оживленный разговор о наших однополчанах: Алексей Филиппович встречался здесь с отрядами Медведева, Курыленкова и Шемякина...

Обмен информацией о противнике и обсуждение плана согласованных действий затянулись до полуночи. А когда собрались разъезжаться «по домам», в небе послышался гул самолета. Вскоре в избу вошли начальник штаба, старшина и незнакомый лейтенант, одетый в новую военную форму. Вскинул ладонь к пилотке:

— Товарищ майор! Лейтенант Новиков с группой в шестнадцать бойцов приземлился благополучно!

— Груз с самолетов принят в полном порядке! — торжественно добавил старший лейтенант Медведченко.

Майор Шестаков был доволен. Пригласил партизанских командиров:

— Пойдем посмотрим, чем нас Большая земля порадовала.

Не менее довольными разъезжались по своим отрядам и

наши соседи: Шестаков поделился с ними боеприпасами, парашютами и московским табаком. Его радушие и щедрость расположили к нему всех партизан. [191]

Утром неусыпные разведчики Василия Васильевича Рыкина донесли: в неприятельских гарнизонах распространился слух о крупном десанте советских войск, сброшенном возле поселка Новая Эстония. Мы, конечно, не сомневались, что гитлеровцы, озлобленные многочисленными диверсиями, проведенными в последнее время бойцами «Славного», усилят борьбу против нас и примут все меры по уничтожению «десанта». Так оно и случилось.

В десять часов утра после тщательной разведки с воздуха подразделение карателей, насчитывающее около пятисот солдат и офицеров, скрытно обошло партизанские заставы и внезапно атаковало Козелкин Хутор. В этой деревне, отстоявшей от нас всего в трех километрах, находилась лишь санитарная часть отряда «За Родину» да небольшая группа наших разведчиков, отдыхавших после задания. Они и прикрыли обоз с ранеными, которых доктор Павел Гриненко уже под огнем перетаскивал на повозки...

С осени 1941 года, когда здесь проходила линия фронта, вокруг деревни, разделенной большим оврагом, сохранились поросшие травой окопы и траншеи, несколько блиндажей и дзотов, участки, огражденные колючей проволокой, и минное поле, являвшееся своеобразным арсеналом отрядных подрывников. Этими укреплениями и воспользовался противник, выбив из Козелкина Хутора наших разведчиков.

Получив от них донесение, майор Шестаков подал команду «В ружье!». Спустя четверть часа «Славный» был уже возле хутора, заняв позицию на лесной опушке. В поселке Новая Эстония остался только обоз, к которому я направил и моего коллегу из отряда «За Родину» со всей его санитарной частью.

Обстановка, в которой завязался бой, оказалась во всех отношениях невыгодной для нас. Противник имел большое численное превосходство и опирался на удобные оборонительные рубежи. Майор Шестаков несколько раз поднимал людей, но атаки не давали желаемого результата. Засевшие в домах и траншеях каратели открывали яростный огонь, и наши бойцы вынуждены были откатываться назад. После четырехчасового упорного боя наступило затишье. С обеих сторон вели огонь только снайперы и время от времени постреливали минометы. Шестаков поглядывал на часы, ожидая, когда из Упрусс подойдет [192] отряд «За Родину», в который он отправил связного. Наконец к шестнадцати часам сосед подоспел, да еще с орудием. Оно открыло огонь прямой наводкой, бой снова ожесточился.

К этому времени были уточнены данные о противнике и его намерениях. Понасенкову сведения из Клетни доставили разведчицы Лида Львова и Фрося Давыдова, а нашему Рыкину из Песочной и Красной — Михаил Ерофеев и Николай Садовников. В этих населенных пунктах сосредоточилось несколько маршевых батальонов противника. Немецко-фашистское командование поставило перед ними задачу — «прочесать» населенные пункты, прилегающие к шоссейной дороге, а затем ударить по нашим отрядам, расположенным в Новой Эстонии и Упруссах. Батальон гитлеровцев, прибывший из Клетни, должен был перекрыть дороги, ведущие в глубину клетнянского леса.

Разведданные, полученные В. В. Рыкиным, совпадали со сведениями, переданными из Клетни верным помощником партизан Степаном Чесалиным, который «служил» командиром... полицейского взвода. К сожалению, это было последнее донесение патриота-разведчика. Вскоре немцы узнали, чье задание он выполняет, и повесили его. Тогда же предупреждение Чесалина, хотя оно было получено с некоторым опозданием, принесло нашим отрядам большую пользу.

Обсудив с начальником разведки обстановку, майор Шестаков пришел к выводу, что не имеет смысла тратить силы и расходовать боеприпасы на противника, засевшего в укреплениях Козелкина Хутора: затяжка боя была выгодна только гитлеровцам, ожидающим начала наступления своей основной группировки. Это создавало угрозу и поселку Новая Эстония, где сосредоточились тылы наших отрядов.

Оставив небольшие группы для прикрытия и инсценировок наступления, оба отряда ночью бесшумно снялись с занимаемых позиций и, забрав в поселке обозы и раненых, направились в глубь клетнянского леса...

* * *

С детства любил я забайкальскую тайгу с высокими лиственницами и кедрами, с густыми зарослями морошки, голубицы и багульника, с неожиданными нагромождениями бурелома. Я не забыл вас, мое Забайкалье, моя тайга! [193]

Но вот я узнал другой лес — клетнянский. Он огромен и прекрасен, как тайга, а воздух здесь пропитан ароматом хвои и пряным запахом разнотравья. Он и сейчас стоит перед моими глазами, изрезанный просеками, украшенный солнечными цветистыми полянами. Этот лес казался тогда необъятным, раскинувшимся от Козельска и Сухиничей, где мы встали на

лыжи и направились к линии фронта, до самых западных границ Родины — до Налибокской пущи. Но, вспоминая эти леса, я на переднем плане вижу людей. Их было бесчисленное множество. И вовсе не для покоя поселялись они в лесных чащах. Люди были с оружием. Твердыми, мужественными голосами привносили слова партизанской клятвы. Кострами отогрев замерзшую землю, хоронили боевых друзей и снова клялись, но теперь уже им: отомстить за них ненавистному врагу...

Партизанское движение приобретало поистине всенародный размах. И в гуще клетнянских лесов, как и в других местах, бойцы «Славного» не были одинокими.

Одной из первых боевых операций в новом районе был разгром вражеских гарнизонов в Вельжичах и Вьюкове.

Наш «главный чекист» подполковник Рыкин, обобщив данные, полученные от разведчиков, уже знал, что недавно закончившиеся бои, развязанные фашистами, были лишь началом тщательно подготовленной карательной операции. Она носила кодовое название «Клета». Сначала мы полагали, что это слово — измененное наименование поселка Клетня. Потом разобрались и узнали, что на языке врагов оно означало «репейник». Как удалось установить В. В. Рыкину, операция имела целью вытащить уцепившихся подобно репейнику партизан из леса на открытое место и уничтожить. Но и тогда, еще не зная об этом, майор Шестаков сумел разгадать замысел врага и увел отряд от разгрома. Его совету последовал и Понасенков.

Злобу за провал намеченных планов каратели выместили на мирном населении. Они дотла сожгли Козелкин Хутор и поселок Новая Эстония — место нашей стоянки. Особенно тяжело пришлось жителям Упрусс. Специальные части СД сгоняли в подвалы и сараи стариков, женщин и детей и забрасывали их гранатами.

Закончив кровавую расправу, гитлеровцы вклинились в южную часть клетнянского леса, а гарнизоны Клетни, [194] Акуличей и Мужиново, а также некоторые другие усилили. Повсеместно они объявили о полной ликвидации отрядов «Славный» и «За Родину». Поэтому удар по гарнизонам врага, который, очевидно, всерьез предполагал, что с нами покончено, был необходим. Разъясняя бойцам задачу, комиссар Василий Сергеевич Пегов сказал:

— Наши активные боевые действия поднимут моральный дух населения. Люди должны знать, что мы существуем и продолжаем борьбу.

26 июля отряд «За Родину» вышел в направлении Вьюково, наш — на Вельжичи.

Около сотни гитлеровцев размещались в школе, расположенной возле большого сада. Они превратили ее в казарму. Наиболее трудная задача выпала на небольшую группу бойцов, которую возглавил командир взвода старшина Николай Элердов. Когда мы уходили из Москвы, он был назначен старшиной отряда. Но, желая драться с врагом только с оружием в руках, не давал Шестакову покоя и в конце концов добился своего: его назначили командиром взвода. И майор не ошибся, приняв такое решение. Инициативный и смекалистый старшина Элердов не раз выполнял со своим взводом самые сложные боевые задачи. Теперь он, выдвинувшись вперед с небольшой группой, должен был бесшумно снять часовых и обеспечить скрытный подход отряда к казарме.

Более часа мы, затаив дыхание, лежали распластавшись в саду, куда проникли после того, как Николай снял двух часовых у южных ворот. Теперь нам отчетливо стали слышны переговоры вражеских солдат, охраняющих вход в казарму. Долетали до нас голоса и из открытых окон школы. Значит, многие гитлеровцы, несмотря на позднее время, еще бодрствовали. Была очень светлая лунная ночь. Мне не верилось, что мы находимся так близко от противника, а его охрана до сих пор не обнаружила целый отряд. Но вот почти совсем рядом послышался негромкий шум, после чего шаги и голоса часовых затихли. Только в казарме все еще продолжал кто-то переговариваться.

Я не сразу заметил, когда и откуда появился старшина Элердов. Увидел лишь, как он подал командиру выразительный знак: часовые сняты, путь к казарме свободен. Майор встал во весь рост, посмотрел на казарму и поднял руку. Бойцы штурмовой группы, находившиеся рядом с ним, перескочили через плетень и, пригибаясь, побежали [195] к школе. В раскрытые окна полетели гранаты. Спустя мгновение заговорили автоматы и пулеметы. Потом я увидел, как наши ребята отбежали к торцам и стали стрелять по ошалевшим гитлеровцам, выскакивавшим из окон в одном белье. Затем выстрелы стали звучать реже и, главным образом, внутри помещения. Наконец и они прекратились.

Через некоторое время к Шестакову подбежал старший лейтенант Медведченко и возбужденно доложил, что враг (за исключением немногих спасшихся бегством солдат) полностью уничтожен. Возле казармы и внутри нее насчитали сорок трупов, в каптерке обнаружено много нового обмундирования и патронов. Командир приказал начальнику штаба собрать людей и вести их из села, обеспечив надежную охрану. Затем он достал свою постоянную спутницу — трубку и с наслаждением закурил. Мы

перелезли с ним через плетень и пошли вдоль улицы, залитой лунным светом, к церкви — месту сбора подразделений отряда.

Где-то в стороне затрещала пулеметная очередь. Мимо нас пронеслась цепочка трассирующих пуль.

— Проснулся, холера! — выругался Шестаков.

Подбежал фельдшер Романов, попросил у меня бинт. На мой вопрос, кто ранен, уже на бегу прокричал:

— Старшина Элердов... Там, у плетня...

Я побежал следом. Откуда-то опять протрещала пулеметная очередь, и рядом снова пронеслись синие огоньки. Фельдшер упал...

...Я шел возле повозки, на которой лежали старшина Николай Элердов и военфельдшер Женя Романов. Их гибель омрачила радость победы, одержанной над сильным вражеским гарнизоном. И я все более убеждался, как люди заблуждаются, полагая, что врачи привыкают к смертям. К гибели боевых товарищей я никогда не мог привыкнуть! С военфельдшером Евгением Романовым мы встретились в первые дни войны, под Москвой. Потом я встретил его уже в тылу врага. Он, как и другие бойцы чупевского отряда, был болен и обморожен, нуждался в хирургической операции. Но Евгений стойко держался на ногах, подбадривал бойцов, даже пытался помочь мне оперировать их. Самого фельдшера я тогда прооперировал в последнюю очередь. Об этом меня он попросил сам. [196]

На опушке клетнянского леса появились два небольших холмика — первые потери «Славного» в этом районе.

Клетнянский лес надолго стал нашим домом. Здесь копились силы партизан и росла ненависть к захватчикам.

* * *

Стояло бабье лето. В воздухе плыла паутина. На какое-то время и в новом районе «Славного» наступило затишье. Гитлеровские карательные части передвинулись к Рославлю. Оккупанты метались. Пока они очищали от партизан южную окраину клетнянского леса, на севере его активизировались отряды Данченкова и Силыча, смоленский партизанский полк имени Сергея Лазо и другие отряды. В то же время, с уходом «Славного» и отряда «За Родину» из Жирятинского района, там снова началось интенсивное движение противника по шоссе. Оттуда Михаил Ерофеев доставил командиру важное разведдонесение: только за три дня в сторону Брянска проследовал 1741 автофургон с живой силой, около 500

автофургонов с грузами, 92 противотанковых орудия, 837 легковых автомобилей и 928 мотоциклов. Вместе с этой сводкой разведчик принес и своеобразный «прейскурант», который оккупанты начали распространять среди полицейских. Он выглядел так:

— За доставленного германским властям живого партизана — 40 аров земельных угодий, за доставленного убитого партизана — 25, за указание места, где расположены партизаны, — 15.

Составители этого «прейскуранта» не забыли и командиров. За убийство партизанского командира было обещано вознаграждение в 17 тысяч марок, а за доставку его живым кроме этих денег — имение и «Железный крест». Персонально за А. П. Шестакова оккупанты обещали 40 тысяч марок, «не считая земли и лесных угодий...»

Василь Василич Рыкин пошутил:

— Не пойму — много ли дали или продешевили?

— А за тебя вовсе ничего не обещают, — парировал Шестаков. — Слабовата, значит, твоя разведка!

Но нам-то было известно, как зорки светлые глаза подполковника Рыкина. С Брянщины они уже заглядывала в Гомель, Витебск и Могилев. Правда, фашисты не знала об этом. [197]

Чтобы воспрепятствовать переброске германских войск к Брянску, майор Шестаков с соседями майором П. Г. Шемякиным, И, А. Понасенковым и с командирами десантных групп наметил серию одновременных ударов по железнодорожным и шоссейным магистралям Рославль — Брянск и Брянск — Гомель. Эти удары должны были быть не столь сильными, сколько многочисленными, чтобы парализовать сразу несколько участков дорог. Кроме того, формировались группы для срыва намеченной оккупантами кампании по заготовке хлеба.

Возле Кобыленки взвод Ромашкина захватил большой обоз с мукой. Такой же обоз завернул в лес начальник штаба Медведченко.

Вскоре нам стало известно, что в немецкое «показательное хозяйство» Брешковку, расположенное близ Унечи, прибыли в сопровождении большой охраны два управляющих в чине гауптмана и майора. Шестаков тотчас направил туда подразделения старшего лейтенанта В. Романькова и лейтенанта М. Оборотова. Для проведения операции выделил роту и соседний отряд. Партизаны появились в Брешковке в такое «непартизанское» время, что фашисты вначале приняли их за прибывшее пополнение...

Такие операции не только нарушали продовольственное снабжение оккупантов, но помогали населению сберечь хлеб и укрепляли партизанские базы. Еще больше бесили гитлеровцев бесчисленные диверсии на дорогах. В те сентябрьские дни 1942 года подрывники отряда устроили три крупных крушения вражеских эшелонов с военной техникой, а подразделения лейтенантов Г. Головина, И. Егорычева, М. Оборотова, В. Романькова, И. Ромашкина, старшины И. Яковлева и группа начальника штаба И. С. Медведченко кроме нападений из засад на шоссе разогнали немецко-полицейские хлебозаготовительные команды в Балыках, Луговке, Деремне и других деревнях.

Между тем майор Шестаков уже планировал поход на Акуличи. Гарнизон этого большого поселка и железнодорожной станции, находясь поблизости от баз партизан, непрерывно беспокоил их. Хорошо связанный с оккупантами, расположенными в Клетне и Мужиново, он часто выделял подкрепления для помощи им, вел усиленную разведку в прилегающих населенных пунктах. Специальные [198] отряды, созданные из солдат и полицейских, устраивали настоящую охоту за мелкими партизанскими группами. Там были расстреляны наши девушки-разведчицы Аня Польгуева и Лида Кузовкова... Партизаны уже дважды разгоняли солдат и полицейских акуличского гарнизона, но немцы опять восстанавливали взорванные дзоты и траншеи, пополняли личный состав гарнизона. В последнее время немецко-полицейское подразделение, получив свежее пополнение, попыталось даже проникнуть в лес.

Майор Шестаков разработал план операции, в проведении которой предусматривалось участие нескольких партизанских отрядов. А. Ф. Федоров, пришедший в наш лес после боев на Украине, тоже выделил в его распоряжение одну из своих бригад. Людей, наступающих на сильно укрепленный вражеский гарнизон, насчитывающий до четырехсот солдат, набралось достаточно. Хватало также оружия и боеприпасов. «Славный» располагал даже... танкеткой. Более месяца назад наши бойцы обнаружили ее в неисправном состоянии в малохоженом уголке леса, возле болота. Видимо, она осталась там еще осенью 1941 года. Много пришлось поработать механикам Коробицыну, Львову, Захаренкову — всем нашим умельцам, чтобы машину привести в порядок. Еще труднее было достать горючего. Выручили колхозники, вспомнив, что тракторист при подходе немцев успел закопать две бочки бензина. Около 40 километров до лагеря прошла боевая машина с развевающимся красным флагом, вызывая восторг у населения. Однако на трудной лесной

дороге «танкисты» сожгли почти все горючее. Когда же речь зашла о том, чтобы использовать танкетку при наступлении на Акуличи, выяснилось, что горючего на оба конца не хватит. И снова выручил бывший часовых дел мастер Михаил Коробицын: он сконструировал специальные сани, на которые установили машину и повезли к Акуличам... конной тягой.

По радиограмме майора Шестакова за полчаса до начала нашего наступления три самолета пробомбили Акуличи. Затем на вражеский гарнизон обрушили огонь партизанская артиллерийская батарея и несколько минометов. Когда же в непосредственной близости от главного опорного пункта противника впереди наступающих партизан появилась танкетка, сопротивление обескураженного вражеского гарнизона было окончательно сломлено. Уничтожив [199] около 70 солдат и полицейских, партизаны захватили большие трофеи, а перед уходом взорвали все укрепления главного опорного пункта. Провожать нас вышли все жители Акуличей.

* * *

С населением, оказавшимся на временно оккупированной территории, у партизан всегда были самые добрые отношения. Когда же люди узнавали, что наши бойцы пришли к ним из самой Москвы, что многие из них прославленные спортсмены, бойцы и командиры «Славного» становились самыми желанными гостями.

Одно время, когда был создан клетнянский оперативный центр и майор Шестаков стал во главе одной из бригад, мне поручили возглавить в ней медицинскую службу. Тогда мне особенно много довелось бывать в деревнях и в партизанских отрядах. Почти у каждого народного мстителя кроме общей беды было свое личное горе. Люди горели ненавистью к врагу, жаждали ему отомстить. Но я никогда не встречал среди них партизан, которые готовы были все уничтожать без разбора. Они не проявляли жестокости даже к пленным немцам.

...Братская дружба среди партизан, их готовность в любую минуту прийти друг другу на помощь ощущалась во всем. Четко взаимодействовали и медицинские работники.

Лично я, например, крепко подружился с коллегами из бывшего отряда «За Родину», ставшего потом бригадой. Начальником медслужбы был плотный, подвижный, немного шумливый Павел Григорьевич Гриненко. Он одним из первых окруженцев вступил в отряд, представлявший тогда небольшую группу. Не одному партизану спасли жизнь его ловкие руки.

Помогали военфельдшеру медсестра Шура Зайцева и девушки, заново освоившие эту специальность — Катя Карпова, Шура Артюхова, Оля Федькина, Надя Серякова. Дежурили в санчасти в свободное от заданий время разведчицы Лида Львова и Фрося Давыдова.

После Мамаевского боя медслужба Гриненко пополнилась еще двумя врачами. Они бежали из могилевского концлагеря с группой военнопленных и, заслышав звуки боя, случайно вышли на партизан. Те сначала не поверили им, приняли их за полицейских и чуть было не расстреляли. [200] К счастью, при беседе с ними оказались мы с Григорием Ермолаевым. Среди задержанных оказался спортсмен 1-го Московского медицинского института Николай Белоусов, с которым я до войны часто встречался на лыжных соревнованиях. Разумеется, мы с Ермолаевым сразу же поручились за своего товарища, а Белоусов — за второго врача, своего однокашника Павла Васютченко, и за остальных, с кем они бежали из плена. Они рассказали, что из Могилевского концлагеря совершила побег еще одна группа, которая находится в районе Подлужского хутора.

Этот глухой лесной хутор давно служил пристанищем для окруженцев и тех, кому удавалось бежать из плена. Мы с комиссаром и начальником разведки выехали туда. Там и встретили группу из Могилевского сыпнотифозного госпиталя концлагеря, которую возглавлял бывший военный прокурор 101-й танковой дивизии Михаил Ипатьевич Каменщиков. Вместе с ним наш отряд пополнили два бывших московских ополченца — работник министерства лесной промышленности Иван Иванович Желанов и инженер-нефтяник Дмитрий Петрович Сергеев, — главный механик завода «Анти-Дюпон» Ефим Соломонович Файтельсон, спасшийся от расстрела в концлагере случайно, успев придумать иную фамилию и отчество, и Михаил Хитров. Кроме них Ипатьич привел богатыря-борца Рахима Ибрагимовича Вельшакова, Джафара Дианова, Рустама Каримова и других, которых немцы пытались заставить служить в полиции.

И. И. Желанова я забрал в санчасть. Уже немолодой, рыжеволосый, с лукаво поблескивающими глазами на открытом лице, Иван Иванович оказался мастером на все руки и стал незаменимым санитаром. И что не менее важно, несмотря на слабое здоровье, он был всегда бодр, умел интересно рассказывать всякие смешные истории, создавал у раненых хорошее настроение в самые трудные для них минуты.

* * *

Зима наступила рано — сухая и морозная. Наращивая удары по врагу, партизанские отряды, в том числе и «Славный», направляли свои главные усилия на то, чтобы постоянно нарушать сообщение на железных дорогах Рославль — Брянск — Гомель — Кричев — Унеча. Все они [201] проходили вокруг клетнянского леса. У В. В. Рыкина упрочились связи с подпольщиками Рославля, Унечи и Почепа, появились свои люди в Орше и в Витебске. В то время как мы громили вражеские гарнизоны в Мужиново, Вельжичах, Акуличах и Алени, бригады «За Родину», клетнянцы, «неустрашимые» и другие соединения наносили удары по гарнизонам Коршова, Бульшева, Издешич. Отряд имени Лазо атаковал железнодорожную станцию Пригорье, а затем Понятовку, бригада имени Котовского совместно с другими соединениями разгромила крупный немецкий гарнизон в Пеклино, что находится на шоссе Рославль — Брянск.

В северной части клетнянского леса и у нас под Мамаевкой действовали аэродромы. В некоторые ночи они принимали по нескольку самолетов. Западнее нас, у Николаевки, работал другой аэродром, обслуживавший партизанское соединение А. Ф. Федорова...

Знали об этом оккупанты? Если нет, то, очевидно, догадывались. Они усилили воздушную разведку, предприняли несколько попыток забросить в наш и другие отряды своих агентов, стали устраивать засады, чтобы захватить живого партизана. Появились и другие симптомы резкого повышения активности гитлеровцев. Сначала на крупных, а затем и на небольших железнодорожных станциях, расположенных поблизости от клетнянского леса, стали выгружаться немецко-фашистские войска с артиллерией и танками. Не трудно было догадаться, что противник готовит против нас крупную карательную операцию. Пока разведчики добывали нужные сведения, остальные партизаны тоже не сидели без дела. Вдохновляющим фактором для них в этот период явилось наступление наших войск под Сталинградом. Сообщение о нем наши радисты приняли ночью. 20 ноября я находился вместе с ними. Мы не выдержали, распахнули дверь землянки и на весь лагерь закричали «ура!». Вскоре возле нас собрался весь отряд. Даже раненые пришли из санчасти. Толбузин и Поляков включили свою «Белку» на полную мощность, чтобы каждый мог слышать сообщение Совинформбюро о крупном наступлении советских войск.

На следующий день во всех отрядах, находившихся в клетнянском лесу и даже в некоторых ближайших населенных пунктах, прошли митинги. А вечером на нашей [202] базе

состоялось совещание руководителей партизанских отрядов. Они обменялись информацией о противнике. Выяснилось, что многие отряды уже сейчас испытывают сильный нажим регулярных немецких войск. Командиры приняли решение одновременно на разных участках нанести удары по железнодорожным узлам, чтобы затруднить переброску вражеских войск. Эта операция, согласованная с командованием Западного фронта и Центром, была намечена на 29 ноября. Боевые участки распределили так: отрядам, расположенным на севере, отводились дороги Рославль — Брянск и Рославль — Кричев, южным и восточным — Брянск — Гомель, бригаде «За Родину», нашему соседу, — железнодорожная станция Жудилово, «Славному» — Белынковичи. Станцию Костюковичи, находившуюся севернее нас, должны были атаковать черниговские партизаны. Чтобы выйти в заданный район, «Славному» предстояло скрытно совершить марш-бросок на сто с лишним километров. Не меньшее расстояние необходимо было преодолеть и некоторым другим отрядам.

«Славный» двигался по заброшенным лесным просекам, в обход населенных пунктов. Бойцы, чередуясь, то шли на лыжах, то ехали на санях, чтобы сберечь силы. Все знали: бой предстоит тяжёлый. Правда, была у нас некоторая надежда на облегчение: станцию и мост охраняли насильно мобилизованные солдаты французского батальона. Больше того: узнав о крупном наступлении наших войск под Сталинградом, многие из них решили уйти к партизанам. Об этом рассказал их специальный парламентер, с которым подполковник Рыкин встретился в Подлужском хуторе незадолго до нашего выхода в район проведения операции.

Мне довелось быть участником переговоров с французом, доставленным агентурной группой младшего лейтенанта Герасима Грибкова (Геннадия) и сержанта Сергея Константинова. Кажется, его звали Жан Жане. Молодой, жизнерадостный уроженец парижского предместья сообщил нам следующее. Когда наци объявили о создании добровольческого батальона, никто из французских парней на сборный пункт не явился. Тогда они насильно мобилизовали их, угрожая арестовать родных. Во избежание неприятностей для родственников французские солдаты хотели бы теперь, чтобы партизаны инсценировали нападение на них и «захватили их в плен». [203]

Рыкин и Шестаков, разумеется, не могли слепо следовать плану, подсказанному Жаном Жане. В конце концов он мог сам стать жертвой вражеской провокации. И опыт не обманул их. Когда наши бойцы ворвались на станцию, ответная стрельба

открылась отнюдь не поверху. Жан, находившийся возле майора, пришел в отчаяние. Он стал кричать, призывая своих соотечественников прекратить огонь. Потом быстро побежал к казарме, выкрикивая ругательства. Но вскоре — упал. Когда наши ребята вытащили раненого Жана из-под огня, он, вытирая слезы, сокрушенно сказал:

— Там не француз! Там — наци!

Впрочем, это стало ясно и без его слов. Хорошо, что командир с самого начала не поддался соблазну легко завладеть казармой. Упорный бой длился более трех часов. Немецкие солдаты, сидевшие в укрытиях, которые даже с прямой наводкой не пробивало наше 45-миллиметровое орудие, простреливали каждый метр на подступах к станции.

И все же нашим бойцам удалось нанести врагу немалый урон. Они сожгли железнодорожный состав и несколько цистерн с бензином, взорвали все стрелки и семафоры, нарушили телефонную связь и вывели из строя водокачку.

Большого успеха в эту ночь добились также партизаны отряда Федорова и наш сосед — бригада «За Родину». Правда, уничтожить водокачку и Пучковский железнодорожный мост им не удалось.

Сильные удары по врагу нанесли и партизаны, базировавшиеся в северной части клетнянских лесов. Эта совместная операция партизан оказала большую помощь фронту.

* * *

Когда «Славный» действовал из засад, то даже при нападении на крупные вражеские гарнизоны преимущество почти всегда было на нашей стороне, и мы несли совсем незначительные потери. Теперь же нам приходилось драться с регулярными войсками. А это намного сложнее. После наступления на Белынковичи моя санитарная часть наполнилась десятками раненых. Зная, что гитлеровцы взяли нас в кольцо, я составил радиограмму в Центр о просьбой прислать транспортный самолет. Но [204] командир, которого вызывали в Москву, не стал ее подписывать.

12 декабря, ночью, в нашем расположении приземлился По-2. На нем и улетел А. П. Шестаков вместе с А. Ф. Федоровым и И. А. Понасенковым. В следующую ночь на Большую землю было вызвано еще несколько командиров.

Между тем обстановка вокруг нас становилась все более угрожающей. Почти ежедневно гитлеровцы сбрасывали с

самолетов листовки. Предупреждая, что мы зажаты в железное кольцо, что дальнейшее наше сопротивление бесполезно, они призывали нас сложить оружие. Под текстом обращения был напечатан специальный «пропуск» для беспрепятственного прохода к пунктам сбора военнопленных.

По сведениям, поступившим к подполковнику Рыкину по различным каналам, стали достаточно точно известны силы противника, обложившего лес: две пехотные дивизии, два артиллерийских полка и семь отдельных батальонов специального назначения. Впоследствии эти данные подтвердились документально.

Очередная операция, подготовленная оккупантами, носила кодовое название «Репейник-2». План к ее проведению был утвержден небезызвестным Хойзингером. Инструкция состояла из ста пунктов, излагающих указания по уничтожению партизан и гражданского населения в местах расположения партизанских баз.

Главные события в блокированных клетнянских лесах развернулись в конце января 1943 года. Противник все туже затягивал петлю вокруг партизан. К исходу 22 января в наших руках оставались лишь два населенных пункта — Николаевка и Мамаевка. Над расположением лагеря низко, едва не задевая верхушки деревьев, летали вражеские самолеты.

К нам со всех сторон продолжало стекаться гражданское население. Люди приводили с собой уцелевших коров и овец, тащили на себе разные пожитки. Приносили они с собой и леденящие душу рассказы о зверствах, чинимых карателями в захваченных деревнях. Из Дегтяревки, Затесья, Каталино и других сел они согнали в Васильевку 120 крестьян, родственники которых находились в партизанских отрядах, закрыли их в большом сарае и сожгли... [205]

Утром 27 января шесть «юнкерсов» нанесли по нашему расположению бомбовый удар. «Славный» перебрался в запасной лагерь, но через день вынужден был оставить и его.

Первым из кольца окружения вырвалось соединение черниговских партизан, которым в отсутствие Федорова командовал полковник Попудренко. После нескольких неудачных попыток удалось выйти из блокированного леса большинству бригад и отрядов.

У старшего лейтенанта Медведченко, оставшегося за Шестакова, и у майора Шемякина, командовавшего отрядом «Вперед», а также у командиров десантных групп положение оказалось более сложным: без разрешения Центра никто из нас не мог покинуть данного района базирования. Наконец связисты

приняли радиограмму: нам приказали выйти из блокадного кольца на запад и до особого распоряжения маневрировать на внешнем обводе клетнянских лесов.

Но выход оказался очень нелегким. В течение трех суток «Славный» прогрызал брешь в боевых порядках гитлеровцев, которые уже перекрыли все лесные дороги, просеки и большаки. Вместе с нами в прорыве кольца оккупантов участвовали одна из бригад черниговцев, половина отряда «Вперед» и около роты из бригады «За Родину». Вступив в тяжелый бой сперва возле села Николаевка, а затем возле деревни Ясенок, мы, несмотря на то, что противник расчленил нас на три группы, все же пробились на запад. Но и здесь маневрировать оказалось трудно: почти все населенные пункты были буквально забиты немецкими войсками. Неприкосновенный запас продовольствия кончился в первые же дни. Ведь мы были вынуждены поделиться продуктами с другими отрядами, утратившими во время боев свои обозы.

Несколько суток кряду наши люди, не зная ни сна ни отдыха, голодные и замерзшие, курсировали в районе деревень Гнилуша, Дубровка, Юзифовка и Затесье. Вскоре к нам присоединилась вырвавшаяся из кольца рота старшего лейтенанта Романькова. Самого командира бойцы принесли на руках с крупозным воспалением легких. Раненых и больных негде было укрыть. Но они нуждались не только в тепле и лекарствах. Прежде всего, их надо было кормить. [206]

Мы с сержантом Мадеем взяли десять наиболее крепких бойцов и отправились на поиски продовольствия. Меня, как врача, знали во многих деревнях, и я полагал, что это сыграет какую-то роль.

Кондратий Мадей был, пожалуй, единственным человеком в отряде, на котором почти не отразилась блокада. Как всегда спокойный и неторопливый, он по-прежнему подшучивал над своими товарищами-спортсменами, находился в постоянной готовности к выполнению любого задания. Вот и теперь Кондратий уверенно шагал впереди — невысокий и чуть угловатый, чемпион Москвы, пловец-рекордсмен.

Выждав на опушке леса, когда Дедовск покинут немцы, мы, оставив дозорных, вошли в деревню, быстро отыскали старосту. Им оказался единственный на всю деревню мужчина. Немецкий офицер предупредил его, что он головой ответит, если из деревни исчезнет хотя бы одна корова.

Хозяин и его жена сразу меня узнали. Я попросил каких-нибудь трав для раненых. Староста засуетился, набросил на плечи кожух и вышел поговорить с людьми. Его жена полезла на печь за травами. С печи свесились две детские головки.

— Боитесь немцев? — спросил я ребят.

— Ага, — простодушно ответил старший. И, как взрослый, добавил: — Уж больно они лютуют, проклятые. За день перед тем, как прийти немцам, к нам заходили тоже партизаны, только не в белых халатах.

Вернулся староста. Хозяйка уже слезла с печи. Протянув мне завернутые в тряпицу травы, пояснила, какой из них какие болезни лечить. Староста повел нас на двор.

— Одного телка неучтенного нашли, — сказал он. — Белой холстиной его обмотали. Теперь и он как бы в халате. Поведете его полем — незаметно будет. По дорогам сейчас фашисты снуют.

Теленок увязал в снегу, поворачивая голову, негромко мычал. Позади послышались выстрелы. Мы обернулись и увидели, что в Дедовск примерно на пятнадцати подводах въехали немцы. Но стреляли они наугад: нас уже нельзя было заметить на поле.

Впервые за три недели раненые, больные и ослабевшие ели мясо. [207]

Но и в таких невероятно сложных условиях бойцам «Славного» удавалось наносить урон противнику. Отмечая годовщину Красной Армии, одна из наших групп отправилась к Ясенку. Неподалеку от него на поле совершил вынужденную посадку самолет «фокке-вульф», который ежедневно летал над лесом и, разыскивая партизанские лагеря, корректировал огонь артиллерии. Для охраны севшего самолета фашисты оставили целый взвод. Но после первых же выстрелов народных мстителей часовые разбежались. Партизаны сняли с «фоккера» пулемет и радиоаппаратуру, а самолет сожгли.

Во время другой операции, проведенной 24 февраля, наши бойцы уничтожили из засады группу вражеских связистов. В довершение к нашей радости Толбузин и Поляков расшифровали радиограмму Центра: нам предлагалось подобрать место для приема самолета, которым прилетит командир отряда...

А по ночам над нашими головами то и дело слышался самолетный гул. Это советские бомбардировщики летели на запад.

* * *

Так и не добившись успеха, гитлеровцы вдруг сняли блокаду. Из деревень они уходили поспешно. Это, несомненно, было результатом крупнейшей победы, одержанной нашими войсками под Сталинградом.

28 февраля 1943 года, ровно через месяц, «Славный», как и большинство отрядов, возвратился в клетнянский лес. Следы хозяйничания фашистов были видны повсюду. Их штабы располагались в партизанских лагерях. Перед уходом они взорвали землянки и сожгли все постройки. Чудом уцелел лишь наш запасной лагерь, находившийся в двух километрах от основного.

Вечером 11 марта на поле возле Мамаевки вышел весь личный состав отряда. В этот раз никто не делал секрета из того, что должен прилететь самолет, который доставит командира отряда. Мы сидели около большого костра и ждали. У каждого необычное, приподнятое настроение. Тяжелые дни, голод и холод остались позади. Сейчас мы сидим у жаркого костра, вокруг — тишина, ни одного выстрела. Немцы ушли не только из леса, но и прилегающих к нему населенных пунктов. [208]

Наконец прилетел самолет. Сегодня он спокойно кружит в воздухе, не гася аэронавигационных огней, не выключая посадочных фар. Всем нам хорошо видно, как раскрываются и медленно опускаются на землю парашюты. Вдруг к костру в одних шерстяных носках подбежал майор Шестаков. Забыв поздороваться, распорядился:

— Организуйте поиск четырех человек и шестнадцати мест груза. Заодно и мои унты поищите. Слетели в воздухе.

Кто-то подал майору полушубок. Укутав ноги, он раскрыл сумку и стал раздавать привезенные из Москвы письма.

— Получай! — протянул он конверт Георгию Магеру. — Твои родители и сестра заходили ко мне в гостиницу... А где Мадей? Сержант?

— Здесь, товарищ майор, — отозвался Кондратий.

— Говорят, ты хорошо воевал... Даже в Москве об этом знают... Долгушин! Тебе жена посылочку прислала.

Те, кому выпало счастье получить весточку из-за линии фронта, заметно волновались и долго рассматривали конверты, не решаясь их вскрыть. Я получил два письма: от матери из Новосибирска и от жены без обратного адреса. А майор Шестаков уже вынул очередной конверт, нахмурился и тут же снова убрал

его в сумку. Он уже знал о гибели моего помощника Евгения Мельникова.

Из пары унтов нашли только один. Но старшина уже подал командиру валенки. Майор надел их, встал, притопнул ногами и с улыбкой сказал:

— Ну вот теперь хорошо! А то сижу перед вами, как персидский шах... А что с людьми и грузом?

— Люди приземлились благополучно. Весь груз собрали, товарищ майор! — послышался голос начальника штаба.

Подошли четыре бойца в армейских полушубках, в валенках, с автоматами. Это были наши однополчане Алексей Бабошин, Алексей Киселев, Владимир Зиновьев и радист Георгий Бойко.

— Личную охрану в Москве выделили, — пошутил Шестаков. — Вдруг не туда бы прыгнул!

Проговорили мы до самого утра. Нам было о чем рассказать командиру, и не только о черных днях. А он не успевал отвечать на наши вопросы. В разговоре очень часто [209] слышалось слово «Сталинград». Это слово придавало нам новые силы, вызывало еще большую жажду активных боевых действий.

Сброс оружия, боеприпасов, обмундирования и медикаментов продолжался и в последующие дни. Мы понимали, что делается это неспроста, но никто не решался спросить у командира: зачем?

Разведывательная и боевая деятельность «Славного» снова активизировалась. У гитлеровского командования явно не хватало сил для борьбы с партизанами. Оккупанты вынуждены были сдать под наш контроль огромную территорию, они едва справлялись с охраной коммуникаций. А к железнодорожным и шоссейным магистралям опять вышли десятки наших диверсионных групп...

Неудавшиеся попытки разделаться с партизанами, потеря целой отборной армии под стенами Сталинграда повергли немцев в уныние. Эти неудачи отразились и на настроении солдат власовских изменнических формирований. Холуи потеряли веру в силу своих хозяев. Этим немедленно воспользовался подполковник В. В. Рыкин, направив деятельность агентурной группы Грибкова и Константинова на разложение одной из рот батальона «Припять», дислоцировавшейся в Мглине. В переходе целой роты с оружием и имуществом на нашу сторону группе Геннадия большую помощь оказала мглинская учительница Валентина Федоровна Полевич, жена майора Красной Армии, мать четырех детей. Но подробный рассказ о сложной и кропотливой работе группы Геннадия и об этой мужественной женщине потребовал бы еще многих страниц и отвлек бы нас от основной темы.

Здесь лишь можно сказать, что переход этой роты на сторону партизан вызвал переполох среди оккупантов. А когда месяц спустя «Славный» был уже в Белоруссии и группа наших разведчиков столкнулась со 2-й ротой того же батальона «Припять», то, воспользовавшись перестрелкой, еще полсотни солдат перебежало на нашу сторону. В чечерском лесу мы наблюдали встречу злополучных «однополчан». Они рассказали, что после перехода мглинской роты к партизанам гестапо арестовало также командиров батальонов «Березина» и «Днепр», а командира «Припяти» расстреляло. Вместо них были назначены немецкие офицеры, расширена сеть фашистских агентов в таких подразделениях. [210]

Белоруссия родная

И лица те же, что в Рязани, И так же звучны голоса.

Л. Татьяничева

Никто из бойцов «Славного» не заметил, что мы пересекли границу Российской Федерации и вступили на белорусскую землю. Все тут было таким же, родным и знакомым. Те же бревенчатые дома, крытые щепой и соломой, те же густые леса, перемежающиеся с полями и лугами. Может быть, только в этом краю чаще встречались реки и болота. А скорее всего, они не заметили разительных перемен потому, что в Белоруссии, как и на Брянщине, люди, всегда приветливые к друзьям, становились суровыми и беспощадными к недругам, что и здесь кипела жестокая борьба с немецко-фашистскими захватчиками.

Майор Шестаков оказался хорошим конспиратором. Он прилетел из Москвы, уже имея задание о переходе «Славного» в Белоруссию, но объявил об этом только в канун майских праздников.

26 апреля самолеты сбросили отряду большую партию оружия и боеприпасов. Лейтенант Михаил Оборотов, назначенный начальником штаба вместо погибшего И. С. Медведченко, был озадачен, распределяя груз между подразделениями: при всех условиях они должны оставаться подвижными. А тут придется создавать обозы, которые не только сковывали маневренность, но являлись помехой при форсировании рек и переходе охраняемых железных дорог. Кто-то предложил делать вьюки. Идея понравилась всем.

Готовясь к выступлению, Шестаков договорился с

командиром мглинского отряда принять часть наших раненых [211] бойцов, стариков и детей, которых нам нельзя было брать в дальний поход. Остальных решили оставить в ближайших деревнях. И крестьяне выручили нас.

...День Первого мая выдался солнечным. Перед строем зачитали праздничный приказ Верховного Главнокомандующего и Указ Президиума Верховного Совета о награждении командиров и бойцов отряда орденами и медалями. Здесь же было объявлено о присвоении некоторым партизанам воинских званий.

После построения командование устроило праздничный обед, а затем состоялся концерт художественной самодеятельности. Из всех выступлений особенно растрогала нас грустная песня о советской девушке, замученной фашистами. Написал ее политрук первой роты Михаил Баштан, а исполнила юная партизанка Ася Васильева. Песня поднимала у бойцов боевой накал, усиливала их ненависть к врагу.

В конце дня я собрался в путь. Мне приказали возглавить обоз с теми ранеными и детьми, которых следовало передать на попечение медиков мглинского отряда. Тяжелыми были минуты расставания с ними. Валентина Федоровна Полевич, уже потерявшая в боях мужа, теперь прощалась с тремя детьми — Сережей, Женей и Леной. Ее старшая семнадцатилетняя дочь Людмила собиралась идти с отрядом на запад. Оставляли мы и отца командира одной из наших рот старшего лейтенанта Василия Романькова — шестидесятипятилетнего Ефима Максимовича. В свое время, когда его сын — бывший пограничник, оказавшись в родных местах, организовал партизанскую группу, старик сразу же вступил в нее. В бой он, конечно, не ходил, поскольку у него не было одной руки, но, как хозяйственник, приносил немалую пользу.

Пришлось также оставить и тяжело раненного разведчика Сергея Никулина — бывшего студента Московского архитектурного института.

Мы, разумеется, не предполагали тогда, что с некоторыми товарищами прощаемся навсегда. Ефима Максимовича Романькова каратели казнили, малолетних детей В. Ф. Полевич посадили в тюрьму как заложников. Правда, расстрелять их фашисты не успели из-за стремительного наступления Красной Армии.

4 мая 1943 года «Славный» покинул клетнянский лагерь. [212]

Когда проходили мимо партизанского кладбища, остановились и почтили память погибших друзей минутой молчания. Возле Мамаевки нас поджидали прибывшие

попрощаться наши лесные братья из бригады «За Родину». При расставании мой коллега Павел Гриненко вдруг признался, что он не хирург, а всего лишь зубной техник.

Хотя мы и покидали Брянщину, уроженцев этой области, особенно молодежи, немало осталось в отряде. Среди них оказались совсем юные — Сережа Денищенков и Эрик Фомин, Володя Китаев, Порфиша Кондрашов, Коля Польгуев. Им исполнилось только по тринадцать лет. На три-четыре года старше их были Юрий Нечаев, Владимир Тидеман, Евгений Лупин, Валентин Курлапов, Толя Званский и Леша Пимонов.

Майор Шестаков да и я, как врач, не сразу решились зачислить этих ребят в отряд. Так поступить нас вынудили веские обстоятельства.

Дело в том, что почти всех названных подростков уже опалила война, у многих из них на глазах оккупанты расстреляли родителей или родственников. При одном упоминании слова «фашист» глаза у ребят загорались ненавистью. Мы знали, что некоторые из них обзавелись даже огнестрельным оружием, чтобы отомстить карателям.

У Юрика Нечаева фашисты на глазах убили отца и восьмидесятитрехлетнюю больную бабушку, а мать Зинаиду Сергеевну и сестру Нину угнали в Германию. У Володи Китаева они тоже расстреляли мать. Мать Алеши Пимонова, работницу поселкового совета, гитлеровцы публично повесили; мать Лиды Кузовковой — Матрену Дмитриевну — заживо сожгли в доме. За колючей проволокой оказались мать и брат Коли Курлапова, родственники Валентина Курлапова...

Можно ли было таких ребят оставлять на произвол судьбы? Не имея никакого жизненного опыта, но располагая оружием, они без наставника могли легко погибнуть.

Майор Шестаков и командиры подразделений, в которых находились подростки, старались всячески оберегать их. Но война есть война. Мальчишки переносили вместе с нами все тяготы и лишения, нередко участвовали в боях и наравне со взрослыми получали ордена и медали. Особенно хочется отметить Дмитрия Ипатова, Николая Шершнева, Василия Горохова, Сергея Ремизова, Петра Сапачева, Николая Шевлюгова и других юношей. Они храбро [213] сражались в рядах «Славного». Однако чаще всего нам приходилось сдерживать подростков.

Как-то незаметно в «Славном» создалась «девичья команда». Начало ее организации положил командир, хотя сам он больше всех противился появлению женщин в отряде, потому что считал, что война совсем «не бабье дело».

До перехода линии фронта в «Славном» была единственная девушка — военфельдшер Мария Петрушина. Физически крепкая и энергичная, она хорошо показала себя уже в битве под Москвой и была награждена медалью. Вскоре начальник разведотдела 16-й армии полковник Вавилов прислал нам разведчицу — комсомолку Евдокию Зайцеву. Она уже дважды ходила за линию фронта с различными заданиями. В третий раз Дуся оказалась на оккупированной территории вместе с нами. Собрав нужные сведения, она хотела уже возвращаться обратно, но внезапно заболела. Командир приказал передать донесение по радио, а разведчицу оставил в подчинении В. В. Рыкина.

Подполковник В. В. Рыкин уже имел девушек в своем незримом штате. В столовой Олсуфьевского аэродрома с показной старательностью убирала столы и мыла посуду Зина Маркина. Тайком она пересчитывала немецких летчиков, а когда удавалось, и самолеты. В другом поселке на гарнизонной кухне работала Людмила Соловьева. Помогая официанткам, она ловила обрывки разговоров между немецкими офицерами-радиотехниками. Не раз уже по заданию Рыкина ходили в Брянск, Рославль и другие крупные города учительница ивотской начальной школы Лидия Кузовкова, ее подруги Аня Польгуева и Катя Снежкова...

Однажды, собрав данные о количестве прилетевших на аэродром новых самолетов, Зина «заболела» и на недельку попросилась домой. Девушку отпустили. В деревне Липовка она зашла в избу обогреться и увидела за столом немецкого унтера и полицая. Оба были пьяны и не обратили на нее внимания. Разведчица схватила стоявший возле печки карабин и громко крикнула:

— Хенде хох, гады!

Немец встал первым, Зина повела их в сторону леса, хотя у самой у нее от страха подкашивались ноги. Полицейский попытался бежать, но разведчица тут же пристрелила [214] его. Перепуганный унтер-офицер еще выше задрал руки:

— Не надо капут! — взмолился он. — Я есть переводчик... Могу все говорить!

...Унтера самолетом отправили на Большую землю. А Зину Маркину командир по просьбе Рыкина оставил в отряде. Теперь ей уже нельзя было возвращаться в Олсуфьево.

Когда «Славный» по приказу Центра уходил за Десну, пришлось забрать и ивотских разведчиц. Фашисты начинали прочесывание Дятьковского района, и оставлять девушек было опасно.

Потом в отряде появилась тоненькая, как лозинка,

шестнадцатилетняя красавица Ася Васильева. Перед самой войной она приехала из Москвы в Бобруйск на каникулы к бабушке. Потянулись черные дни оккупации. Во время очередной облавы Ася угодила в лапы фашистов, и ее вместе с группой молодежи должны были отправить на каторгу в Германию. Однако девушке повезло: она бежала и решила разыскать своего дядю-партизана. После многодневных скитаний по лесу и деревням она случайно встретилась с группой наших разведчиков, среди которых находилась Маркина. Зина и привела Асю в отряд.

В коротеньком платьице и стоптанных туфельках Ася выглядела ребенком. Но она сразу преображалась, становилась мужественной и даже казалась выше ростом, когда читала стихи о войне или пела партизанскую песню «Залился песней голосистой наш друг максимка-пулемет».

Лизу Козлову нашли в лесу Ипатов, Тидеман и Нечаев, возвращавшиеся из разведки. Она сидела под деревом совершенно обессилевшая, с распухшими и разбитыми в кровь ногами. Когда бойцы подошли к ней, чтобы помочь, Лиза в ужасе закричала:

— Не приближайтесь! Лучше сразу стреляйте!

Только тут ребята поняли, в чем дело: Нечаев и Тидеман были в немецкой форме, с немецкими автоматами.

— Да ты не бойся, мы — партизаны, — сказал Володя Тидеман. — Правда, дедушка мой действительно был немцем.

— Ненавижу немцев! — заплакала Лиза. — Двести шестьдесят дней мы жили в гетто, в Хотимске.

Лиза рассказала, что всех обитателей еврейского гетто согнали к противотанковому рву за городом. От родителей [215] стали отнимать детей, со взрослых срывать одежду. Затрещали пулеметные очереди. Лизе удалось убежать в лес, ее родители и сестра, приехавшая с маленькими детьми на лето к матери, навсегда остались во рву.

Разные судьбы и разные дороги приводили девушек в наш отряд. Уже опытными партизанками были в «Славном» Паша Лемтюгова и Юля Холопова. Не желая работать на оккупантов, ушли к народным мстителям медицинские сестры Нина Щелокова и Татьяна Васильева. Спасаясь от угона в Германию, бежали в лес Шура и Нина Волтовы. Чтобы избежать провала, пришлось уйти из-под Могилева нашим связным Марии и Татьяне Кусковым. Боевые подразделения пополнили Вера Кокошкина и Настя Карнаушенко, Женя Королева и Ольга Дыля. В санитарной части работали Ольга Шандыба и внимательная, заботливая няня Матрена Григорьевна Устьянцева.

Очень разными были наши девушки. Нежными и мечтательными в минуты затишья: сплетали из полевых цветов венки, гадали на лепестках ромашек, пели песни. В бою они становились смелыми и волевыми воинами, неустрашимыми народными мстителями.

«Славному» предстояло проделать немалый путь, чтобы, выполняя приказ Центра, выйти в район Могилева. В ночь на 10 мая 1943 года отряд с боем пересек железную дорогу Унеча — Кричев и углубился в лес. Через несколько дней он остановился возле Гуты Осиновской, близ Сожа.

Шли мы медленно. Шестаков и Рыкин действовали осмотрительно. Снова выслали вперед усиленную разведку и головной отряд. Впереди на многие километры простиралась открытая местность, а в населенных пунктах, расположенных поблизости от шоссе и железной дороги между Могилевом, Гомелем и Жлобиным, размещались части 221-й охранной дивизии. Люди В. В. Рыкина сообщали, что в последнее время заметно активизировались вражеская контрразведка, полевая жандармерия и полиция.

Бойцы томились, ожидая, когда отряд двинется дальше. Они осаждали командиров подразделений, групп просьбами отправить их на задание. Об этом докладывали, в частности, старшие лейтенанты Григорий Головин и Василий Романьков, лейтенант Иван Егорычев, старший сержант [216] Кондратий Мадей, который теперь командовал комсомольско-молодежной ротой.

Майор Шестаков внимательно выслушивал их, а когда они уходили, в штабе начинался оживленный разговор на эту тему. Теперь мне приходилось тоже в нем участвовать. И не только как начальнику медицинской службы, но и как заместителю комиссара: тяжело заболевшего майора В. С. Пегова пришлось в сопровождении небольшой группы бойцов отправить обратно в клетнянский лес.

Василий Васильевич Рыкин считал, что, пока мы не достигнем заданного района, надо прекратить всякую боевую деятельность, чтобы не привлекать внимания противника. Вести только разведку. Я был согласен с ним, но выдвигал иные доводы. Если мы на марше будем вступать в бои, у нас непременно появятся раненые, которые скуют маневренность отряда, замедлят его продвижение.

Молодой, энергичный начальник штаба лейтенант Оборотов жаждал, конечно, активных действий.

Анатолий Петрович Шестаков находился в более трудном, чем мы, положении. Выслушав нас, он должен был принять решение. В его руках были судьбы сотен людей. Майор был

волевым и грамотным командиром. Он не только понимал значение разведки, но и лично участвовал в ее организации. Вместе с тем Шестаков видел, что сведения добываются медленно и с большим трудом. Понимал он и то, что крупный, хорошо вооруженный отряд не может и не имеет права долго сидеть без дела. Но ускорить поступление донесений от группы, ушедшей на глубокую разведку маршрута — за Сож, за Днепр и еще дальше в район Могилева, не мог даже многоопытный подполковник Рыкин. Пока что он обращал свой проницательный взор в сторону Гомеля, Жлобина, Рогачева и Быхова. Отряд же вынужден был сидеть и ждать. К тому же и Центр вдруг приказал задержаться в районе чечерских лесов, чтобы принять пополнение и боеприпасы. Настроение у людей сразу поднялось.

В течение нескольких ночей мы принимали самолеты с людьми и грузами. А вскоре поступили первые сведения из-за Днепра: наш головной отряд приступил там к подготовке базы.

Перед тем как двинуться по маршруту дальше, майор Шестаков разрешил организовать несколько засад и вылазок. Одну из операций, как всегда, удачно провел Кондратий [217] Мадей. С небольшой группой бойцов он пробрался в деревню Влазовичи, находившуюся в десяти километрах от крупного суражского гарнизона противника. Там, в конюшнях конного завода, под охраной роты гитлеровцев находилось несколько сот кавалерийских лошадей. Старший сержант не стал завязывать бой с охраной, решил дождаться ночи. Под покровом темноты Мадей с бойцами бесшумно снял часовых и выгнал из конюшен большой табун. Заслышав ржание и топот, фашисты, находившиеся в казарме, подняли панику. Когда они сообразили, в чем дело, и открыли огонь, наши партизаны были уже далеко. Отряд получил более сотни строевых коней. Правда, седел разведчики захватили мало, и нашим умельцам пришлось самим их изготовлять.

«Славный» стал выглядеть намного внушительнее. Он пополнился не только людьми, доставленными самолетами, но и за счет местной белорусской молодежи.

Удачно провел старший сержант Мадей и две засады. В селе Вороновка его группа в упор расстреляла средь бела дня автомашину с немецкими интендантами. А неделю спустя так же днем на шоссе Гомель — Могилев была уничтожена еще одна автомашина. В результате четыре вражеских офицера оказались убитыми, а пятый захвачен в плен.

Группа, возглавляемая ефрейтором Алексеем Каменевым, сожгла на берегу Сожа большое количество лесоматериалов, предназначавшихся для строительства оборонительных укреплений; лейтенант Оборотов с несколькими бойцами

совершил налеты на продовольственные базы противника, находившиеся в Гузовке и Душатино.

Эти, хоть и небольшие, но очень дерзкие вылазки, особенно угон лошадей и нападения днем на автомашины, всполошили противника. Над лесом стал непрерывно летать самолет-разведчик — двухфюзеляжный «ФВ-189». Наши группы, выходящие на задания, начали натыкаться на засады противника.

Изучив новые разведданные и сличив их. с теми, которые значились в документах, захваченных в разбитой интендантской машине, подполковник Рыкин установил, что численность вражеских гарнизонов в Чечерске, Кормах, Гадиловичах и Довске увеличилась где вдвое, где даже втрое. Наши разведчики сообщили, что командир охранной дивизии начал лично проверять боевую готовность [218] подразделений. На дорогах стали появляться так называемые наружные команды, хорошо известные своими зверствами в обращении с местным населением. Это же подтвердил захваченный нами обер-ефрейтор, ехавший на мотоцикле из Гомеля. Он показал, что находящиеся там немецко-фашистские части обеспокоены появлением крупного советского соединения, которое каждую ночь получает подкрепления и грузы по воздуху, что против нас готовится большая карательная экспедиция. Командование отряда пришло к выводу: надо поторапливаться с уходом.

Для обеспечения переправы к Сожу еще накануне вышло подразделение старшего лейтенанта Головина. Вместе с ним направился и Долгушин. Григорий Головин был родом из этих мест, а без прославленного гребца, абсолютного чемпиона страны, заслуженного мастера спорта Александра Долгушина вообще не мыслилась ни одна операция, связанная с форсированием реки.

Сож еще не полностью вошел в берега после паводка. Лениво извиваясь меж зеленеющих лугов, он виделся далеко, казалось, до самого Чечерска. Солнце стояло высоко, и нас, привыкших к лесу, даже смутил внезапно открывшийся простор. Но напряженная обстановка не позволяла любоваться природой. «Славному» надо было побыстрее не только переправиться через широкую реку, но преодолеть открытую местность, несколько шоссейных и железную дорогу Гомель — Рогачев. Здесь по хорошо развитой дорожной сети оккупантам не составляло труда быстро перебросить войска, и если не перехватить наш отряд на переправе, то окружить его на открытой местности. Майор Шестаков принял решение — немедленно форсировать реку, чтобы до наступления темноты успеть подойти к охраняемой железной дороге и пересечь ее ночью.

Переправа проводилась с соблюдением всех мер предосторожности: были выставлены дозоры, организовано прикрытие с тыла. Перебравшись на западный берег, бойцы сразу же занимали оборону, чтобы быть готовыми встретить противника с запада. Но все обошлось благополучно. Правда, над рекой несколько раз низко пролетала «рама». Самолет появлялся и после того, когда мы двинулись дальше. Но огня он почему-то не открывал. Возможно, экипаж его принял нас за своих. На одной из повозок мы предусмотрительно расстелили большой флаг со свастикой. Значительная часть наших бойцов носила немецкую форму. [219]

В одиннадцать часов вечера отряд подошел к шоссе, быстро пересек его, чтобы за короткую летнюю ночь успеть добраться до приднепровского леса. Колонна двигалась бесшумно, не скрипели хорошо смазанные колеса повозок, мягко ступали раскованные лошади.

Неожиданно позади прозвучали выстрелы, но вскоре перестрелка прекратилась. Примерно через полчаса нас нагнал взвод, оставшийся у шоссе для прикрытия основных сил отряда. К майору Шестакову бойцы подвели полицейского. Он перебежал на нашу сторону во время стычки с головным вражеским дозором, с которым находился. Этот дозор ехал на автомашине впереди колонны, состоявшей из восьми грузовых автомобилей с солдатами и одного «мерседеса» с офицерами. Наткнувшись на наш взвод, фашисты соскочили с грузовика и завязали было бой, но не выдержали нашего натиска и начали отходить. В этой суматохе полицейский и сбежал от них.

Перебежчик плохо знал обстановку в данном районе. Он показал лишь, что следом за нами движется батальон карателей, что в составе автоколонны есть бронеавтомобиль и два орудия. Фашисты намерены занять село Белое Болото, расположенное на шоссе, организовать там засаду, используя большие штабеля бревен, и встретить партизанский отряд. Они не знают о переходе всего отряда через дорогу.

Показания полицейского озадачили Шестакова и Рыкина. Становилось очевидным, что немецкого воздушного разведчика не ввел в заблуждение флаг со свастикой, расстеленный на одной из наших повозок. Противник точно установил направление движения нашей колонны. Он ошибся лишь в расчете времени, предполагая встретить нас на шоссе не ранее десяти часов утра. Теперь, когда его дозор столкнулся с нашим заслоном, он, несомненно, изменит свои планы.

— Поскольку враг не знает о том, что шоссе перешел весь наш отряд, мы должны воспользоваться этим и сами организовать

засаду, — сказал командир.

Отослав тыловые подразделения подальше в лес, в район Камень-Рысковской, майор Шестаков с двумя ротами возвратился в село Белое Болото, возле которого мы переходили шоссе. Для засады были использованы те самые штабеля бревен возле дороги, укрывшись за которыми враг собирался устроить нам побоище. [220]

Наши подразделения были вооружены неплохо: два станковых и несколько ручных пулеметов, одно орудие и два противотанковых ружья. У остальных бойцов — отечественные и трофейные автоматы.

Взошло солнце. Июньский день обещал быть жарким. Вокруг царила тишина. Мы лежали в укрытиях и внимательно наблюдали за серой лентой шоссе, уходящего к дальней опушке леса. Самым спокойным из бойцов казался дагестанец Али Исаев. Таким он всегда становился в боевой напряженной обстановке. Хотя в обычной жизни он по-кавказски горяч и нетерпелив.

Издалека донесся шум моторов, как раз оттуда, откуда мы ожидали. Вскоре из перелеска на открытый участок дороги, словно огромные жуки, стали выползать крытые брезентом грузовики — первый, второй, третий. За ними шел «мерседес», затем автомашина с пушкой на прицепе. Потом опять появились грузовые автомашины.

Перед въездом в село головной автомобиль замедлил ход. И вот уже вся колонна, сомкнувшись, оказалась перед нами.

Должен признаться, что это были весьма неприятные минуты в моей жизни. Хотя мне не раз приходилось лежать в засадах и бывать в бою, никогда не видел большого количества вражеских солдат в непосредственной близости. Одна из машин остановилась совсем рядом. В просторной кабине сидели два унтера и шофер. Фашисты пока не обнаружили нас. Послышались слова команды, и из грузовиков через задний борт стали выскакивать на шоссе солдаты.

Майор Шестаков, как было заранее условлено, выпустил одну за другой две короткие очереди из автомата по легковому автомобилю. И сразу же заговорили все виды оружия. Гитлеровцы, успевшие сойти на землю, в панике заметались возле машин. Огонь был таким плотным, что через несколько минут дорога и ближайшая улица оказались усеянными трупами. После Сукремля, где вот также, в упор, наши бойцы расстреляли роту эсэсовцев, такого удачного удара из засады не бывало.

Солдаты, ехавшие в последних грузовиках, успели организовать оборону. Они залегли в придорожной канаве и открыли ответный огонь. Шоссе заволокло густым дымом от

горящих автомашин, отыскивать цели становилось [221] все труднее. А затяжка боя была выгодна только противнику. Наверняка он вызвал подкрепление.

У нас появились раненые. Я подполз сначала к Николаю Софийко, затем к Ивану Храмову, к Барановскому. Перевязал их и отправил с санитарами на опушку леса. Потом снова пробрался к Шестакову. Он приказывал минометчику Коренкову и расчету противотанкового орудия открыть огонь по бронемашине и двум грузовикам, появившимся на шоссе возле дальней опушки леса.

На левом фланге засады стрельба снова усилилась. Там я заметил Александра Долгушина. Приподнявшись над бревнами, он вел огонь не из снайперской винтовки, как обычно, а из ручного пулемета. Вот он расстрелял диск и отбросил его в сторону. Возле командира лежал заряженный, и Шестаков подтолкнул его мне. Я вскочил и, пригнувшись, побежал к Долгушину. Над головой зло просвистели пули. Я упал на землю рядом с Долгушиным. Еще не осознав, что случилось, увидел, как он опрокинулся навзничь...

Много смертей довелось мне видеть. Но в этот момент мне стало страшно. Не за себя, а за Александра Долгушина, словно его еще раз могли убить. Выбиваясь из сил, я стал оттаскивать его, рослого, тяжелого, к лесу, куда санитары уже отнесли нескольких раненых. А позади прокатилось дружное «ура!». Это майор Шестаков повел бойцов в рукопашную. Видимо, решил, что иначе невозможно вывести отряд из затянувшегося тяжелого боя.

С опушки леса было видно, как над шоссе расстилался густой бурый дым. Горели восемь автомашин. Скособочившись, стоял подбитый броневик. Вскоре из облаков пыли и гари выскочили наши партизаны. Подгоняя пленных, они спешили к лесу. Дмитрий Коренков то и дело подхлестывал лошадь, которая тащила трофейную пушку.

Победа в этом бою была внушительной. Однако мы долго и тяжело переживали гибель нашего голубоглазого богатыря, бесстрашного боевого друга Александра Долгушина. Под впечатлением этой утраты я тогда посвятил Саше стихи.

> Ветер Из глаз вышибает слезу... Куда это Сашу сегодня несут? Возле широкого дуба Ряд в ряд [222] Зачем партизаны сегодня стоят? Сквозь листья проклюнулась Свежая синь... Вчера на повозке Сидели мы с ним. О чем же мне Саша Вчера рассказал? Пастью в земле Возле дуба — Провал! Солнце Лучами пронзило росу. Ветер Из глаз вышибает слезу.

* * *

Когда упоминается Днепр, у многих в памяти сразу всплывают слова Гоголя о его чарующей красоте или встают перед глазами картины величайшего ратного подвига советских воинов, форсировавших в сентябре 1943 года эту могучую реку. Мне первый раз довелось увидеть Днепр в июне 1943 года, когда наш отряд переправлялся на его правый берег у небольшого населенного пункта Кистини. На помощь «Славному» пришло все население этой деревушки. Крестьяне невесть откуда достали лодки, помогли нам вязать плоты, несмотря на то, что «фоккер» непрерывно обстреливал нас с воздуха.

Весть о нашей победе у Белого Болота и возле Камень-Рысковской докатилась сюда, за Днепр, раньше, чем мы туда пришли. Бойцов зазывали в избы, угощали картофельными лепешками. Это было кстати: наш неприкосновенный запас продовольствия кончился.

Такое поведение крестьян мы справедливо расценили как подвиг. Ведь незадолго перед нашим приходом оккупанты провели здесь жесточайшую карательную операцию под названием «Майский жук». Они начисто опустошили все населённые пункты, а многие сожгли. Населённые пункты Щипачи, Звонец, Слобода, Радомысль, Еленево, по которым теперь пролегал путь «Славного», фашисты ограбили до последнего зерна.

На правом берегу Днепра находилось уже немало партизанских частей и подразделений. В первые же дни пребывания там мы установили контакты с бригадами Ф. С. Тарасевича и 8-й рогачевской, с 277-м полком И. З. Изоха, с отрядами Марусова, Лебедева, Голощапова и Драчева. Все они тоже были наслышаны о нашей успешной [223] засаде на Гомельско-Могилевском шоссе и многочасовом бое с крупными силами карателей, который мы провели на следующий день возле Камень-Рысковской перед форсированием Днепра.

Что же произошло тогда, в начале июня, вблизи Днепра?

Как уже знает читатель, 4-го июня 1943 года наш отряд внезапным и мощным ударом из засады ошеломил противника и нанес ему тяжелый урон. Но затем к разгромленному вражескому подразделению подошло подкрепление, и бойцам «Славного» пришлось драться врукопашную, чтобы пробиться к лесу и уйти. Результаты этого боя были внушительными: сожжено восемь грузовых автомашин и одна легковая, подбит броневик, подорваны орудие и 50-мм миномет. Каратели потеряли несколько десятков солдат. Немалыми оказались и наши трофеи:

22-мм полуавтоматическая пушка с большим запасом снарядов, 50-мм миномет, 5 пулеметов, 60 автоматов, много карабинов и пистолетов, более 500 новых комбинезонов.

Ночью я подошел к небольшому костру, возле которого находился командир, чтобы доложить о раненых. Здесь был и помощник Рыкина — М. И. Каменщиков, только что возвратившийся из разведки. Его и без того худощавое лицо еще больше осунулось и потемнело. Вести он принес довольно невеселые. В село Белое Болото вошли вражеские танки, а в Краснице замечена немецкая кавалерия. Оба населенных пункта находились неподалеку, и гитлеровцы в любой момент могли нас атаковать.

Еще не успел Каменщиков закончить свой доклад, как к костру на конях подскакало несколько командиров местных партизанских отрядов. Они тоже сообщили о сосредоточении поблизости значительных сил противника и предложили, чтобы мы, пока не поздно, ушли вместе с ними за Днепр. Однако майор Шестаков вынужден был отказаться от их предложения: еще не подошла одна наша рота, не вернулись разведывательные и диверсионные группы. Они знали, что пунктом сбора является район Камень-Рысковской. Наш преждевременный уход отсюда поставил бы их в тяжелое положение.

Гомельские партизаны уехали. Мы остались одни. А от наблюдателей стали поступать уже более тревожные донесения: противник замечен в районе Сверженя. Вскоре мы услышали стрельбу совсем рядом — в Камень-Рысковской. [224]

Оттуда прибежали Парфенов и Подвербный, которых я посылал достать молока для раненых. Они рассказали, что при выходе из деревни наткнулись на конный дозор противника. Майор Шестаков приказал усилить посты и выставить дополнительных наблюдателей. В пятом часу утра, когда совсем рассвело, обстановка ещё больше осложнилась. Над нашим лагерем появилось несколько самолетов. Едва не задевая вершины деревьев, они поливали лес пулеметными очередями. Оставаться здесь дольше стало опасно, и командир решил перевести отряд в большой приднепровский лес. Но путь туда лежал через широкое поле, а в небе кружили четыре «фоккера».

Возвращение назад тоже исключалось. Идти пришлось бы также по открытой местности. К тому же все дороги были перекрыты вражескими танками и пехотой. Положение отряда стало критическим, когда из Рысковской, расположенной на возвышенности, по нас открыла огонь артбатарея противника и крупнокалиберные пулеметы, «фокке-вульфы» начали сбрасывать гранаты. Мы вдруг сразу почувствовали, как не велик лесок, в

котором каратели обложили «Славный». Нетрудно было догадаться о намерении гитлеровцев вытеснить отряд на открытое место и уничтожить. На эту поросшую редкой и невысокой рожью ниву и мы устремили свои взоры. Она была сравнительно невелика, пересекалась лишь узкой речушкой, а сразу за ней виднелась стена высокого, густого леса, простиравшегося почти до Днепра. Там куда легче укрыться.

Переходить поле безопаснее было мелкими группами. Именно такое решение и принял майор Шестаков. Оставив позади заслоны, подразделения подтянулись к опушке леса. Командиры объявляли порядок следования. Товарищи сняли с повозок раненых и положили их на носилки.

Майор Шестаков дымил трубкой и казался спокойным. Но он почему-то медлил с подачей команды о начале перехода.

Меня всегда поражало умение командира быстро и правильно оценивать обстановку, предугадывать ее возможные изменения и определять момент начала решительных действий. Так было и в тот раз. Организованная им дополнительная разведка позволила узнать, что в приднепровском лесу появился противник. Он уже подошел к противоположной окраине того поля, через которое мы [225] собирались сделать бросок. Вскоре появились первые цепи вражеских солдат. Вот они уже преодолели речушку. Этого момента, очевидно, и ожидал командир.

Когда противник приблизился почти вплотную, его батарея прекратила огонь, майор Шестаков поднял бойцов в атаку. Внезапным стремительным ударом передняя цепочка гитлеровцев была смята и уничтожена. Остальные бросились бежать, подставляя спины под наши пули. Но у речушки, ставшей теперь серьезным препятствием, наши ребята настигли их...

Рукопашная схватка была непродолжительной, но жаркой. Ни один каратель не успел добежать до опушки леса, где стоял их обоз и около сотни всадников. Вражеских кавалеристов тоже охватила паника. Бросив повозки с имуществом, они поскакали в сторону Рысковекой, где располагалась их артбатарея. Артиллеристы же противника приняли своих всадников за наступающих партизан и начали бить по ним шрапнелью.

Наши подразделения начали приводить себя в порядок. Командиры рот подсчитывали потери в личном составе. Ожидая их докладов, майор Шестаков изучал карту и другие документы, оказавшиеся в полевой сумке убитого немецкого майора. Судя по всему, этот офицер руководил всей операцией. По захваченным материалам нашему штабу удалось установить расположение частей карателей, их численность, поставленные перед ними задачи. Это помогло Шестакову точно оценить обстановку и

принять правильное решение. Он повел отряд в глубину леса, в район Сверженя, по такому маршруту, который исключал новые столкновения с противником. Однако и теперь вперед была выслана усиленная разведка во главе с начальником штаба.

В районе Сверженя с основными силами отряда вскоре соединились и все группы, выполнявшие специальные задания. На основе свежих разведданных командир вместе с начальником штаба и другими своими помощниками снова сделал обстоятельный анализ обстановки.

Выяснилось, что против «Славного» гитлеровцы бросили воинскую часть, насчитывающую около 2500 солдат и офицеров, а также большую группу полицейских. Они имели на вооружении артиллерийскую батарею из 6 пушек, 4 танка и 4 самолета. Кроме того, в операции участвовали 2 отдельных кавэскадрона, 5 специальных наружных [226] команд ГФП-724 и несколько охранных подразделений 221-й пехотной дивизии. Эти довольно значительные силы должны были блокировать лесной массив между Белым Болотом и Камень-Рысковской, а затем ударами отдельных групп автоматчиков, поддерживаемых артиллерией и авиацией, вытеснить наш отряд на открытое место, чтобы уничтожить. Решение второй части задачи возлагалось на пехоту и танки. Кавалерийские эскадроны предназначались для преследования и вылавливания «отбившихся» партизан, наружные команды для «мероприятий, препятствующих возрождению бандитских действий и устрашения». Расшифровать страшный смысл последней фразы оказалось нетрудно. Каратели дотла сожгли Белое Болото, Камень-Рысковское и ряд других деревень. Почти всех жителей этих населенных пунктов они расстреляли.

Гитлеровцы жестоко поплатились за свои злодеяния. Только за 5 июня они потеряли убитыми 170 солдат и офицеров (нашим разведчикам это удалось установить по количеству гробов, изготовленных в Довске, Гадиловичах и Рогачеве), два танка, автомашину с боеприпасами и крупный обоз.

Наши потери составили: пять человек убитых и девять раненых, хотя гитлеровцы сообщили, что они 440 партизан уничтожили и столько же взяли в плен. В число партизанских потерь они, видимо, включили расстрелянных и сожженных ими стариков, женщин и детей. Да и как мы могли потерять столько людей, если численность отряда в то время не превышала трехсот человек?! Ведь готовясь к походу на запад, «Славный» передал большое количество своих бойцов брянским товарищам, оставил там для эвакуации на Большую землю почти всех раненых.

Несоразмерность потерь партизан и карателей может вызвать

у некоторых читателей сомнение в достоверности приведенных здесь цифр. Хочется поэтому упомянуть здесь об одной из особенностей боевых действий народных мстителей. Они нападают, как правило, из засад. Нанесут удар и сразу уходят. Лишь в исключительных случаях им приходится драться с врагом в открытую, как на фронте. (Я, разумеется, имею в виду небольшие отряды.) Тактика внезапных, дерзких нападений и позволяет партизанам наносить врагу куда более ощутимые потери по сравнению с собственными. [227]

Что же касается того многочасового боя, о котором я рассказал раньше, то, честно говоря, отдельным его участникам и поныне неясны причины нашей победы. Ведь противник имел подавляющее превосходство над нами, и все-таки мы его разгромили. Одни считают, что немалую роль здесь сыграла гибель в начале схватки руководителя карательной операции. Ошеломленные внезапным ударом, гитлеровцы растерялись. Управление подразделениями у них было потеряно. Поэтому они начали панически отходить. Другие полагают, что нам определенно помогла маскировка: наши бойцы заблаговременно переоделись в трофейные синие комбинезоны, и фашисты поначалу приняли их за своих солдат.

Лично я не склонен приписывать нашу победу субъективным факторам, а тем более счастливому случаю. Ее мы добыли прежде всего благодаря мужеству партизан и командирскому искусству Анатолия Шестакова.

Вступив на землю Белоруссии, мы оказались в самой гуще партизанской борьбы, которую здесь вели, можно сказать, все старые и малые. Не в силах сдержать ее, гитлеровцы задались изуверской целью уничтожить белорусский народ, превратить его города и села, леса и поля в пустыню. Мы шли по пепелищам спаленных деревень, меж обугленных стволов деревьев; от золы, пыли и гари першило в горле. В уцелевших же населенных пунктах и в партизанских отрядах царил голод. Подстерегал он и нас.

Командир кличевской военно-оперативной группы Р. З. Изох выделил для снабжения нашего отряда село Озеране, которое до нашего прихода являлось продовольственной базой оккупантов. Отсюда обозы с продуктами обычно направлялись в рогачевский и жлобинский гарнизоны противника. Для их захвата мы начали организовывать засады. Несколько таких операций завершились удачно.

Группа старшего сержанта Мадея пробралась в Рогачев и напала на хлебозавод. Она доставила в отряд 15 вещевых мешков с хлебом и солью. Но этих продуктов едва хватило только для

раненых. Не смогли мы решить продовольственную проблему и после того, как вместе с соседними отрядами нанесли несколько ударов по немецким «экономиям» в Тихоновичах, Барчичах и Подселах. Хуже того, такие налеты всегда заканчивались боями. Они не [228] столько дезорганизовывали снабжение гитлеровцев, сколько отвлекали партизан от настоящей боевой работы, вынуждали их распылять свои силы. Борьба за хлеб могла в конце концов превратиться в самоцель.

Оценив обстановку, Могилевский подпольный обком партии обязал свои отряды помочь населению убрать урожай и надежно спрятать его от фашистов. Пригласили и Шестакова принять участие в этом мероприятии. Для «Славного» выделили район Колбчанской слободы, и мы немедленно вышли туда.

Картина была необычной. Бойцы косили рожь и жали ее серпами, вязали снопы и складывали их в кресцы. Оружие было составлено на обочинах в «козлы». На высоких деревьях примыкающего к полю леса сидели наблюдатели. Работающих в поле охраняли и зенитно-пулеметные установки. В перерывах агитаторы проводили беседы с бойцами и местными жителями. Чаще всего они зачитывали свежую сводку Совинформбюро, принятую нашими радистами.

В воздухе иногда появлялся «фокке-вульф», прозванный бойцами рамой, а колхозниками — по-мирному, бороной. Разведчик кружил над лесом и полями, но огня почему-то не открывал. Молчали и наши зенитчики, чтобы не выдать себя.

Отведенный нам клин мы скосили и сжали очень быстро. Снопы сразу же были увезены с поля на хорошо укрытые тока. Лишь возле самого села Колочи остался несжатым небольшой участок: старики сказали, что здесь рожь еще должна постоять «на корню». Да и у оккупантов нужно было создать иллюзию, что уборка хлеба еще не началась.

Вскоре стало ясно, почему мирно вела себя «борона». Не успели партизанские отряды разъехаться после работы. как в ближайшие деревни нагрянули каратели. Но хлеб был уже надежно спрятан. На следующее утро — 15 августа 1943 года — они вновь пригнали сюда своих солдат, которые начали жатками и косилками убирать тот участок, который был оставлен возле села Колочи.

Майор Шестаков поднял по команде «В ружье!» всех, кто находился в лагере. Незаметно подобравшись к полю, партизаны с криком «ура!» налетели на оккупантов. Бросив сельскохозяйственные машины, те сразу же побежали. Но спастись удалось немногим из них. Плачевно закончилась [229] и попытка гитлеровцев собрать урожай в «своих имениях».

В эти августовские дни «Славный» принял на свои костры несколько самолетов с Большой земли. Нам доставили много боеприпасов и специальных мин. Кроме того, сбросили на парашютах контейнеры с солью и сахаром. Это растрогало каждого из нас. Несмотря на то что страна испытывала огромные трудности, о партизанах она не забывала. Отряд пополнился и людьми. К нам присоединилась большая группа, возглавляемая лейтенантом Корниловым. В наш отряд вступило и немало местной молодежи.

Даже в самые трудные для нас дни не ослабевала разведывательная и диверсионно-боевая работа партизан «Славного». Только в августе и сентябре они совершили 29 диверсий, ударов из засад и налетов на гарнизоны врага, пустили под откос 2 воинских железнодорожных состава под Оршей и Жлобином, сожгли 5 казарм, взорвали 6 дотов, подбили броневик, уничтожили 9 грузовых автомашин с живой силой и военными грузами, захватили много оружия.

Особенно трудно стало производить диверсии на железных дорогах. Гитлеровцы охраняли их усиленно, широко использовали сторожевых собак, минировали подходы к путям, телеграфные столбы и кюветы. По ночам некоторые участки освещались сильными прожекторами со специальных вышек. В лесистой части они вырубали деревья на 150 метров по обе стороны дороги, устраивали завалы, минируя их и опутывая колючей проволокой, раскладывали костры на небольшом расстоянии один от другого.

Оккупанты прибегали к самым различным ухищрениям, стараясь избавиться от крушений. В некоторые ночи они пригоняли на железнодорожное полотно группы местных жителей и держали их до рассвета, угрожая немедленно открыть по ним огонь, если поблизости появятся партизаны. Перед проходом воинских эшелонов фашисты обязательно проверяли подозрительные участки полотна миноискателями, пропускали дрезины, предупредительные составы, порожняк и платформы с балластом. Но и эти меры им не всегда помогали. Партизаны становились все более изобретательными в организации и проведении диверсий.

Грозным оружием в руках подрывников явились специальные мины, доставленные с Большой земли. Используя [230] их, они взорвали на станции Могилев-4 четыре цистерны с бензином и нефтью, а в самом городе — казарму и телефонную станцию. На станции Вендриж также были взорваны две казармы с гитлеровскими солдатами.

Несколько позже подчиненные В. В. Рыкина успешно

произвели три диверсии в Бобруйске. Взорвав здание на углу Костельной и Луговской, в котором размещалась вражеская зенитная часть, они трех офицеров убили и пятерых солдат ранили. Четырьмя сутками позже прогремел новый взрыв на улице Пушкина. Результат: уничтожено 4 рации и 12 радистов, 5 фашистов ранено. Михаил Плетнев, передававший мины подпольщикам, лично уничтожил в городе большой склад лесоматериалов...

Нашим партизанам активно помогали подпольщики. Квартира электрика Николая Пиневича в Могилеве была не только явочной. Там находился и «склад» боеприпасов. Иногда в ней скапливалось до полутонны взрывчатки и десятки маломагнитных мин.

Фамилии непосредственных исполнителей смелых актов возмездия в Бобруйске Василий Васильевич так тщательно зашифровал, что имена славных патриотов, к сожалению, и поныне остаются неизвестными.

...Находясь вдали от фронта, в глубоком тылу противника, мы все же догадывались, что происходит за нашей спиной. Часто о назревающих там событиях говорил сам характер заданий, поступающих из Центра.

Еще в конце августа 1943 года майор Шестаков получил задание усилить наблюдение за магистралями Могилев — Гомель, Могилев — Бобруйск, Могилев — Березино и установить, какие оборонительные работы проводятся гитлеровцами на Грезе, Березине, а также на Друти, в районе Белыничей. Шестаков оживился, расстелил карту.

— Как думаешь, для чего понадобились такие сведения? — поглаживая пышную бороду, спросил начальник белынического оперцентра Сидоренко-Солдатенко, приехавший к Шестакову с командиром соседнего отряда лейтенантом Перестенко.

— Видимо, наши войска будут наступать в обход Могилева и нанесут удар по Белыничам, — сделал вывод майор Шестаков.

С. Г. Сидоренко-Солдатенко и Григорий Перестенко приехали к командиру «Славного» по важному делу. Располагая последними данными о дислокации вражеских [231] гарнизонов, руководитель белынической опергруппы просил Шестакова разработать план совместного удара по райцентру... Спустя день отряды вышли на задание.

Эта операция мало походила на партизанскую. Она началась сильной артподготовкой. Затем отряды ворвались в город и устремились к казармам кавэскадрона и к другим, заранее намеченным объектам. Я с командиром продвигался вслед за бойцами и видел, с какой отвагой они вели этот ожесточенный

уличный бой.

Неожиданно из-за забора на меня с Шестаковым свалился немец и, подняв руки, возбужденно заговорил:

— Я переводчик... Это дом эскадронного командира. Он... с дамой. Во дворе его конь. Я переводчик и сам сдаюсь. Прошу учесть.

— Очень разговорчив! С перепугу, что ли? — проворчал Шестаков.

Трофеи только одного нашего отряда были внушительными: много пулеметов, автоматов, лошадей с седлами, повозок с боеприпасами. А главное — партизаны взорвали все построенные оккупантами оборонительные сооружения, что впоследствии немало способствовало быстрому продвижению наших частей, наступающих в обход Могилева.

Руководивший захватом города и уничтожением крупного вражеского гарнизона майор Шестаков возвращался в лагерь на превосходном сером скакуне...

Неделю спустя наши войска освободили Брянск, еще семь дней — Смоленск, а затем первый город на территории Белоруссии — Хотимск. [232]

В прифронтовой полосе

Где жарче бой, где дело потруднее, Туда и шли...

Б. Муртазов

В начале 1944 года «Славный» базировался в усакинских лесах на Могилевщине. Это время было хотя и более напряженным, чем прежде, но каждый из нас чувствовал себя окрыленнее. Мы радовались успехам советских войск на всех фронтах, но особенно на территории Белоруссии. Здесь Красная Армия полностью овладела инициативой и освободила крупный областной центр Гомель. Теперь партизаны все чаще поглядывали на восток, ожидая встречи с нашими регулярными частями.

Однако вскоре поступило распоряжение Центра — продвинуться дальше на запад. Майор Шестаков немедленно направил за Березину группу бойцов во главе со старшим лейтенантом Головиным. Они должны были не только разведать маршрут, но и подготовить новую базу. Как раз в это время немецко-фашистское командование начало перебрасывать в район Могилева свежие части. Они сосредоточивались в населенных пунктах, расположенных поблизости от Днепра,

Друти и Березины. На берегах этих рек развернулось строительство оборонительных укреплений. Наступление советских войск на нашем участке фронта становилось всё медленнее, а затем и совсем остановилось. Шестаков неожиданно получил радиограмму, в которой отряду предписывалось остаться на прежнем месте и усилить наблюдение за передвижением вражеских частей, за ходом фортификационных работ, проводимых специальными строительными подразделениями противника. [233]

Вместе с многими другими отрядами «Славный» оказался в прифронтовой полосе. Большая концентрация вражеских войск, резко усилившееся передвижение их по дорогам серьезно сковывали действия партизан. Обстановка усложнялась с каждым днем. Теперь Шестаков и Рыкин все чаще встречались с другими партизанскими руководителями, особенно нашим соседом командиром 760-го отряда имени Березовского лейтенантом Перестенко. Они обменивались информацией о противнике, уточняли по карте места расположения его частей.

Маневрировать нам стало негде. А у нас накопились раненые, надо было найти какую-то возможность эвакуировать их на Большую землю. Моя поездка вместе с комиссаром Пеговым в Могилевский обком и белыническую военно-оперативную группу пока не дала ничего утешительного.

Между тем активность неприятеля возрастала. К 1 февраля 1944 года он полностью блокировал шоссейные дороги, ведущие на Бобруйск и местечко Березино, а также железную дорогу Могилев — Осиповичи. На берегах Друти и Березины гитлеровцы, как уже говорилось выше, обосновались еще раньше. Таким образом «Славный» вместе со всей могилевской партизанской группировкой оказался в замкнутом четырехугольнике. По данным разведки, вокруг нас сосредоточились две вражеские дивизии.

Из-за участившихся артиллерийских налетов и бомбежек большинство отрядов покинули свои лагери еще до того, как в лес вступили специальные подразделения фашистов. И все-таки избежать открытых боев с карателями партизанам не удалось. Особенно упорный характер они носили 15 февраля 1944 года.

Блокада в усакинских лесах не походила ни на одну другую. Здесь гитлеровцы решали одновременно две задачи. Они стремились не только вытеснить партизан на открытые участки местности, а затем уничтожить, но и укрыться в лесах, чтобы спастись от ударов наступающих частей Красной Армии.

25 февраля радист Поляков принял радостную сводку: на нашем направлении советские войска, прорвав оборону врага,

заняли город Рогачев. Над лесом прогремело торжественное «ура!».

Теперь появилась возможность более четко выявить, по каким направлениям движутся отходящие немецко-фашистские [234] части. Они отступали в основном через усакинские леса, которые, по выражению майора Шестакова, стали напоминать слоеный пирог. Отряды находились в таком близком соседстве, что не всегда можно было быстро определить, где партизаны и где каратели.

В эта время в Гомеле состоялась VI сессия Верховного Совета Белоруссии, А через несколько дней после окончания ее мы, как и некоторые другие отряды, получили необычную директиву ЦК КПБ и Белорусского штаба партизанского движения. Нам предписывалось оказать помощь местным жителям в проведении посевных работ!

Не требовалось быть большим стратегом, чтобы понять, чем вызвано такое решение. До полного изгнания оккупантов с белорусской земли оставались считанные дни. Стоит советским войскам сделать еще один рывок, и мы окажемся уже в нашем тылу.

О близости дня освобождения в занимаемых нами районах говорил и такой, например, факт: Центр запросил, в какое место нам сбросить груз. И не ночью, а в дневное время! Разве это не свидетельствовало о нашем превосходстве над врагом!

Ночью все, кто находился в штабной землянке, не сомкнули глаз. Сообщив координаты наиболее удобной площадки, мы стали ждать прилета самолетов. Обычно «Славному» грузы доставляли летчики полка ВДД подполковника В. С. Гризодубовой или дивизии транспортной авиации полковника С. Л. Чантокадзе. Их «небесные тихоходы» Си-47 и Ли-2 были маломаневренны и почти беззащитны. Даже ночью «мессеры» нередко перехватывали и атаковали. Как же они решились лететь в дневное время?

Дождавшись утра, начальник штаба лейтенант Оборотов вывел две стрелковые роты к Белому логу и расположил их вокруг поля. К двенадцати часам туда прибыли Шестаков, комиссар и начальник разведки.

Мы стояли на окраине села и напряженно вслушивались в небо. День выдался ясный, солнечный. Сверкающая белизна снега слепила глаза. Гул моторов возник как-то внезапно. И вот из-за леса вынырнули два серебристых самолета с красными звездами на крыльях. Они пронеслись над нашими головами, сбросили на поле груз и, развернувшись на обратный курс, снова скрылись за верхушками деревьев. Потом оттуда донесся грохот взрывов и

треск пулеметных очередей. Это, должно быть, действовали [235] уже наши штурмовики. Мы знали, что там, за рощей, проходит шоссе, по которому сейчас движутся колонны отступающего противника.

Я одним из первых оказался возле двух упаковок, сброшенных с самолетов. В них оказались медикаменты и бинты. Как раз то, что нам требовалось.

В последующие три дня мы приняли ещё шесть контейнеров, в основном с боеприпасами. А в двух последних нам сбросили... сапоги. Когда начальник штаба доложил об этом командиру, я в шутку добавил:

— Значит, нам предстоит дальняя дорога.

Шестаков многозначительно усмехнулся, но ничего не ответил. Он заговорил с разведчиками, которым удалось установить живую связь с армейской разведкой. Они встретились с ней недалеко от города Новый Быхов. Выслушав их доклады, командир раскурил погасшую трубку и снова загадочно ухмыльнулся. Потом как-то не совсем по-военному сказал:

— За выполнение задания благодарю, но эта связь уже не для нас. Нам придется до самого Берлина топать впереди фронта. Начштаба! Готовь людей!

* * *

Усакинские леса мы покидали с грустью. Без малого год базировался здесь «Славный». Совместные боевые операции, особенно тяжелые февральские бои, еще больше укрепили нашу дружбу с партизанами Могилевщины.

На берег Ольсы проводить наш отряд пришли секретарь обкома партии Д. С. Мовчанский, заведующий отделом пропаганды И. П. Крысковец, командир военно-оперативной группы подполковник С. Г. Сидоренко-Солдатенко... В руках этих мужественных людей сосредоточилось политическое и военное руководство целой партизанской армией. Вместе с их людьми бойцы «Славного» выходили ночью 3 августа 1943 года на глубинные магистрали врага, чтобы сковать переброску его резервов в район ожесточенных боев на Курской дуге. С партизанами Могилевщины мы взаимодействовали и на втором этапе «рельсовой войны» — в сентябре — октябре 1943 года...

Трогательным было прощание с партизанскими медиками. Вначале медико-санитарную службу при подпольном обкоме возглавлял военврач Г. И. Загорский, а затем Н. П. Книга. Хорошо знали в лесу и врача Николая Григорьевича [236] Белого из

десантной группы майора Гнеденко. В ближайшем к нам 760-м отряде успешно врачевала Надежда Аркадьевна Высоцкая. Ее врачебная землянка была и своеобразным концертным залом: раненые и больные партизаны частенько слушали здесь задушевные песни и хлесткие частушки. Сочиняли их муж Высоцкой — поэт Леонид Константинович и баянист Михаил Быкадаров, который до войны руководил ансамблем песни и пляски 109-го казачьего полка. Стихи и музыка, звучавшие в партизанском лазарете, были хорошим дополнением к медикаментам, помогали раненым легче переносить страдания.

За Березину уходили мы не одни. Вместе со «Славным» туда отправлялся и 121-й партизанский полк майора Османа Касаева. Он должен был догнать один из своих отрядов, возглавляемый В. П. Дрожниковым, который по решению Белорусского ЦК уже двинулся в район Белостока.

К Березине подошли ночью. Дувший с реки холодный ветер вздымал тучи снега. И все-таки эта злая метель нас радовала. Мы надеялись, что лед на реке за ночь окрепнет и позволит нам без опасений форсировать ее на рассвете. Однако, когда разведчики донесли, что многие населенные пункты на западном берегу заняты противником, командир решил переправляться немедленно.

Переправа оказалась тяжелой и отняла немало времени. Бойцам приходилось перескакивать через многочисленные трещины, некоторые оступались и попадали в промоины. Скот и обоз нам пришлось оставить. На правый берег сумели перетащить лишь пушку да несколько подвод с ранеными.

Было уже утро, когда последняя группа вскарабкалась на крутой и обледенелый берег. Ветер утих. Показалось солнце. Вереница продрогших бойцов, навьюченных вещевыми мешками и обвешанных оружием, вытянулась вдоль улицы небольшой деревни Тижахи. Из хат выбегали женщины и ребятишки. Они угощали нас мелкой теплой бульбой и какими-то жесткими лепешками, приглашали зайти обогреться. Но мы ускоренным шагом направились к лесу. И правильно поступили. Позади послышались взрывы. Это противник, расположенный в соседнем селе, открыл огонь из орудий и минометов.

Население Каменичей, Поповой Гряды, Усох, Красного Берега и Клинка встречало нас радостно. Здесь распространился [237] слух, что Березину форсировала целая советская дивизия. Это вызвало панику среди солдат немецких строительных частей, возводивших укрепления на берегу Березины. Они так поспешно покинули прибрежные населенные пункты, что даже не успели захватить все свое имущество. Об этом же нам рассказал и

командир осиповического партизанского соединения Н. Ф. Королев, в расположении которого «Славный» остановился на отдых.

Условия партизанской борьбы быстро сближали не только отдельных людей, но и целые коллективы. Повсюду, где мы проходили, местные партизаны оказывали нам дружескую поддержку. В отряде Митрошина из бригады «Правда» я оставил на излечение десять тяжело раненных и больных. Разведчики этого партизанского подразделения проводили нас до самого Турина, даже помогли переправиться через Свислочь...

Трудным был путь на запад! На многих участках дорог гитлеровцы производили оборонительные работы, и нам нередко приходилось вступать с ними в бой. Зато эти встречи позволяли нам безошибочно угадывать, на каких участках фронта фашисты особенно боятся прорыва советских войск, где сосредоточивают резервы для ответных ударов. О своих наблюдениях и выводах мы регулярно сообщали Центру.

* * *

Обходя столицу Белоруссии, «Славный» приближался к железной дороге Минск — Барановичи. К середине мая 1944 года он вышел на реку Ислочь, а точнее — в район Налибокской пущи.

Успешным продвижением по большому и сложному маршруту «Славный» был во многом обязан местным партизанам и отрядам из состава нашей отдельной мотострелковой бригады особого назначения, в разное время заброшенным в тыл врага. Некоторые из них — «Победа» лейтенанта Ивана Кузина, «Местные» полковника С. А. Ваупшасова, «Неуловимые» М. С. Прудникова — при отправке на задание насчитывали всего по 30–50 человек. А здесь, в тылу врага, они превратились в партизанские бригады.

Встречаясь с однополчанами, мы много узнавали о судьбах людей нашей не совсем обычной добровольческой бригады. А однажды, разбирая с комиссаром пачку газет, сброшенных с самолета, я обнаружил и несколько номеров [238] многотиражки «Победа за нами». В одном из них я прочел стихи Семена Гудзенко, в другом — увидел братьев-близнецов боксеров Бориса и Юрия Калашниковых. Они были сфотографированы вместе с Михаилом Ивановичем Калининым после вручения им орденов.

Читаю заметку о боевых делах отряда «П» — Прудникова, командира 1-го батальона. Там находится мой санинструктор Александра Павлюченкова. Газета сильно запоздала: мы совсем

недавно встретились здесь с «Неуловимыми». Сам М. С. Прудников теперь в Москве, а его отрядом командует майор А. Г. Морозов. Вот корреспонденция о нашем санинструкторе Зине Чернышевой. Под Москвой боялся ее брать на фронт: уж очень слабой она казалась. Но девушка настояла. И уже в первых же боях отличилась. А что о ней пишут теперь? Военфельдшер З. Чернышева с тремя бойцами выполняла задание. Все они были тяжело ранены. В течение нескольких суток девушка перетаскивала их по очереди от рубежа к рубежу и доставила в лагерь. А до него было более шестидесяти километров. Хрупкая с виду, Зина оказалась мужественной и выносливой.

Из газеты «Победа за нами» я узнал также о подвиге известных спортсменов — младшего лейтенанта Бориса Галушкина, Сергея Щербакова, Виктора Правдина и Павла Маркина, пробившихся к линии фронта с тяжело раненным товарищем, о подвиге комсомольца Петра Щадрина, который не дал врагу обезвредить мину, установленную на железнодорожном полотне. Он подорвал себя и уничтожил несколько гитлеровцев, которые хотели взять его в плен.

Многое о боевых друзьях-однополчанах рассказали нам местные партизаны. Здесь, под Минском, хорошо помнили лейтенанта Ивана Матвеевича Кузина. Его маленький отряд вырос в бригаду, имя которой так и осталось — «Кузинская». Военкомом стал здесь бывший комиссар знаменитого заслоновского отряда Анатолий Евгеньевич Андреев. И еще одно минское партизанское соединение носило имя своего первокомандира А. К. Флегонтова. Он ушел от нас через линию фронта с небольшой группой в августе 1941 года, одновременно с отрядами Медведева, Галковского и Зуенко.

Особо радостной для меня была встреча с Градовым. В то время мало кто знал настоящую фамилию этого видного партизанского вожака — Станислава Алексеевича Ваупшасова. [239] Старый большевик и подпольщик, участник гражданской войны, боев в Испании, чекист, он пользовался у народных мстителей большим уважением, входил в состав Минского подпольного комитета партии. Теперь уже многие слышали и читали о Герое Советского Союза Ваупшасове-Градове, да и сам Станислав Алексеевич написал не одну интересную книгу о своих боевых товарищах...

В Белоруссии мы снова встретились с брянскими друзьями из отряда Николая Зебницкого, носившего кодовое название «Вторые». Он входил в бригаду «Смерть фашизму», которой командовал чекист Петр Леонович Червинский. Первый раз он побывал в тылу врага еще осенью 1941 года. Теперь грудь

Николая Зебницкого украшала Золотая Звезда Героя.

От прибывавших к нам товарищей мы узнавали, кто ушел на задание, где и как действует, кто вернулся из-за линии фронта. Уже дважды забрасывали в тыл врага храброго испанца Хосе Виеска, а Анатолий Шубин побывал там четыре раза.

Вслед за мной в неприятельский тыл ушли с различными отрядами почти все медики полковой санитарной части. С полковником Н. А. Прокопюком («Охотники») отправился военврач Виктор Стрельников, с другим отрядом — военврач Александр Назаров, с «Грозным» лейтенанта Федора Озмителя — санинструктор, секретарь полковой комсомольской организации Людмила Потанина, с полковником А. Г. Мироновым («Заря») — Валентина Гончаренко, с «Удалым» старшего лейтенанта В. В. Ворошилова перешла линию фронта Зоя Первушина, а в район Запорожья опустилась на парашюте санинструктор Аня Соболева, которая проявила героизм и мужество еще во время битвы за Москву. Наконец, мы услышали, что на Украину переброшен новый отряд полковника Д. Н. Медведева «Победитель», в его составе находился врач Альберт Цессарский. Вскоре к медведевцам вместе со своим соотечественником юным болгарином Асеном Драгановым была заброшена и Вера...

Каждое сообщение о боевых делах товарищей вызывало гордость в наших сердцах. А таких вестей было немало. Ведь «Славный» дольше всех находился в тылу врага, не раз принимал на свои костры самолеты с новым пополнением, чтобы перебросить его дальше. [240]

Чем меньше у врага оставалось захваченной территории, тем он сильнее ожесточался. Особенно тяжелыми оказались бои «Славного» с неприятельскими гарнизонами, располагавшимися в местечках Новоселки и Камень, на пути к городам Ивенец и Воложин.

Основным опорным пунктом гитлеровцев в местечке Камень служило массивное каменное здание. Два наших 45-миллиметровых орудия не смогли разрушить его стены даже огнем с прямой наводки. Роте старшего лейтенанта Романькова пришлось штурмовать этот бастион.

Пункт сбора раненых я разместил за невысоким кирпичным забором кладбища. Первым ко мне доставили командира взвода Николая Башкирова. Пуля угодила ему в грудь. Выносивший его из-под обстрела Семен Мирза погиб. Затем принесли пулеметчика Валентина Курлапова. Пока я перевязывал его, он выкрикивал разные команды, звал Гришу, который доставил его на медпункт. Но друга его здесь уже не было — он снова ринулся в бой.

Григорием в нашем отряде прозвали Роберта Карловича

Ортинга. Опасным путем пришел он к нам из Могилева. Видимо, потому, что он был латышом, оккупанты посчитали его лояльным и назначили начальником электроподстанции. Грубый расчет на национализм прибалтов дорого обошелся гитлеровцам. Получив от нас мины, «лояльный» Ортинг вместе со своими друзьями Александром Зверьковым и Владимиром Селиванчиковым взорвал и подстанцию, и аварийный дизель, обслуживавший депо. Затем все трое пришли в наш отряд...

Упорный и кровопролитный бой закончился лишь на рассвете. Вражеский гарнизон в местечке Камень, как и накануне в Новоселках, был полностью разгромлен.

Эти две дерзкие операции, последовавшие одна за другой, вызвали среди гитлеровцев переполох. Чтобы покончить со «Славным», они бросили наперехват ему батальон солдат из Ивенца, посаженный на автомашины, и кавалерийский эскадрон из Старинок. На дороге между местечками Мазулевщина и Кралевщизва каратели с ходу атаковали отряд. Однако майор Шестаков уже знал об их приближении, успел не только выбрать выгодный для обороны рубеж, но и правильно расположить огневые средства. Бойцы открыли по фашистам дружный огонь из пулеметов и противотанковых ружей. Те не ожидали такого отпора и повернули назад. На поле боя осталось несколько [241] подбитых автомобилей, более десятка оседланных лошадей, немало убитых и раненых гитлеровцев.

У нас в этот раз потерь не было. Но раненых прибавилось. Теперь они еще больше затруднили дальнейшее продвижение отряда. Командир принял решение возвратиться в Налибокскую пущу, чтобы дать передышку личному составу и попробовать эвакуировать бойцов, получивших тяжелые ранения. По его поручению я немедленно выехал в партизанскую бригаду имени Сталина, которая располагала полевым аэродромом. Там мы очень быстро договорились по всем вопросам. Нужно было торопиться с эвакуацией. Особенно сильно меня беспокоили потерявший зрение Володя Клименков и Дмитрий Халамов, у которого началась гангрена обеих ног.

Погода стояла хорошая, и вскоре мы приняли первый самолет. Потом прилетели второй, третий... В течение нескольких ночей мне удалось отправить на Большую землю не только всех раненых и больных, но и несколько женщин и стариков. Крылатая помощь оказалась очень своевременной. Едва я выполнил поставленную передо мной задачу, как поступило указание Центра — отряду выйти в треугольник железных и шоссейных дорог, связывающих Молодечно и Лиду со столицей Литвы — Каунасом.

Поступивший из Москвы приказ свидетельствовал прежде всего о том, что территория, на которой мы сейчас находимся, вскоре будет освобождена советскими войсками. Это, конечно, радовало. Но к хорошему чувству примешивалась и грусть: «Славному» снова предстояло удаляться от фронта.

Каждый новый шаг в глубь занятой врагом территории становился все труднее. К середине лета 1944 года протяженность коммуникаций противника еще больше сократилась, и он усиленно их охранял. После нескольких неудачных попыток перейти железную дорогу Лида — Молодечно отряд разместился в деревне Ягодзень. Надо было подождать до тех пор, пока подчиненные подполковника В. В. Рыкина не разведают и не изучат новый маршрут.

Из разных источников мы узнавали, что в войсках противника, расположенных в Минске, Барановичах, Лиде, Молодечно и Гродно, наблюдается нервозность, граничащая с паникой. Она была вызвана не только поражениями [242] оккупантов на фронтах, но и резким усилением активности партизан, особенно на коммуникациях.

Немецко-фашистское командование спешно принимало спасительные меры. Южнее Минска и под Слуцком оно бросило против народных мстителей крупные силы регулярных войск, танки и авиацию.

Пока Василий Рыкин со своими помощниками отыскивал новый маршрут, бойцы отряда успешно совершили несколько налетов из засад. Около села Вишнево они подбили и сожгли четыре автобуса с летным составом, возвращавшимся из Воложинского дома отдыха, а также легковой автомобиль с пятью офицерами.

Но этот успех мало обрадовал командира. Его тревожило одно: почему отряд до сих пор не сумел перейти железную дорогу? И без того немногословный, Анатолий Петрович замкнулся в себе, сделался угрюмым, стал сам выезжать на операции, даже на такие, которые совершенно не требовали его личного участия.

Однажды, находясь в засаде рядом с майором, я вдруг заметил, что от нервного перенапряжения у него начался бред. Сразу же взял для охраны несколько бойцов и отвез больного в Ягодзень. Там составил срочную радиограмму в Центр и запросил самолет. Но Шестакова не пришлось эвакуировать: наступила трагическая развязка.

На берегу Ислочи в скорбном молчании выстроились бойцы «Славного». Отдать последний долг нашему талантливому и бесстрашному командиру, с которым мы прошли по тылам врага

от Подмосковья до Западной Белоруссии, прибыли представители и других партизанских отрядов. Велика была наша скорбь. Шла война, большая, тяжелая. Она вырвала из наших рядов многих боевых друзей. Унесла она и всеми любимого Анатолия Петровича.

Командиром «Славного» Центр назначил Кондратия Андреевича Мадея. Такое решение никого не удивило. В тылу врага спортсмен быстро освоил тактику партизанской борьбы. Почти ни одна серьезная операция не проходила без его участия. Мадей умел поднимать боевой дух людей, руководить ими в бою и добивался успеха. Несмотря на его скромное воинское звание (он лишь недавно стал младшим лейтенантом), Мадея хорошо знали и уважали партизаны других отрядов, с которыми нам приходилось проводить совместные операции. [243]

Созвав командиров, Мадей объявил о решении немедленно пробиваться в район, указанный Центром.

— Пусть наш успех, — подчеркнул он, — станет последней, самой лучшей почестью Шестакову, которому так дорого обошлась задержка возле дороги.

Новый маршрут оказался не легче прежнего. В районе железнодорожной станции Полочаны нам пришлось вступить в бой с охранным подразделением противника и отклониться в сторону. В лесной деревушке Копачи разведчики внезапно обнаружили сильно охраняемый объект. Вскоре выяснилось, что мы случайно набрели на специальную школу гитлеровцев, которая готовила агентов и диверсантов для засылки в советский тыл и в партизанские отряды.

Такое гнездо, разумеется, нельзя было обходить и оставлять нетронутым. Упорный ночной бой завершился полным разгромом школы. Несколько агентов удалось захватить в плен. Этому особенно обрадовался Василий Васильевич Рыкин.

Второй сокрушительный удар партизан по гарнизону, расположенному вблизи дороги, еще больше всполошил противника. Теперь о переходе «железки» в зоне станции Полочаны, как предусматривалось планом, и думать было нечего.

Вначале командир подумал, что вышестоящие военачальники не похвалят его за такую инициативу. Но он напрасно волновался. Центр одобрил разгром копачевской школы. Больше того: Мадею было предложено задержаться здесь и подобрать площадку для посадки самолета, который прилетит за немецкими агентами.

В ожидании крылатого гостя с Большой земли Мадей с частью сил отряда нанес удары по Березовке, Верескову и Вселюбу. Предчувствуя близкое наступление советских войск,

гитлеровцы спешили превратить эти деревни в опорные пункты. Враг сопротивлялся отчаянно. Но мы сумели разогнать его строительные подразделения.

Жаркое дыхание приближающегося фронта ощущалось все явственнее. 27 июня мы узнали, что наши войска уничтожили крупную вражескую группировку, окруженную в районе Витебска. Потом они взяли Оршу, Могилев, Бобруйск...

Вскоре лесные дороги и большаки оказались буквально забитыми отступающими немецкими частями. Но как [244] не походили эти солдаты на тех, которых мы видели раньше. Усталые, грязные, в большинстве своем безоружные, они начинали дрожать при виде людей с красными ленточками на головных уборах. При первом же окрике солдаты фюрера поднимали руки и угодливо семенили туда, куда приказывали им идти. Для сбора пленных мы облюбовали большую поляну, но вскоре стали опасаться, что и она окажется тесной.

Правда, не все гитлеровские вояки протрезвели от сокрушительных ударов Красной Армии. Нередко нам приходилось вступать в бой с одичалыми, бродячими группами фашистов, чаще всего с такими, которыми руководили эсэсовские офицеры. Но вскоре и они, убедившись в невозможности пробиться на запад, начали отыскивать партизанские заставы, чтобы сдаться в плен.

Нелегко было находиться в одном котле с гитлеровцами. А с застав поступали все новые группы военнопленных. Их число перевалило уже за несколько сотен. Мы не знали, что с ними делать, чем их кормить. Среди вражеских солдат немало было и раненых, и мне приходилось оказывать им медицинскую помощь. На бинты был изрезан последний парашют.

— А я хотел было сберечь его для музея! — пошутил помощник начальника разведки старший лейтенант Захар Шуманский. Он совсем недавно спустился к нам на этом парашюте. Попал в реку. Оттуда его с трудом выловили партизаны бригады Пономаренко.

В полдень 7 июля с одной из застав прискакал на взмыленной лошади боец Арсений Леонтьев. Он был взволнован, но по его радостному лицу мы сразу же догадались: наконец-то свершилось! Наступил день, которого мы так долго и нетерпеливо ждали, — день встречи с родной армией. Вскочив на коней, командир, комиссар, В. В. Рыкин, начальник штаба и еще несколько человек поскакали в Бакшты. С ними помчался и я. Перед поселком мы свернули с большака, сошли на землю и, наломав березовых веток, принялись выбивать из одежды пыль. Хотелось предстать перед своими в самом лучшем виде.

В Бакштах несколько солдат, руководимых лейтенантом, разматывали телефонный кабель. Минут через десять подъехал виллис. Из машины вышел высокорослый генерал, сопровождаемый двумя автоматчиками. Приветливо [245] поздоровавшись с нами, он подозвал лейтенанта и сказал ему:

— Сматывай-ка кабель! Здесь задерживаться не будем. Возьми у партизан проводников до местечка Ивье. Там развертывайся!

Потом обратился к Мадею:

— Как переправы? Наверное, все мосты успели взорвать? А у меня артполк на подходе! Придется просить у вас помощи...

Вслед за генералом мы направились в Ягодзень. Ее улицы были заполнены советскими солдатами. Партизаны группами собирались возле них, знакомились, вступали с ними в оживленные разговоры. У тех и у других на лицах — радостные улыбки.

Во время обеда в дом, где мы находились, вошел подполковник и доложил:

— Командир восемьдесят третьего гвардейского гаубичного артиллерийского полка резерва Главного командования гвардии подполковник Уваров!

— Сядь, подкрепись, — кивнул ему генерал. — Где засел?

— Возле Ивенца, товарищ генерал, — ответил подполковник. — Пока не засел, но дела скверные: шесть речек, а на них ни одной переправы!

— Рядом со мной партизанские начальники, — улыбнулся генерал. — Они взрывали эти мостики, они и помогут нам их восстановить!

Спустя четверть часа наши бойцы, взяв топоры и пилы, отправились с подполковником.

Откровенно говоря, мы тогда смутно представляли себе, какой стала регулярная Красная Армия за те два с половиной года, которые отряд провел в тылу у врага. Теперь мимо нас нескончаемым потоком двигались автомашины, бронетранспортеры, танки, самоходные артиллерийские установки, целые подразделения «катюш». Нас поражало обилие новой военной техники. От ее железного рокота сотрясались избы и деревья, казалось, прогибается даже земля.

Мы стояли возле дороги, любуясь грозной колонной проходящих машин. Солдаты кричали: «Ура — партизанам!» Мы не менее громко отвечали: «Ура — нашей армии!» Вдруг через борт одного из грузовиков перемахнул запыленный капитан и схватил в охапку лейтенанта Оборотова. [246] Нашему начальнику штаба везло. Везде ему встречались однокашники по

Ташкентскому пехотному училищу: на Брянщине — лейтенант Максим Клименко, теперь Петр Поляков...

Поток наших войск катил и катил на запад!

8 июля, завершая полное окружение крупной группировки противника, войска 1-го Белорусского фронта освободили Барановичи. Это ещё больше увеличило количество взятых в плен немцев, А командиры проходивших частей подбрасывали нам своих пленных, чтобы они не были для них помехой. Только 14 июля поступил приказ Центра: «Славному» прибыть в Минск и доставить туда военнопленных.

...В пяти километрах от белорусской столицы, в деревне Сухарево, нас встретила группа товарищей из Центра и из белорусского штаба партизанского движения.

...В последний раз перед нашим штабом прошли бойцы «Славного» — почти четыре сотни юных и пожилых народных мстителей, воинов Красной Армии. Многие были одеты в немецкую форму и вооружены трофейным оружием. Как ни старались бойцы держаться строго и казаться суровыми, они не могли сдержать счастливых улыбок. Пыльная проселочная дорога и разбитая обувь не позволяли чеканить шаг. Но все равно их поступь была уверенной, победной. Это были радостные шаги, отсчитывающие последние метры на многокилометровом пути «Славного».

Спустя несколько дней личный состав отряда влился в ряды действующей армии. Мне было поручено возглавить группу по составлению отчета о действиях «Славного» в тылу врага.

В середине августа, сдав отчёт, Кондратий Мадей, майор Пегов, подполковник Рыкин, лейтенант Оборотов и я сели в «дуглас». Этим же самолетом в Москву летели прославленные партизанские вожаки Кирилл Орловский и Станислав Ваупшасов... Под крылом проплыла освобожденная земля Белоруссии, потом — Брянщины. А вот и Подмосковье, где мы получили первое боевое крещение, откуда начал свой долгий путь наш «Славный». [247]

Нашими тропами

Друзей погибших голоса Я слушаю, припоминая...

Л. Озеров

В погожий июньский день учительница Анна Ивановна Татаринова пришла с пионерами 291-й московской школы на

берег Москвы-реки. Здесь состязались гребцы. Одна из лодок вырвалась вперед... Победа!

Руководитель соревнований объявил, что вручается переходящий приз памяти заслуженного мастера спорта СССР, восьмикратного чемпиона страны Александра Максимовича Долгушина, погибшего во время Великой Отечественной войны. Кубок победителю вручала жена героя Людмила Николаевна.

Рядом со мной стоял Али Исаев. Были здесь и другие товарищи по отряду — заслуженные мастера спорта Николай Шатов, Леонид Митропольский, Михаил Иванькович, Григорий Ермолаев, Виктор Зайпольд. Пришли на соревнования бывшие разведчики Михаил Семенов, Анатолий Соловьев, Сергей Константинов, Петр Борисов, Митрофан Диваков, Павел Мартынов... Нас обступили ребята из пионерского отряда имени Александра Долгушина, с которыми пришла учительница.

— А живет ваш Саша! В сердцах молодежи живет! — сказала она.

Подобно Долгушину продолжает жизнь не один наш боевой товарищ. Проводятся Международные и Всесоюзные мемориалы, посвященные Серафиму и Георгию Знаменским (по легкой атлетике), Анатолию Капчинскому (по конькам), Любови Кулаковой (по лыжам), кросс имени Героя Советского Союза Бориса Галушкина. В Москве именами наших однополчан Героев Советского Союза [248] Д. Н. Медведева и Л. Х. Паперника названы улицы, есть школа имени Валерия Москаленко. На Львовщине одна из школ носит имя Героя Советского Союза Николая Кузнецова. В Думиническом районе Калужской области, в Руднянском районе Смоленской области, на Брянщине есть улицы, пионерские дружины и клубы Красных следопытов имени Александра Малюгина, Юрика Нечаева и Василия Горохова; на Алтае и в белорусских Бакштах школы и отряды имени А. П. Шестакова. В московской школе № 291 пионеры, пройдя по нашему следу, создали музей и назвали его «Славный». Десятки фотографий спортсменов, бывших партизан отряда и бригады хранятся на стадионах имени В. И. Ленина и «Динамо», а также в Государственном ордена Ленина институте физической культуры. В Музее пограничников выставлена картина, на которой запечатлен подвиг 22-х героев-лыжников нашего батальона...

Пионеры змеиногорской школы № 6, в которой учился А. П. Шестаков, на деньги, вырученные от сдачи металлолома, приобрели трактор. В дни Всесоюзной пионерской линейки мощный ДТ-54 был передан алтайскому колхозу «Россия». На его радиаторе красовалась табличка «Шестаковец». Их примеру последовали пионеры других учебных заведений этого города.

Когда мы вместе с бывшим командиром полка С. В. Ивановым и несколькими бойцами «Славного» приехали в далекий Змеиногорск, нам трудно было сдержать волнение. На площади, где собрались жители города и окрестных сел, рядом с «Шестаковцем» стояло еще девять тракторов, носящих имена героев-земляков. Эти машины пионеры передавали лучшим механизаторам алтайских колхозов.

Немало можно рассказать о тех моих товарищах из отряда, кто и поныне трудится на благо Родины. О послевоенной жизни однополчан следовало бы написать не эпилог, а целую книгу!

Такое же мужество, как когда-то в бою, проявили в спорте Николай Шатов, Леонид Митропольский, Григорий Ермолаев и Борис Бутенко. Несмотря на то что раны все время давали о себе знать, эти спортсмены еще долго выступали в крупных соревнованиях. На боксёрский ринг выходили Николай Королёв и Сергей Щербаков, в сектор для метания диска и молота вступал Али Исаев. Теперь он возглавляет кафедру физического воспитания в Махачкале. [249]

Многие товарищи и по сей день находятся на тренерской и преподавательской работе. Например, Георгий Мазуров, который осенью 1941 года учил нас преодолевать водные препятствии, является членом центрального совета «Динамо». Бывший боец первого батальона Петр Степаненко — главный специалист московского совета этого общества и один из тренеров олимпийской сборной. Смоленский партизан Вячеслав Хатунцев многие годы возглавляет добровольное спортивное общество «Труд». Сборную волейбольную команду страны тренирует Виктор Правдин. Друг и спортивный соперник феноменального гребца Александра Долгушина — армейский тренер И. Т. Тимошин подготовил ему достойную смену: одним из олимпийских чемпионов стал его сын Александр. Бывший командир отделения, а затем заместитель командира бригады по политчасти Н. Д. Никитин в течение нескольких послевоенных лет возглавлял спортивно-массовый отдел стадиона имени В. И. Ленина. Многие спортсмены, воевавшие в составе бригады и отряда, уже за послевоенные спортивные достижения удостоены правительственных наград.

Бойцы 1-го батальона Александр Зевелев и Евгений Ануфриев, сражавшиеся под Москвой и за линией фронта, стали докторами наук. Вера Тодоровна Давыдова-Павлова получила эту высокую ученую степень за открытия в медицине. В пятидесятых годах она выехала на свою родину в Болгарию.

Незабываемы встречи с однополчанами! В дни празднования 25-й годовщины нашей победы над фашистской Германией мне

оказали высокую честь — открыть мемориальную доску на динамовском стрельбище под Москвой. Здесь в июле 1941 года формировалось наше особое соединение. Из многих городов страны съехались сюда ветераны, родственники погибших, юные следопыты. Под звуки оркестра на зеленое поле вышли полки бригады, возглавляемые прежними командирами и комиссарами. Над колоннами вздымались транспаранты с названиями отрядов: «Вперёд», «Славный», «Неуловимые», «Победитель»... На груди многих бойцов сверкали правительственные награды. Ведь 22 из них стали Героями Советского Союза, более 6000 награждены орденами и медалями.

Встречаются партизаны и на местах бывших боев. Недавно, например, многие из тех, кто сражался на Брянщине, собирались в клетнянском лесу. Этой встрече я посвятил [250] стихотворение, которое там и прочел боевым друзьям. Вот оно.

Мы снова здесь — В лесах клетнянских!
Сюда, как много лет назад,
Глухой тропою партизанской
Пробрался «Славный» — наш отряд.
Но мы не отдыха искали!
Среди болот, среди ветвей
Мы здесь таких же повстречали —
Своих людей, Своих друзей.
Лесов бушующий покров,
Войной истерзанный и смятый,
Вселял сыновнюю любовь
К Отчизне, Пламенем объятой.
Кострами землю отогрев,
Мы рыли братские могилы...
В лесах Мужал наш правый гнев,
В лесах копились наши силы.
Здесь каждый ствол и каждый шаг
Отмечен битвой партизанской:
Народа враг, Отчизны враг
Здесь смерть нашёл — В лесах клетнянских.

...Книга не вместила многие события, десятки имен командиров и бойцов, о которых хотелось бы рассказать. Надеюсь, товарищи не обидятся на меня за то, что, работая над книгой, я прежде всего думал о павших в бою, о тех, кто уже никогда не сможет стать в строй ветеранов. Разумеется, я старался не забывать и о живых, особенно о тех, кто сменил нас на почетной службе в Советской Армии. Ведь именно за светлое

будущее нашей Родины, нашей прекрасной молодежи самоотверженно сражался «Славный» и многие другие отряды бригады особого назначения.

1961–1973 гг.

Москва.

Илья Юльевич ДАВЫДОВ

М. Ф. Орлов

Л. А. Студников

М. Н. Шперов

К. З. Лазнюк

А. П. Шестаков

В. В. Рыкин

В. С. Пегов

С. В. Иванов

К. А. Мадей

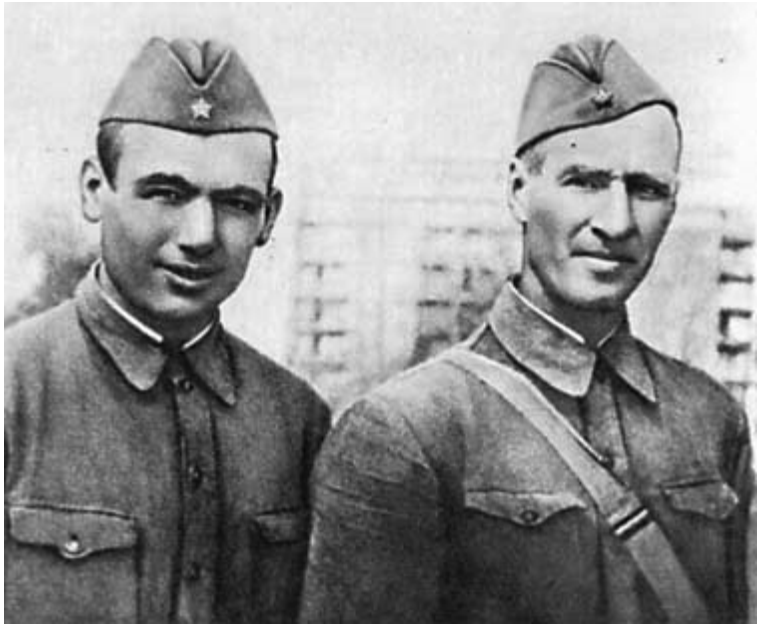
С. Т. Стехов

Н. Д. Никитин

В. В. Гриднев

М. С. Прудников

П. П. Шаров



Али Исаев и Леонид Митропольский

Д. И. Гудков

П. П. Дмитриев

П. С. Захаров и А. С. Казицкий

В. Т. Давыдова-Павлова

М. В. Бреусов

Мария Фернандес

Асен Драганов

Хосе Виеска

Г. Г. Мазуров

В. В. Хатунцев

Н. И. Шатов

А. Жмурко, И. Альтерман, Р. Губайдуллин, Ю. Король

А. К. Долгушин

Е. А. Ивлиев

Серафим Знаменский, И. Ю. Давыдов и Георгий Знаменский

М. Д. Семенов

Анна Соболева

Зоя Первушина, Людмила Потанина и Зинаида Чернышева

Александра Павлюченкова

Мария Петрушина

В. А. Стрельников

Г. А. Щелкунов

С. П. Гудзенко

Валентина Гончаренко

А. Зевелев

В. Юдичев

С. А. Ваупшасов

Л. Х. Паперник

Д. П. Поляков

П. Л. Червинский

И. А. Толбузин

С. Г. Сидоренко-Солдатенко

В. Горохов

В. Алексеев

И. Экгольм

В. Е. Романьков

Е. Е. Козлова

М. Ерофеев

А. С. Васильева, М. И. Оборотов и П. Г. Борисов

Н. В. Садовников

И. В. Садовников

М. И. Калинин с братьями Юрием и Борисом Калашниковыми

Ю. Нечаев

П. Кондрашов

С. П. Денищенков

В. В. Тидеман

В. В. Китаев

А. П. Званский

П. Уколов, Е. Снежкова и И. Захаренков

Партизаны «Славного». В первом ряду (слева направо): Л. Соловьева, В. Ф. Полевич и Л. Полевич. Во втором ряду: И. Блащук, Н. Болтова, В. Кокошкина и З. Маркина

А. Пименов

В. Холопов

М. И. Хитров

С. С. Дворецкий

А. Леонтьев

Е. Ф. Лупин

Воины на квартире у матери А. П. Шестакова — Надежды Александровны

Механизатор И. Р. Гречкин у трактора «Шестаковец»

Бывшие воины и партизаны бригады у Большого театра в День Победы

Бывшие партизаны «Славного» возлагают венки на могилы павших в бою товарищей. Село Бакшты Белорусской ССР